

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Книжка 2.

МОСКВА.

Типографія В. Голье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго.

1871.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

~~~~~  
ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.  
~~~~~

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.**  
~~~~~

МОСКВА.

Типографія В. Готьє. на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.

1871.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.

Ректоръ Протоіерей *Александръ Горскій*.

С Л О В О

НА ДЕНЬ ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, РОДНАГО БРАТА.

Благой установилъ Господь порядокъ для сихъ нашихъ ежегодныхъ празднествъ, которыя по нѣкоей учрежденной послѣдовательности мы уже совершили въ сіи дни и теперь совершаемъ. А порядокъ духовныхъ празднествъ для насъ тотъ же, которому научилъ и великій Павелъ, свыше имѣвшій познаніе о такихъ предметахъ. Онъ говоритъ, что во первыхъ поставлены Апостолы и Пророки, а за ними пастыри и учителя (1 Кор. 12, 28; Еф. 4, 11.) Съ сею указанною Апостоломъ послѣдовательностію согласуется порядокъ ежегодныхъ празднествъ. Но первое празднество я не считаю наряду съ прочими. Ибо благодать богоявленія Единороднаго Сына, открывшагося міру чрезъ рожденіе отъ Дѣвы, не просто есть святое празднество, но святое святыхъ и празднество празднествъ. И такъ

перечтемъ слѣдующія послѣ него. Первое начало духовному ликостоянію положили Апостолы и Пророки; ибо однимъ и тѣмъ же лицамъ вполне принадлежатъ оба рода дарованій, — Духъ апостольскій и Духъ пророчества. Они суть: Стефанъ, Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Павелъ. Потомъ послѣ нихъ сохраняя свою чреду, начинаетъ намъ настоящее празднество пастырѣ и учитель. Кто это? сказать ли имя или и не именуя, достаточно благодати, чтобы указать (сего) мужа? Ибо слыша объ учителѣ и пастырѣ послѣ Апостоловъ, ты конечно представилъ уже въ умѣ пастыря и учителя вполне послѣдовавшаго Апостоламъ. Я говорю о немъ, о сосудѣ избранія, высококомъ по жизни и слову Василій, который угоденъ Богу (Дѣян. 7, 20) отъ рожденія, старецъ нравами отъ юности, наученъ, подобно Моисею, всякой премудрости внѣшнихъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ священными писаніями отъ младенчества и до конца жизни напитаенъ, возвращенъ и укрѣпленъ. Посему, научая всякаго человѣка во всей премудрости Божественной и мірской какъ бы какой ободесноручный воитель вооружившись на противниковъ тѣмъ и другимъ ученіемъ, преодолеваетъ обоими вступающихъ съ нимъ въ борьбу, превосходя въ каждомъ тѣхъ, которые думали, что они имѣютъ въ какомъ либо изъ сихъ ученій силу противъ истины, —

еретиковъ, ссылающихся на писаніе, опровергая писаніями, а Елминовъ, запутывая ихъ собственнымъ ученіемъ. Побѣда же надъ противниками имѣла слѣдствіемъ не паденіе побѣжденныхъ, но возстаніе; ибо побѣжденные истинною получали вѣнцы, дѣлаясь побѣдителями надъ заблужденіемъ и ложью.

Таковъ у насъ тотъ, который предлагаетъ намъ нынѣ настоящее празднество, подлинный провозвѣстникъ Духа, мужественный воинъ Христовъ, громогласный проповѣдникъ спасительнаго ученія, подвижникъ и предводитель въ дерзновеніи за Христа, которому только время даетъ второе мѣсто послѣ Апостоловъ. Ибо еслибы Василій получилъ жизнь въ одно время съ Павломъ; то безъ сомнѣнія о немъ писано было бы вмѣстѣ съ Павломъ, какъ о Силуанѣ и Тимоѣѣ. А что предположеніе мое не чуждо истины, можно доказать слѣдующимъ образомъ. Забудемъ то, что святые предшествуютъ другъ другу по времени; ибо время какъ прошедшее, такъ и настоящее, одинаково не имѣетъ отношенія ни къ добродѣтели, ни къ пороку, не будучи по природѣ своей ни тѣмъ ни другимъ, такъ какъ добро въ произволеніи, а не во времени. Сопоставимъ вмѣсто сего вѣру съ вѣрою и слово съ словомъ, и тогда правильно сличающій сопоставленные дивныя дѣла, найдетъ въ обоихъ одинаковую благодать, сообщенную однимъ

и тѣмъ же Духомъ, каждому изъ нихъ соотвѣтственно ихъ вѣрѣ. Если Павелъ предшествовалъ по времени, а Василій явился много поколѣній спустя; то почитай это дѣломъ божественнаго домостроительства о людяхъ, а недоказательствомъ умаленія по добродѣтели; поелику и Моисей родился спустя много времени послѣ Авраама, а послѣ Моисея — Самуиль, за нимъ Илія, послѣ него великій Іоаннь, за Іоанномъ Павелъ, и послѣ него Василій. Какъ относительно предыдущихъ святыхъ позднѣйшее явленіе по времени не сдѣлало ихъ меньшими славою по Бозѣ, такъ и нынѣ при словѣ о добродѣтели да будетъ умолчано о старшинствѣ по времени. Потому что послѣдовательность во времени ихъ явленія, какъ мы сказали, есть доказательство промысленія Божія о человѣкахъ. Ибо Богъ *свидѣй вся прежде бытія ихъ*, какъ говоритъ пророкъ (Дан. 13, 42), предвидя, что злоба діавола будетъ распространяться съ каждымъ поколѣніемъ людей, приготовляетъ приличнаго и соотвѣтствующаго болѣзни каждаго поколѣнія врача, чтобы не осталась безъ врачеванія болѣзнь людей отъ недостатка врачующихъ и не овладѣла родомъ человѣческимъ. Посему когда превозмогала философія Халдеевъ, полагавшихъ причину сущаго въ извѣстномъ движеніи звѣздъ, и непризнававшихъ высшей видимаго Силы все создав-

шей, тогда Богъ воздвигаетъ Авраама, который пользуясь симъ ученіемъ какъ руководствомъ, чрезъ видимос обрѣлъ Умопостигаемаго, и для потомковъ сдѣлался путемъ вѣры въ сущаго Бога, самъ достигнувъ ея чрезъ оставленіе отеческаго заблужденія и сродства чувствъ съ видимою тварию. Потомъ, когда Египтяне изобрѣли демонскую нѣкоторую и чародѣйственную мудрость по наущенію, думаю, омрачающаго разнообразною лестію, Богъ воздвигъ Моисея, болѣе превосходною мудростію, уничтожившаго Египетскую лесь. Знакомый съ писаніемъ знаетъ конечно какъ въ то время, когда обманщики противопоставляли божественнымъ знаменіямъ свои ложныя чудеса, Моисей содѣйствіемъ силы высшей превозмогъ всякую Египетскую силу, обративъ ее въ ничто; разумѣешь, что я дѣлаю намекъ на жезлы и другія чудеса. По прошествіи же времени, когда Израильтяне, по причинѣ безначалія, при смутномъ народномъ правленіи пришли въ дурное положеніе, является Самуиль, самъ держа народъ въ повиновеніи, и недопуская его до смѣшенія съ иноплеменниками; за тѣмъ подготовивъ замѣну безначалія учрежденіемъ царства, собралъ разложившіеся между собою колѣна, сдѣлавшись законодателемъ царской власти.

Потомъ много поколѣній спустя, когда Ахаавъ, этотъ женоугодникъ, и самъ отпаль

отъ священныхъ законовъ отцевъ, сдѣлавшись рабомъ развратной жены, и чрезъ нее увлекшись заблужденіемъ идолопоклонства, увлекъ съ собою Израильскій народъ; тогда Богъ воздвигаетъ Ілію, имѣвшаго врачующую силу соотвѣтственную великости болѣзни этихъ людей, — мужа отъ презрѣнія заботы о тѣлѣ измозженнаго лицомъ и покрытаго густотою собственныхъ волосъ, отшельника по жизни, строгаго на видъ, съ печальнымъ лицомъ, съ потупленнымъ въ землю взоромъ, покрывавшаго тѣло козьею кожею на столько, на сколько требуетъ приличіе, остальное оставлявшаго открытымъ погодъ, и нисколько незаботящагося о смѣнахъ жара и холода. Онъ, явившись народу, бичемъ голода вразумляетъ Израиля, какъ бы какимъ жезломъ этою казнію поражая беспорядочную жизнь народа. Послѣ сего божественнымъ при священнодѣйствіи огнемъ, врачуетъ болѣзнь идолопоклонства. Спустя много времени послѣ Іліи, является другой, въ духѣ и силѣ Іліи, рожденный отъ Захаріи и Елисаветы и весь народъ собиравшій въ пустыню своею проповѣдію; онъ и обагреніе кровію пророковъ и всякаго рода нечистоты, и разнообразныя узы грѣха, которыми какъ бы оковами въ то время былъ обложенъ весь народъ, — онъ все это разрѣшалъ проповѣдію покаянія и омывалъ чрезъ погруженіе въ водѣ

Иордана, являясь въ дѣлахъ по Бозѣ ничѣмъ не меньшимъ подвизавшихся прежде него въ добродѣтели. Воскрепятствовало ли также Павлу позднѣйшее послѣ Іоанна появленіе достигнуть высшей степени преспѣянія по Бозѣ? Не тотчасъ ли онъ сдѣлался любителемъ Божественной красоты, какъ скоро она возсіяла его очамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отпала чешуя съ глазъ его, образно означавшая покрывало сердечное, которое облекая душевный взоръ Іудеевъ дѣлало ихъ слѣпыми для истины? И послѣ того какъ въ таинственной банѣ сложили нечистоту невѣдѣнія и заблужденія, неизмѣнилъ ли тотчасъ свое естество на болѣе божественное состояніе, и какъ бы скинувъ эту грубую и плотскую оболочку, вселился въ самое небесное святилище? Не отягчаемый нисколько оболочкою тѣлесною, не былъ ли онъ внутри боговасажденнаго рая, и посвященный тамъ истинною въ неизреченныя таинства, не получилъ ли оттуда силу слова для приведенія всѣхъ языковъ въ послушаніе вѣры? Посему содѣлался онъ отцемъ почти всей вселенной, посредствомъ духовныхъ болѣзней дѣторожденія изводя на свѣтъ тѣхъ, которые чрезъ него получили образъ Христовъ, въ благочестіи. И такъ если относительно прочихъ святыхъ, преемство по времени нисколько не умалило ихъ преуспѣянія по Бозѣ, такъ какъ благодать каждому

одинаково содѣйствовала къ совершенству; то справедливо дерзаемъ причислить къ онимъ именитымъ святымъ и человѣка Божія, бывшаго въ наше время, великій сосудъ истины, — Василия; поелику позднѣйшее по порядку времени явленіе его не послужило препятствіемъ ни для высокаго его стремленія къ Богу, ни для божественной благодати въ возведеніи души его къ совершенству; время ни намѣренію божественнаго домостроительства ни въ чемъ неповредило, ни умалило значеніе того участія, которое онъ принималъ въ борьбѣ на защиту таинства (вѣры). Но безъ сомнѣнія всякому извѣстна цѣль явленія въ сіе время учителя нашего.

Послѣ того какъ безумное почитаніе идоловъ уничтожено было проповѣдью о Христѣ и всѣ ложныя святилища обратились уже въ развалины и ничтожество, чрезъ распространеніе проповѣди благочестія по всей почти вселенной, такъ что властитель человѣческаго заблужденія отовсюду долженъ былъ удалиться, гонимый изъ вселенной именемъ Христовымъ; изобрѣтатель зла, будучи мудръ на злое, не оставилъ лукаваго умышленія, какъ бы опять чрезъ обольщеніе сдѣлать себѣ покорнымъ родъ человѣческій. Подъ видомъ христіанства онъ тайно ввелъ опять идолослуженіе, убѣдивъ своими лжеумствованіями склонившихся къ нему, не отпадать отъ твари,

но поклоняться ей, чтить ее и почитать Богомъ тварь, называемую именемъ Сына; если же (скажутъ), что тварь эта создана изъ ничего и по своему естеству чужда божеской сущности, то не обращать на это никакого вниманія, но усвоивъ имя Христа сей твари, поклоняться ей, служить ей, въ ней полагать надежду спасенія, отъ нея ожидать суда. Весь вселившись въ людей способныхъ вмѣстить всю его злобу, разумѣю Арія и Аэтія, Евномія, Евдоксія и многихъ другихъ съ ними, отступникъ чрезъ нихъ прекратившееся было идолослуженіе опять, какъ сказано, ввелъ въ христіанство; и восторжествовала болѣзнь людей, служащихъ твари вмѣсто Творца, такъ что и содѣйствіемъ тогдашнихъ царей заблужденіе поддерживалось и всѣ предержавшія власти поборали по сей болѣзни. Въ это время, когда безъ малаго почти всѣ люди готовы были подчиниться превозмогающей силѣ, Богъ воздвигаетъ великаго Василія, какъ при Ахаавѣ Илію. Пріявъ священство, нѣкоторымъ образомъ пришедшее уже въ упадокъ, онъ силою обитающей въ немъ благодати снова воспламенилъ какъ бы нѣкій угасающій свѣтильникъ—ученіе вѣры. Онъ явился церкви какъ бы маякомъ для блуждающихъ ночью по морю, всѣхъ направилъ на настоящій путь, споря съ префектами, вступая въ борьбу съ воеводами, смѣло говоря съ царями, вопія въ

церквахъ, далеко отсутствующихъ привлекая посланіями подобно Павлу, недавая поводовъ уловить себя врагамъ, такъ что ни въ чемъ не могли одолѣть его противники. Онъ не боялся отобранія имѣнія, самъ себя лишивъ его ради надежды царствія (небеснаго). Онъ чуждъ былъ страха ссылки, единымъ отечествомъ людей называя рай, а на всю вселенную смотря какъ намѣсто изгнанія для нашей природы. А умирающій ежедневно и всегда добровольно истощающій себя умерщвленіемъ, могъ ли когда бояться смерти, которою угрожали враги? Могъ ли бояться ея тотъ, для кого было несчастіемъ, что онъ не можетъ часто подражать подвигамъ мучениковъ за истину, такъ какъ наша (тѣлесная) природа однажды только умираетъ; тотъ, который одному изъ префектовъ сурово грозившему вырвать у него изъ внутренностей печень, шуткою отвѣчая на грубую угрозу, сказалъ: «буду благодаренъ за твое намѣреніе, ибо печень лежа во внутренностяхъ не мало у меня страдаетъ; выбросивъ ее, какъ ты грозилъ, освободишь тѣло отъ причины болѣзни.»

И такъ появленіе въ міръ Василя послѣ прочихъ святыхъ, чѣмъ же уменьшаетъ славу его у Бога, чтобы поэтому торжество въ честь ему, казалось менѣе праздниковъ другимъ святымъ? Разсмотри, если угодно, его жизнь, со-

поставивъ ее съ жизнію (одного) какого либо изъ прежде его бывшихъ святыхъ. Возлюбилъ Бога Павелъ; я говорю о любви, ибо она глава добродѣтелей; отъ нея всякая вѣра и всякая надежда; отъ нея терпѣніе въ ожиданіи, и во всемъ благомъ непоколебимость, и приумноженіе всякаго духовнаго дарованія. Но изслѣдуемъ, какая мѣра любви къ Богу была въ Павлѣ? Конечно скажешь, что онъ возлюбилъ Бога отъ всего сердца и отъ всей души и отъ всего помышленія; ибо таковъ высшій предѣлъ данный закономъ для любви къ Богу (Второз. 6, 5). Посему предавшій все свое сердце и душу и помышленіе Богу, и ни къ чему иному, что составляетъ предметъ попеченій въ сей жизни, не привязанный, находится на высшей степени любви. Итакъ если кто можетъ показать, что дѣятельность нашего учителя была направлена къ какимъ либо предметамъ мірскихъ попеченій, какъ-то: богатству или власти, или желанію суетной славы (о болѣе низкихъ удовольствіяхъ по отношенію къ нему считаю неприличнымъ и говорить), если найдется, что онъ заботился о чемъ либо такомъ, то должно признать въ немъ меньшую мѣру любви къ Богу; такъ какъ свойство его желаній отвлекало его отъ Бога къ чувственному. А если онъ былъ врагъ и недругъ всего такого и подобнаго, прежде изъ своей жизни изгоняя сочувственное рас-

положеніе къ сему, а за тѣмъ и жизнь всѣхъ очищая, какъ учительнымъ словомъ, такъ и своимъ примѣромъ: то ясно будетъ, что имѣлъ въ себѣ такую мѣру любви къ Богу, болѣе которой не вмѣщаетъ естество человѣка. Ибо возлюбившій Бога отъ всего сердца и души и помышленія, какъ можетъ перейти къ высшей степени любви, которая не имѣетъ мѣста? Итакъ если мы знаемъ одинъ предѣлъ совершенной любви, состоящей въ любви Бога отъ всего сердца, а Павелъ и Василій любили всѣмъ сердцемъ предавшись Богу; то если кто дерзнетъ сказать, что одна была у обоихъ мѣра любви, не погрѣшитъ противъ истины. Но Апостолъ называетъ любовь высшею изъ всѣхъ добродѣтелей (1 Кор. 13, 13); это же подтверждаетъ святое Евангеліе. Апостолъ говоритъ, что она превосходитъ пророчество и знанія, тверже вѣры, непоколебимѣе надежды и всегда неизмѣнна, и что безъ нея всякій подвигъ добродѣтели бесполезенъ (1 Кор. 13, 1—4). А Господь поставляя въ зависимость отъ сего дарованія весь законъ и всѣ пророческія тайны (Мѡ. 22, 40), самъ называетъ любовь первую изъ всѣхъ (добродѣтелей). И такъ если въ высшей и объемлющей всѣ прочія добродѣтели Василій не ниже великаго Павла; то во всѣхъ другихъ, которыми эта добродѣтель предводитъ и которыя отъ нея происходятъ, безъ сомнѣнія

онъ долженъ оказаться не меньшимъ. Ибо какъ имѣющій человеческое естество владѣетъ всѣми свойствами естества; такъ и достигшій совершенства любви съ первообразомъ совершенства имѣетъ и всѣ соединенныя съ нимъ виды добродѣтелей. Спасаетъ ли вѣра, спасаемся ли надеждою, ожидаемъ ли благодати отъ терпѣнія, — *любовь всему вѣру емлетъ, вся уповаеетъ, вся терпитъ* (1 Кор. 13, 7), какъ говоритъ Апостоль. И всѣ прочія (совершенства), которыя заключаются въ понятіи добродѣтели, (не изчисляемъ ихъ порознь, чтобы не замедлить рѣчи), произрастаютъ отъ корня любви; такъ что имѣющій ее и въ прочихъ (добродѣтеляхъ) не имѣетъ недостатка.

Имѣя эту любовь, великій Василиій чрезъ нее не имѣлъ недостатка ни въ какой изъ добродѣтелей. А если онъ имѣлъ все; то ни какъ ни въ чемъ не былъ меньшимъ. Но конечно ктонибудь скажетъ, что Павелъ видѣлъ третіе небо, и восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченные глаголы, которыхъ *не мѣтъ есть глаголати чловьку* (2 Кор. 12, 2—6). Но и онъ такую благодать получилъ очевидно не въ этомъ тѣлѣ, ибо не скрываетъ сомнѣнія, говоря: *аще въ тѣлѣ, не въплѣ, аще ли кромитъ тѣла, не въплѣ: Богъ въсть* (2 Кор. 12, 2). И о Василиіѣ, если бы кто дерзнулъ, могъ бы сказать, что хотя въ тѣлѣ онъ ничего такого

не видѣль, но для безтѣлеснаго и умственнаго созерцанія его ничто изъ таковаго не оставалось невиданнымъ. Свидѣтельствуеть о семъ слово его, которое онъ возвѣщалъ при жизни и то, которое оставилъ въ числѣ своихъ писаній. Павелъ обходя страны отъ *Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика* (Рим. 15, 19) проповѣдывалъ всѣмъ живущимъ въ нихъ слово Евангелія; слово и проповѣдь Василія также объяло почти всю вселенную и подобно словамъ Павла всѣми было съ уваженіемъ принимаемо. Но не станемъ говорить о прочемъ, чѣмъ жизнь Василія сходствуетъ съ жизнію Павла, какъ на примѣръ: сей распялся міру и тому міръ; сей умертвилъ тѣло, и онъ въ немощи совершилъ силу. Для обоихъ же было *еще жити Христосъ*, и для того и другаго одинокое смерть *пріобрѣтеніе* и разрѣшеніе къ Господу (Фил. 1, 21. 23) дороже полной блужданій жизни.

Не угодно ли сравнить нашего учителя съ Іоанномъ (Крестителемъ)? Но когда божественный гласъ свидѣтельствуеть, что онъ болѣе всѣхъ рожденныхъ женами и *лише* пророка (Матѣ. 11, 9. 11); то казалось бы безуміемъ и вмѣстѣ нечестіемъ сопоставлять другаго для сравненія съ его жизнію. Но и по слѣдамъ такого и столь великаго мужа идти, означаетъ высшую степень блаженства. Размыслимъ же вотъ о чемъ: Іоаннъ не носилъ

мягкихъ одеждъ, не былъ и тростию вѣтромъ колеблемою; вмѣсто населенныхъ мѣстъ, любилъ онъ пустыню, и опять, часто посѣщалъ населенныя мѣста. Станетъ ли кто противорѣчить нашимъ словамъ, если истина засвидѣтельствуешь и о нашемъ учителѣ, что онъ въ семь былъ не ниже Іоанна? Кто не знаетъ, какъ не терпѣлъ онъ изнѣженнаго и изысканнаго образа жизни, во всемъ вмѣсто удовольствій охотно избирая суровое и трудное, солнцемъ опаляемый, холодомъ объемлемый, въ постахъ и воздержаніи упражняя тѣло, живя въ городахъ какъ въ пустыняхъ, нисколько не вредя своей добродѣтели сообществомъ съ людьми, и пустыни дѣлая городами? Ни жизнь среди многолюдства не измѣнила нисколько тщательнаго и неуклоннаго образа его жизни; ни удаленіе къ себѣ въ пустыню ищущихъ пользы не лишило возможности собираться къ нему; такъ что и при немъ, подобно тому какъ и при Крестителѣ, пустыня сдѣлалась городомъ, тѣснымъ отъ стекавшихъ въ нее. А что онъ не былъ тростию, легко склоняемою къ мнѣніямъ противниковъ, это доказываетъ непоколебимость его во всѣхъ рѣшеніяхъ жизни. Полюбилась ему сначала нестяжательность; рѣшеніе осталось камнемъ непоколебимымъ. Возжелалъ чистотою приблизиться къ Богу; желаніе его было горою, а не тростию; ибо никогда не склонялся предъ

вѣтрами искушеній. А твердость любви Васи-
лія къ Богу можетъ быть выражена только
собственными словами Апостола, что *ни смерть,
ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни
ина тварь кая* не могла разлучить сердце его
отъ любви Божія (Рим. 8, 38. 39). Такъ и во
всѣхъ рѣшеніяхъ относительно добродѣтели,
никогда не былъ онъ подобенъ трости и не
твердъ мыслию, но всегда жизнь его въ доб-
ромъ была непоколебима. Дерзалъ предъ Иро-
домъ Іоаннъ, и сей предъ Валентомъ. Срав-
нимъ между собою могущество этихъ двухъ
людей. Иродъ по опредѣленію Римлянъ полу-
чилъ въ удѣлъ нѣкоторую часть Палестины,
а предѣломъ власти Ваента было почти все
что обтекаетъ солнце, отъ границъ Персіи до
Британіи, и до предѣловъ океана. Цѣль дер-
зновенія противъ Ирода была, чтобы онъ не
нарушалъ закона относительно нѣкоей жены,
но обуздывалъ въ себѣ похоть, какъ запре-
щенную закономъ. А въ чемъ состояло дер-
зновеніе нашего учителя предъ Валентомъ?
Чтобы онъ оставилъ неприкосновенною и не-
поврежденною вѣру, съ которою преступное
обращеніе было оскверненіемъ для всей вселен-
ной. Справедливый изслѣдователь дѣлъ пусть
сопоставитъ одно могущество съ другимъ и
цѣль дерзновенія сего съ дерзновеніемъ онымъ.
Тамъ оскверненіе ограничивалось тѣломъ Иро-
да; здѣсь же была несправедливость противъ

всей человѣческой природы, оскорбленіе вѣры. Іоаннъ до смерти не оставилъ дерзновеніе; и для Василія предѣломъ дерзновенія была ссылка, которую назначилъ царь вмѣсто смертнаго приговора. Но относительно Іоанна вѣрили, что онъ живъ и послѣ смерти (Марк. 6, 16); и Василю приговоръ ссылки отмѣняется самими врагами, такъ какъ угроза нисколько не сдѣлала его уступчивѣе въ настойчивости.

Осмѣлимся ли востечь словомъ къ великому Іліи, и показать, что нашъ учитель своею жизнію уподоблялся его благодати? Но ни кто да не требуетъ отъ человѣческаго естества шествія на огненной колесницѣ, управленія огненными конями и переселенія на высоту горняго наслѣдія; ибо и Ілія не въ предѣлахъ уже пребывая природы, остался невредимымъ въ огнѣ, премѣнивъ божественною силою тяжелое и земное на небесное и легкое. Не будемъ касаться и того, что его слова дѣлались нѣкимъ ключемъ даровъ небесныхъ, отверзая (небо), когда захочетъ, и заключая по произволенію, когда это сдѣлать почтетъ лучшимъ, равно и того, что онъ оставался долгое время безъ пищи, однимъ снѣденіемъ онаго ячменнаго хлѣба сохраняя одинаковыми свои силы на сорокъ дней,—оставимъ и это какъ высшее человѣческихъ силъ; ибо для человѣческой природы невозможно

подражаніе тому, что выше природы. Да будетъ умолчано вмѣстѣ съ симъ и о маломъ ономъ водоносѣ и о чванцѣ ея, изъ конхъ тотъ и другой достаточно подавали нужное для пищи и во все время голода бывшаго три года и шесть мѣсяцевъ продолжали источать дары; ибо чудеса горняго дѣйствования имѣють особую имъ свойственную силу для дѣлъ, и неправильно было бы приписывать таковыя чудодѣйствія человѣческой природѣ.

Итакъ что же у нашего учителя усматривается общее съ пророкомъ? Ревность по вѣрѣ, негодованіе противъ отвергшихся ея, любовь къ Богу, стремленіе къ истинно существующему, не уклоняющееся ни къ чему земному, жизнь во всемъ испытанная, образъ жизни суровый, взоръ соотвѣтствующій настроенію души, важность безыскусственная, молчаніе болѣе дѣйственное, чѣмъ слово, забота о будущемъ, пренебреженіе видимаго, одинаковое отношеніе ко всему внѣшнему, поставленъ ли кто случайно въ высококомъ достоинствѣ или находится въ смиренномъ и униженномъ состояніи. Таковымъ и подобнымъ чудесамъ Іліи подражаетъ учитель нашъ въ своей жизни. Если же кто укажетъ на сорокодневное неядѣніе Іліи,—и мы выставимъ малоядѣніе нашего учителя въ теченіе всей жизни; ибо малоядѣніе близко сходится съ неядѣніемъ, особенно когда послѣднее бываетъ

малое время, а то продолжается во всю жизнь. Кроме того, тогда ячменный оный, на золѣ печеный хлѣбъ поддерживалъ крѣпость пророка, конечно потому, что имѣлъ въ себѣ нѣчто такое, въ чемъ сохранялась сила принесшаго такую пищу (3 Цар. 19, 5. 6). Доказательствомъ этого служитъ то, что не изъ единосемцевъ кто либо приготовилъ сей хлѣбъ и предложилъ его пророку, но онъ былъ насыщенъ пищею ангельскаго приготовления; посему оставалась цѣлою и неистощенною сила приданная тѣлу сею пищею. А здѣсь поелику не происходило никакого уклоненія отъ того, что обыкновенно; мѣрою пищи было разсужденіе доставлявшее тѣлу не столько, сколько желало естество, но сколько повелѣвалъ законъ воздержанія. Священническое же служеніе учителя имѣетъ сходство съ таинственнымъ священнослуженіемъ пророка, когда онъ, чрезъ утроеніе, словомъ вѣры привлекъ небесный огонь на жертву. Мы знаемъ изъ писанія, что огнемъ часто называется сила Святаго Духа. Засуху земли учитель нашъ не разрѣшалъ и не наводилъ. Тамъ великій пророкъ, поразивъ казнію бездождія землю, самъ дѣлается и врачомъ ранъ, даруя равное страданію изцѣленіе врачевствомъ. Нельзя ли сказать о какомъ либо чудѣ и нашего Иліи, подобномъ сему? Когда однажды по Божіему изволенію грозило подобное несчастіе и все

зимнее время прошло безъ дождя, и не было никакой надежды на произрастаніе плодовъ: тогда учитель припадая къ Богу, не далъ страху простереться далѣе угрозы, умилилъ Бога моленіями, и молитвами отклонилъ бѣдствіе бездождія. Жизнь нашего учителя представляетъ такъ же нѣчто подобное и тому попеченію во время голода, которое великій Илія оказалъ только одной вдовицѣ. Нѣкогда сильный голодъ отяготѣлъ какъ надъ самымъ городомъ, въ которомъ суждено ему жить, такъ и надъ всей подчиненной городу областію. Онъ продалъ свое имущество и употребивъ деньги на пищу, въ то время когда рѣдко было, чтобы и очень зижиточные могли готовить себѣ трапезу, въ теченіе всего времени голода продолжалъ питать отовсюду стекавшихся и дѣтей всего городского населенія; такъ что и на дѣтей Іудеевъ одинаково простиралось дѣйствіе его человѣколюбія. Но конечно нѣтъ никакого различія, исполняется ли божественная заповѣдь чрезъ посредство чванца или инымъ какимъ способомъ. Нуждающіеся, получая утѣшеніе не спрашиваютъ: откуда, но смотрятъ на то, что сдѣлано. Если Илія вознесенъ былъ на небо, то это конечно дивно и неизрѣченно чудно; но нельзя отвергать и другаго вида вознесенія на небо, когда кто либо высокою жизнію отъ земли переселяется на небо, силою духа со-

дѣлавъ добродѣтели колесницею. А что учителемъ достигнуто сіе, согласится всякій безпристрастный изслѣдователь его дѣлъ.

Дерзнетъ ли слово наше коснуться и Самуила? Уступая во всемъ иномъ первенство пророку, укажемъ съ двумя обстоятельствами повѣствуемыми о немъ сходное обстоятельство изъ жизни нашего учителя. Обоихъ рожденіе было даромъ Божиимъ. Какъ Самуила мать, такъ и Василя отецъ родилъ по молитвѣ къ Богу. И когда въ юномъ еще возрастѣ постигнуть былъ онъ смертною болѣзнію, отецъ увидѣлъ явившагося ему въ сонномъ видѣніи Господа, даровавшаго въ Евангелии царедворцу отрока, и говорящаго къ нему тоже, что и тому сказалъ Господь: *иди, отрокъ твой живъ есть* (Іоан. 4, 50). И онъ подражая вѣрѣ того, получилъ тотъ же плодъ вѣры, пріавъ отъ челоуѣколюбія Господня спасеніе сына. Это первое, что мы сопоставляемъ съ чудесами Самуила; другое же то, что образъ священнодѣйствія обоими совершаемаго былъ тотъ же. Оба приносили Богу жертвы мира, совершая священно-служеніе о истребленіи враговъ, одинъ уничтоженіемъ ересей, другой иноплеменниковъ.

Великій Моисей есть общій примѣръ для всѣхъ стремящихся къ добродѣтели, и не погрѣшитъ тотъ, кто цѣлю своей жизни сдѣлалъ бы подражаніе добродѣтелямъ законодателя.

Итакъ ничьей не возбудимъ зависти, если покажемъ, что учитель нашъ, въ чемъ только возможно, подражалъ въ своей жизни законодателю. Въ чемъ же было это подражаніе? Нѣкая Египетская княжна, усыновивъ Моисея, обучаетъ его туземному ученію, не отлучая его отъ сосцевъ матери, доколѣ юный возрастъ нуждался въ этой пищѣ. Тоже по истинѣ можно засвидѣтельствовать и о нашемъ учителѣ; ибо знакомый во время воспитанія съ вѣшнюю премудростію, онъ всегда держался сосцевъ церкви, возвращая и укрѣпляя душу свою ея ученіями. Послѣ сего, Моисей отказался отъ вымышленнаго родства съ лжеименною матерію. И Василій не долго продолжалъ хвалиться тѣмъ, чего устыдился; ибо отказавшись отъ всей славы вѣшней учености, какъ Моисей отъ жизни при дворѣ, перешелъ къ смиренной жизни, и какъ Моисей предпочелъ Евреевъ Египетскимъ сокровищамъ. Поелику же природа въ каждомъ совершаетъ свои дѣйствія, ибо *плоть* каждого *похотствуетъ на духъ* (Гал. 5, 17); то и Моисей не избѣгъ борьбы съ Египетскимъ помысломъ, которую тотъ воздвигалъ противъ помысла чистаго; но помогая лучшему, сдѣлалъ мертвымъ злобно возставшаго противъ Евреевъ. Еврейскій помыслъ есть очищенный и не оскверненный; посему содѣйствующій душѣ умерщвленіемъ удовъ земныхъ подра-

жасть мужеству Моисея, которое выказалъ онъ противъ Египтянина. Но нужно опустить большую часть (священной) исторіи, чтобы желая тщательно изложить все, что сказано о Моисеѣ, и въ чемъ было сходство учителя съ законодателемъ, не обременить слуха. Послѣ умерщвленія Египтянина Моисей оставилъ Египеть, и много времени провелъ самъ съ собою, живъ частнымъ образомъ. Оставляя и Василій городской шумъ и всѣ земныя волненія, и былъ въ пустынѣ, любомудрствуя съ Богомъ. Моисею свѣтъ возсіялъ въ купинѣ. Можемъ и мы сказать о нѣкоторомъ сходномъ съ симъ видѣніи Василія. Въ одну ночь когда онъ молился, было ему сіяніе свѣта въ домѣ; невещестный былъ этотъ свѣтъ, божественною силою освѣтившій жилище, не возженный никакимъ вещественнымъ предметомъ. Моисей спасаетъ народъ освободивъ его отъ тиранна; свидѣтельствуемъ тоже о нашемъ законодателѣ народъ сей, который своимъ священствомъ привелъ онъ къ обѣтованію Божію. И нужно ли перечислять подробно, сколькихъ провелъ онъ чрезъ воду? Сколькимъ словомъ своимъ возжегъ столпъ огненный? Сколькихъ спасъ облакомъ Духа? Сколькихъ напичкалъ небесною пищею? Какъ походилъ онъ на камень, въ которомъ древомъ отверзлось устье для воды, то есть, когда образъ креста коснулся усть его? Какъ поилъ жаж-

душихъ оною водою, изливая ее столь обильно, что какъ бы шла она изъ бездны? Какую скинiю свидѣнiя и вещественно уготовалъ онъ въ предградiи для нищихъ тѣломъ, дѣлая ихъ чрезъ благое ученiе нищими духомъ, такъ что ницета сдѣлалась для нихъ блаженствомъ, доставляя благодать истиннаго царствiя? А скинiю истинную для вселенiя Бога онъ устраивалъ въ каждой душѣ своимъ словомъ, утверждая въ ней и нѣкiе столы (столпами я называю помыслы, поддерживающiе насъ въ трудномъ дѣлѣ добродѣтели), равно и умывальницы для омовенiя нечистотъ души, омывающiя скверну водою изъ очей. Сколько свѣтильниковъ поставлялъ въ душѣ cadaго, освѣщая словомъ сокровенное? Сколько кадиль молитвы и жертвенниковъ приготавливалъ изъ чистаго и неподдѣльнаго золота, то есть, изъ истиннаго и чистаго расположенiя, въ которомъ тяжелый свинець тщеславiя не потемнилъ блеска дѣлъ? Что сказать о таинственномъ кивотѣ, который устраивалъ онъ въ каждомъ, влагая въ душу скрижали завѣта, писанныя перстомъ Божиимъ? Говорю сiе, имѣя въ виду то, что онъ сердце cadaго дѣлалъ кивотомъ способнымъ вмѣщать духовныя тайны, имѣющимъ законъ писанный дѣлами, начертанный дѣйствiемъ Духа, (ибо сiе означаетъ персть Божiй (Лук. 11, 8. Мате. 12. 28)). Въ семь кивотѣ и жезлѣ священства всегда

приносилъ свой плодъ, прозябая чрезъ причастіе святынь; и стамна не лишена была манны; ибо тогда сосудъ души бываетъ лишень небесной пищи, когда видѣдрившійся въ нее грѣхъ воспрепятствуетъ притоку манны, а манна есть хлѣбъ небесный. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ вниманіемъ облекался и самъ онъ въ священническую одежду, и украшалъ ею другихъ по своему примѣру, всегда нося на груди украшеніе, которому имя: слово судное (Исход. 28, 15) и изъясненіе и истина (2 Ездр. 5, 40)? Но я представлю болѣе усерднымъ иносказательно приложить все это къ учителю, какъ онъ и самъ, соотвѣтствуя сему украшенію, сообщалъ оное и другимъ. Часто мы видѣли его и находящимся внутри мрака, гдѣ былъ Богъ; ибо незримое для другихъ, ему постижимымъ дѣлало тайноводство Духа, такъ что казалось онъ находится въ области того мрака, которымъ покрывается слово о Богѣ. Часто противостоялъ онъ Амаликитянамъ, употребляя молитву вмѣсто оружія, и въ то время какъ онъ поднималъ руки, истинный Иисусъ побѣждалъ враговъ. Онъ разрушилъ чародѣйства многихъ волхователей, подобныхъ оному Валааму, не слушающихъ истиннаго слова, но вѣрящихъ ослиному ученію демоновъ; послѣ того какъ учитель молитвою измѣнилъ клятву на благословеніе, ихъ уста не могли уже оказывать дѣйствіе злое.

Но мы бѣгло и кратко говоримъ о семь: пусть знакомый съ жизнію святаго раздѣльно представить сообразно съ дѣйствительностію, сколько уготовлявшихъ ковы противъ другихъ оболещеніями и волхвованіями не привели въ дѣйствіе своего лукавства, потому что вѣра учителя не допустила привести зло въ исполненіе. Оставляя все продолженіе жизни, напомнимъ о кончинѣ обоихъ. Тотъ и другой оставилъ временную жизнь; памятника же своего пребыванія въ тѣлѣ не оставилъ міру ни тотъ, ни другой; ибо какъ гробъ Моисея неизвѣстенъ, такъ и у Василія нѣтъ надгробнаго памятника, сооруженнаго вещественнымъ избыткомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отошелъ изъ жизни, съ нимъ прошло все, что служить къ поддержанію человѣческой жизни; такъ что для сего мужа нѣтъ никакого вещественнаго памятника, которымъ бы при помощи оставленнаго богатства лучше сохранялась посмертная память о немъ. Такъ и о Моисеѣ исторія говоритъ, что не найдено гроба его даже до сегодняшняго дня (Втор. 34, 6).

Итакъ если слово наше доказало, что таковъ былъ великій Василій, что сравниваемый по жизни съ каждымъ изъ великихъ святыхъ не далекъ былъ отъ нихъ; то справедливо послѣдовательность праздниковъ приводитъ насъ нынѣ къ настоящему празднованію въ честь

его. Но день его памяти прилично было бы проводить такъ, какъ пріятно ему. Посему должно разсмотрѣть, какъ мы должны проводить праздникъ, чтобы праздновать угодно святому. Можетъ быть кто нибудь потребуеть пышнаго и льстиваго похвальнаго слова ему, гдѣ бы сказано было объ его отечествѣ и родѣ, о воспитаніи родителями и ежедневныхъ занятіяхъ, среди которыхъ возрасталъ онъ и укрѣплялся, и чрезъ которыя сдѣлался славнымъ и знаменитымъ среди людей; но величіе усматриваемыхъ въ немъ достоинствъ дѣлаеть излишнимъ всякое такого рода тщеславное прославленіе его,—даже заботящагося о семъ приводитъ къ противоположному; такъ какъ слово не имѣеть такой силы, чтобы достойно изобразить величіе его дивныхъ дѣяній. Посему, чтобы слабостію рѣчи не нанесено было ущерба удивленію, и чтобы взявшись хвалить, не умалить сколько нибудь того высокаго мнѣнія, которое нынѣ каждый имѣеть о немъ, лучше будетъ молчаніемъ умножать въ себѣ удивленіе, нежели словомъ умалить похвалу. Ибо можно ли сказать о немъ что либо такое, что сдѣлало бы его болѣе досточтимымъ? Укажетъ ли кто на такъ называемое благородное происхожденіе его по плоти и крови? Но кто не знаетъ, какъ великому Василию было противно заниматься относящимся до тѣла? Какъ бы бѣлаго какого раба онъ всегда скovy-

валь его узами разсужденія; крайнимъ изнуреніемъ и воздержаніемъ наказываль онъ и мучилъ онаго достойнаго наказанія раба,— тѣло, подобно неумолимому господину, не давая никакой пощады узнику. Обращавшагося такъ съ плотію прославлять за благосостояніе по плоти, было бы самымъ безумнымъ дѣломъ. Ибо какъ послужить теперь къ чести его то, чего онъ стыдился въ жизни? Точно также вмѣстѣ съ рѣчью о родителяхъ, должно быть оставлено и воспоминаніе объ отечествѣ. Ибо тотъ, кто возносился выше всего міра и какъ бы стѣснялся всею чувственною природою стихій, такъ что не сносилъ и неба надъ нимъ простертаго, но душою стремился по ту сторону; тотъ, кто съ созерцаніемъ переходя предѣлъ чувственнаго міра, всегда обиталъ въ мірѣ умосозерцаемомъ, носился горѣ вмѣстѣ съ божественными силами ни сколько не стѣсняемый тѣлесною оболочкою въ полетѣ ума,—какъ принялъ бы, когда бы его именovali по названію нѣкоторой части земли, и слагали бы ему похвалы, указывая на плодоносіе мѣста (его родины)? Было бы обидно и умащеніемъ истинныхъ похвалъ, если бы при созерцаніи подлежащей добродѣтели, стали мы дивиться водѣ, растеніямъ, полямъ и подобному; такъ какъ все что не есть пріобрѣтеніе свободной воли, хотя бы и было вполне прекрасно, не приноситъ ника-

кой славы тому, кому досталось въ удѣлъ. И такъ не будемъ говорить объ отечествѣ и родѣ и о всемъ подобномъ, что имѣющимъ даетъ не отъ насъ зависящее стеченіе обстоятельство. Но слѣдуетъ каждому вспомнать о томъ его отечествѣ и благородствѣ, которыя ревнующими о семъ достигаются при помощи свободнаго произволенія.

Въ чемъ же состояло благородство Василя? Какое его отечество? Родъ у него, — сродство съ Божествомъ, а отечество — добродѣтель. Пріившій въ себя Бога, какъ говоритъ Евангеліе, имѣетъ власть *быти чадомъ Божиимъ* (Іоан. 1, 12). Кто станетъ искать чего либо благороднѣе сродства съ Богомъ? А пребывающій въ добродѣтели, и воздѣлывающій ее и отъ нея пріобрѣтающій благосостояніе, отечествомъ дѣлаетъ для себя то, среди чего обитаетъ. Цѣломудріе было домомъ его; премудрость имуществомъ; правда же и истина и чистота, свѣтлыми и блистательными украшеніями жилища, которымъ обитающій въ немъ утѣшался болѣе, чѣмъ сколько тщеславятся своимъ живущіе въ мраморныхъ и позлащенныхъ домахъ. Если кто похвалитъ его за такое отечество и почтетъ со стороны такого родства, тотъ и истину скажетъ, и составитъ похвалу изъ угоднаго ему. А землю и кровь и плоть и богатство и начальствованіе и знатность во всемъ этомъ, пусть для друзей міра

прославляютъ желающіе. Если же недоступна для нашего слова соотвѣтствующая ему похвала, то оставимъ такое занятіе, и откажемся отъ искусства похвальныхъ словъ.

Какъ же проводить намъ память его, скажетъ, можетъ быть, кто нибудь, если мы не съ похвалами совершаемъ ее? Какъ исполнится законъ писанія, который говоритъ, что *память праведныхъ* должна быть *съ похвалами* (Притч. 10, 7), если наполнить слово истинными похвалами неудобноисполнимо, а обыкновенными оскорбительно? Но можетъ быть есть какой нибудь способъ, чтобы не оставить его совсѣмъ безъ почетныхъ похвалъ съ нашей стороны? Какой же это способъ? Кто не знаетъ, что всякое слово, не сопровождаемое дѣлами, суетно само по себѣ и несостоятельно? Но свойство дѣлъ, въ существѣ и истинѣ выражаетъ сказанное словомъ. Итакъ похвала, дополненная дѣлами, была бы предпочтительнѣе слова. А это что значитъ? Чтобы чрезъ память о немъ, жизнь наша дѣлалась лучше обыкновенной. Воскъ, приложенный къ печати на камнѣ перстня, на которомъ рѣзбою изображенъ какой либо прекрасный образъ, принимаетъ на себя всю красоту находящуюся въ рѣзномъ изображеніи, весь очеркъ его воспроизводя собственными чертами; такъ что словомъ никто не опишетъ изящную красоту рѣзбы такъ, какъ представляетъ ее отпеча-

тлѣнная на воскѣ красота; такимъ же образомъ если одинъ словами только прославляетъ добродѣтель учителя, а другой украшаетъ свою жизнь чрезъ подражаніе ему, то похвала исполняемая жизнью будетъ дѣйствительнѣе высокогаго слова. Такъ, братія, и мы, если станемъ подражать цѣломудренному цѣломудріемъ, тѣмъ, что дѣлаемъ, достойно прославимъ добродѣтель. Точно также и во всемъ прочемъ: удивленіе къ мудрости станетъ полнымъ, чрезъ наше участіе въ мудрости,—похвала нестяжательности, если и мы будемъ нестяжательны относительно вещественнаго богатства; презрѣніе міра сего пусть не на словахъ только будетъ дѣломъ похвальнымъ и славнымъ, но самая жизнь да будетъ свидѣтелемъ презрѣнія попеченій мірскихъ. Не говори только, что онъ посвященъ Богу; но предай и ты себя Богу; не говори, что для него только приобрѣтеніемъ было уповаемое успокоеніе, но и ты собирай себѣ въ сокровище тоже богатство, какъ онъ. Это возможно. Перенесъ онъ жительство свое отъ земли на небо, перенеси и ты. Въ недоступныхъ хищенію небесныхъ сокровищахъ сложилъ онъ свое богатство; и ты подражай въ семъ учителю. *Совершенъ да будетъ ученикъ, яко же учитель его* (Лук. 6, 40). Ибо и въ другихъ наукахъ, учившійся у врача или геометра, или ритора былъ бы недостойнымъ вѣры

хвалителемъ искусства учителя, если бы словами только прославлялъ знаніе своего руководителя, а въ себѣ не обнаружилъ бы ничего достойнаго одобренія. Ибо каждый могъ бы сказать ему: какъ ты называешь учителя врачомъ, оставаясь самъ неуврачеваннымъ? Какъ ты называешь себя ученикомъ геометра, будучи самъ неопытнымъ въ геометріи? Но если кто самъ показываетъ знаніе искусства, которое онъ изучалъ, то своимъ знаніемъ доставляетъ честь наставнику искусства. Такъ и мы, хвалящіеся учителемъ Василиемъ, покажемъ ученіе жизнию, стремясь къ тому, что содѣлало его славнымъ и великимъ предъ Богомъ и людьми о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ЖИЗНИ

ПРЕПОДОБНОЙ МАКРИНЫ, СЕСТРЫ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКАГО (КЪ ОЛИМПІЮ МОНАХУ).

Это имѣющее видъ книги сочиненіе, по формѣ надписанія, представляется письмомъ; обширность же его превышаетъ предѣлы письма и превращаетъ его въ длинное письменное повѣствованіе. Но насъ оправдываетъ предметъ, о которомъ ты приказалъ писать,— болѣе обширный, чѣмъ дозволяетъ мѣра письма. Конечно ты не забылъ о свиданіи, когда я, намѣреваясь по обѣту посѣтить Іерусалимъ, чтобы видѣть въ образахъ памятники пребыванія Господа во плоти, сошелся съ тою близъ города Антіохова и о всѣхъ разворахъ, которые въ то время мы вели между собою: ибо свиданію нашему невозможно было пройти въ молчаніи, когда разумность твоя представляла много предметовъ для разговора.

Какъ обыкновенно часто бываетъ при подобнаго рода свиданіяхъ, теченіе рѣчи при-

вело насъ къ воспоминанію о нѣкоей знаменитой жизни. Поводомъ къ нашему разказу была жена, если только можно назвать ее женою. Ибо не знаю, прилично ли называть такимъ, заимствованнымъ отъ природы ея, именемъ ту, которая стала выше (своей) природы. И достовѣрность нашего разказа основывалась не на слухахъ и чужихъ разказахъ: но, что извѣстно было изъ опыта, то тщательно передавало наше слово, не ссылаясь, для засвидѣтельствованія истины, на слышанное отъ другихъ; ибо воспоминаемая дѣвица была не чужда нашему роду, такъ чтобы нужно было отъ другихъ узнавать чудныя дѣла ея: она произошла отъ нашихъ родителей, какъ нѣкій начатокъ плодовъ, первая произрастни изъ матерней утробы. Итакъ поелику ты разсудилъ, что описаніе жизни благочестивыхъ людей приносить нѣкоторую пользу: то, дабы таковая жизнь не была безъизвѣстна для послѣдующаго времени, и чтобы возвысившаяся любомудріемъ до высшей степени человѣческой добродѣтели не прошла безъ пользы, бывъ сокрыта молчаніемъ,—мнѣ кажется, я хорошо поступилъ, что послушался тебя и, сколько могъ, кратко, простымъ и безъискусственнымъ словомъ описалъ жизнь ея.

Имя дѣвицы было Макрина. Симъ именемъ называли отроковицу родители, потому что была нѣкая Макрина, издревле знаменитая въ

нашемъ родѣ, мать нашего отца, за исповѣданіе Христа пострадавшая во время гоненій. Но это имя было явное, которымъ называли ее знакомые; другое же дано было ей сокровенное, которымъ она по нѣкому видѣнію названа прежде, нежели вышла въ свѣтъ чрезъ болѣзни рожденія. Ибо и мать ея была такова же по добродѣтели; во всемъ она руководилась волею Божіею; особенно же любила чистый и непорочный образъ жизни, такъ что и въ бракъ вступила не по волѣ; но потому что лишилась обоихъ родителей, цвѣла красотою тѣлесною, и слухъ о такой красосѣ ея многихъ побуждалъ искать съ нею супружества; посему угрожала опасность, что если она не вступить съ кѣмъ-либо въ супружество добровольно, — можетъ потерпѣть нѣчто не желаемое насильно, такъ какъ увлеченные красотою ея, готовы были къ похищенію. Потому избравъ себѣ мужа, извѣстнаго честностію жизни и всѣми одобряемаго, чтобъ имѣть въ немъ хранителя своей жизни, вскорѣ, — въ первые же роды сдѣлалась матерью оной. Но когда пришло время, въ которое болѣзнь чревоношенія должна была разрѣшиться рожденіемъ, она, погружившись въ сонъ, видитъ, будто плодъ, находящійся еще въ утробѣ, держитъ на рукахъ, и нѣкто въ видѣ и образѣ болѣе благолѣпномъ, чѣмъ человѣческій, явившись называетъ носимую

на рукахъ именовъ Феклы,—той самой Оеклы, которая такъ знаменита между дѣвами. Сказавъ сіе и подтвердивъ до трехъ разъ, скрылся съ глазъ, и сдѣлавъ легкою муку рожденія такъ, что она пробудившись отъ сна, тотчасъ увидѣла и то, что явилось ей во снѣ. Итакъ вотъ какое было ея сокровенное имя!

Но мнѣ кажется, что явившійся въ сновидѣніи произнесъ это не для того только, чтобы указать имя, которымъ должно назвать родившуюся, но для того, чтобы предсказать жизнь новорожденной и сходствомъ имени показать сходство нравовъ. Итакъ дитя воспитывается; и хотя имѣло свою кормилицу, но большею частію воспитывалось на собственныхъ рукахъ матери. Переступивъ младенческой возрастъ, она показала въ себѣ большую способность къ изученію дѣтскихъ наукъ, и что по мнѣнію родителей надлежало изучить, въ томъ отроковница и оказывала блестящіе успѣхи. Мать же старалась обучить дочь свою, но не тѣмъ мірскимъ и общепринятымъ наукамъ, которыми большею частію напитаваются первые возрасты чрезъ чтеніе стихотвореній; она почитала постыднымъ и совершенно непристойнымъ, чтобы нѣжная и удобообразуемая впечатлительная природа, изучала или тѣ трагическія страсти, которыя происходятъ отъ женщинъ, дали поводъ и предметъ для сочиненія поэтамъ, или безстыдныя

комическія сцены, и нѣкоторымъ образомъ оскверняла себя безстыдными сказаніями о женщинахъ. Но что изъ Богодухновеннаго Писанія казалось болѣе легкимъ для перваго возраста, то составляло предметъ ученія для отроковицы, особенно же премудрыя реченія Соломоновы, и изъ нихъ больше то, что относится къ нашей нравственной жизни. Но и въ писаніяхъ Псалмовъ не была несвѣдуша, въ опредѣленное время проходя извѣстную часть Псалмопѣнія; ибо вставала ли съ постели, принималась ли за работу и прекращала оную, приступала ли къ пищѣ и выходила ли изъ-за стола, отходила ли къ сну и становилась ли на молитву, всегда имѣла псаломскую пѣснь, какъ нѣкую благую спутницу, ни въ какое время ее неоставляющую.

Въ сѣхъ и подобныхъ симъ занятіяхъ возраста и руки тщательно упражняя въ работѣ, она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, когда особенно начинаетъ зацвѣтать цвѣтъ юности. И достойно удивленія здѣсь то, что какъ ни была сокровенна красота отроковицы, не могла однакожъ утаиться; во всемъ ея отечествѣ казалось не было ничего столь удивительнаго, что могло бы сравниться съ ея красотою и благообразіемъ, такъ что даже руки живописцевъ не могли передать оной красоты: но и искусство, котораго изобразительности все доступно и которое смѣло при-

ступаетъ къ изображенію величайшихъ предметовъ, такъ что подражательно начертываетъ образы самыхъ стихій, не могло точно передать счастливой красоты ея вида. Посему великое множество желающихъ вступить съ нею въ бракъ приступало къ ея родителямъ. Отецъ же ея, будучи мудръ и опытенъ въ распознаваніи добрыхъ качествъ, устранивъ прочихъ, избралъ одного, знатнаго по роду, извѣстнаго добронравіемъ и только что вышедшаго изъ училища, юношу, и за него рѣшился выдать свою дочь, когда она придетъ въ совершенный возрастъ. Между тѣмъ какъ сей юноша подавалъ о себѣ болѣе и болѣе благія надежды и, какъ нѣкій обручальный даръ, приносилъ отцу отроковицы добрую славу, являя силу своего краснорѣчія въ защищеніи на судѣ обиженныхъ: судьба вдругъ разрушила сіи прекрасныя надежды, восхитивъ его изъ сей жизни въ достойной сожалѣнія юности.

Дѣвицѣ не было неизвѣстно намѣреніе своего отца; но когда смертію юноши присужденное ей было разрушено, то признавши бракомъ самое рѣшеніе своего отца, какъ будто то, что суждено было, уже исполнилось, она рѣшилась остальное время жизни проводить одна сама съ собою. И рѣшимость ея была крѣпче ея возраста; ибо когда родители часто заводили съ нею рѣчь о бракѣ,

потому что многіе, по слухамъ о красотѣ ея, желали вступить съ нею въ супружество, — говорила: что неприлично и незаконно не уважать однажды опредѣленнаго ей отцемъ брака и принуждать себя обращаться къ другому, когда бракъ по естеству есть одинъ, какъ одно есть рожденіе и одна смерть; она утверждала, что соединенный съ нею по опредѣленію родителей, не умеръ, но живъ у Бога, по надеждѣ воскресенія, что онъ, по мнѣнію ея, не мертвъ, а только удаленъ на время: безразсудно же не соблюсти вѣрности къ отсутствующему жениху. Такими рѣчами отстраняя тѣхъ, которые старались убѣдить ее (къ замужеству), она единственное средство для охраненія такого своего добраго намѣренія находила въ томъ, чтобы никогда, ни на одну минуту не удаляться отъ своей матери; такъ что мать часто говорила ей, что она прочихъ дѣтей опредѣленное время носила во чревѣ, ее же всегда во всякое время какъ бы носить въ своей утробѣ. Впрочемъ сожителство дочери не было ни тягостно, ни бесполезно для матери; ибо услуги дочери замѣняли ей многихъ служанокъ; и была между ними нѣкая добрая мѣна взаимной помощи, такъ что онѣ восполняли нужды другъ друга: ибо мать служила душѣ дѣвицы, а сіятѣлю матери, исполняя во всемъ прочемъ требуемая служебныя обязанности, такъ что ча-

сто своими руками приготовляла хлѣбъ для матери. Впрочемъ симъ дѣломъ занималась она непредпочтительно; но послѣ того какъ руки свои посвятила для служенія таинству, считая это занятіе приличнымъ своему образу жизни, изъ остатковъ приготовляла матери отъ своихъ трудовъ пищу. И не одно только это, но и всѣ лежащія на матери заботы, раздѣляла съ ней; ибо мать ея имѣла еще четырехъ сыновъ и пять дочерей; кромѣ сего тремъ начальникамъ платила подати; потому что владѣнія ея были разсѣяны въ трехъ областяхъ.

Итакъ когда мать по этой причинѣ развлечена была разными заботами, (ибо отецъ уже оставилъ жизнь), она во всемъ этомъ была сотрудницею матери, раздѣляя вмѣстѣ съ нею заботы и облегчая тяжесть скорбей. Подъ руководствомъ матери она сохраняла жизнь непорочную, въ материнскихъ взорахъ постоянно находя и направленіе и одобреніе, и въ то же время примѣромъ своей жизни представляла матери великое руководство къ той же цѣли (я говорю о томъ, что касается любомудрія), мало-по-малу привлекая ее къ невещественной и болѣе совершенной жизни. Когда же мать съ должнымъ для каждой приличіемъ устроила прочихъ сестеръ, возвращается изъ школъ образованія, долгое время тамъ занимавшійся науками великій Василій,

братъ вышесказанной. Найдя его чрезвычайно высоко думающимъ о краснорѣчіи, презирающимъ всѣ достоинства, и превозносящимся своимъ значеніемъ выше вельможъ именитыхъ, она съ такою скоростію увлекла и его къ той же цѣли любомудрія, что онъ отложилъ мірское тщеславіе и презрѣвъ славу своего образованія, обратился къ этой дѣятельной и трудолюбивой жизни, совершенною нестяжательностію приготавливая себѣ безпрепятственный путь къ добродѣтельной жизни. Но его жизнь и дальнѣйшіе труды, которымъ онъ, сдѣлавшись извѣстенъ всему міру, помрачилъ славою всѣхъ просіявшихъ добродѣтелию, требовала бы длиннаго разсказа и многого времени. А мое слово да обратится опять къ предположенной цѣли. Поелику сама она уже пресѣкла всѣ стремленія къ суетной жизни, то убѣждаетъ мать свою, оставивъ обычную жизнь, и пышную обстановку и служеніе рабовъ, которымъ до сего времени пользовалась, сравняться съ многими смиренномудріемъ и соединить жизнь свою съ жизнью дѣвственницъ, содѣлавши равными себѣ и сестрами всѣхъ, кого имѣла у себя въ служеніи и рабствѣ. Но здѣсь я хочу пріостановить нѣсколько сей разсказъ, дабы не опустить неразсказаннымъ одного такого случая, изъ котораго особенно открывается высокое достоинство дѣвницы.

Изъ четырехъ братьевъ, вторымъ послѣ Василія великаго былъ по имени Навкратій, счастливыми природными дарованіями, красотою тѣлесною, силою, ловкостію и способностію ко всему превосходившій братьевъ. Достигнувъ двадцатидвухлѣтняго возраста и доказавъ всенародно успѣхи своихъ занятій, такъ что все собраніе слушающихъ приходило въ удивленіе, — онъ по нѣкому божественному промысленію, презрѣвъ все что имѣлъ въ рукахъ, увлекаемый великимъ нѣкимъ порывомъ мысли, удалился къ уединенной и нестяжательной жизни, ничего не взявъ съ собою, кромѣ себя самого. За нимъ послѣдовалъ одинъ изъ слугъ, по имени Хрисафій, потому что былъ привязанъ къ нему и держался одинаковаго намѣренія относительно жизни. Итакъ, отыскивая какую-либо пустыню, онъ пришелъ къ рѣкѣ Ирису. (Рѣка же Ирисъ протекаетъ посрединѣ области Понтійской, получая начало изъ самой Арменіи и протекая черезъ наши мѣста, она впадаетъ въ Евксинскій Понтъ). Близъ этой-то рѣки нашедши одно мѣсто, заросшее густымъ лѣсомъ, и холмъ, сокрытый возвышающеюся надъ нимъ утесистою горою, юноша сей здѣсь поселился, удалившись отъ городского шума и отъ дѣлъ военныхъ и отъ ораторскихъ занятій въ судилищахъ. Освободивъ такимъ образомъ себя отъ всѣхъ житейскихъ

заботъ, шумно волнующихъ жизнь человѣческую, онъ своими руками служилъ нѣкоторымъ старцамъ, жившимъ вмѣстѣ съ нимъ, въ бѣдности и болѣзни, почитая такое занятіе и попеченіе приличнымъ усвоенному имъ образу жизни. Для сего сей доблестный мужъ ходилъ ловить рыбу. И поелику онъ былъ весьма искусенъ во всякомъ охотничьемъ дѣлѣ, то этимъ промысломъ доставлялъ пищу нуждающимся и вмѣстѣ съ тѣмъ такими трудами укрощалъ пылкость юности. Но и волю матери, если когда она что-нибудь приказывала, исполнялъ охотно. Такимъ образомъ тѣмъ и другимъ совершенствовалъ жизнь свою: трудами укрощалъ жаръ молодости, а повиновеніемъ матери, исполняя заповѣди Божіи, и стремился прямо къ Богу.

Пятый годъ проводилъ онъ любознательствуя такимъ образомъ и доставляя утѣшеніе своею жизнію матери, и тѣмъ что цѣломудріемъ украшалъ жизнь свою, и тѣмъ, что подчинялъ всю свою волю родившей: какъ вдругъ одно тяжелое и плачевное горе, случившееся, думаю, по навѣту противника, поразило мать, и причинило несчастіе и сѣтованіе всему семейству. Юноша печально восхищается изъ сей жизни въ такое время, когда ни болѣзнь не предрасполагала къ ожиданію сего горя, ни другой какой-либо изъ обыкновенныхъ и извѣстныхъ случаевъ не былъ

причиною смерти юноши: но отправившись на охоту, посредствомъ которой онъ доставлялъ необходимое пропитаніе старцамъ, приносится домой мертвымъ какъ самъ, такъ и сообщникъ его въ жизни, Хрисафій. Мать была далеко отъ мѣста случившагося происшествія, — на разстояніи трехъ дней пути. Нѣкто впрочемъ отправился къ ней извѣстить ее о такомъ несчастіи; какъ ни совершенна она была во всякой добродѣтели, но природа, по своему праву, взяла верхъ и надъ нею; упавши духомъ, она тотчасъ же сдѣлалась бездыханною и безгласною, потому что разумъ подавленъ былъ печалью, и лежала пораженная недобрымъ извѣстіемъ, какъ нѣкій мужественный боецъ нечаяннымъ ударомъ.

Здѣсь открылось мужество великой Макрины; противопоставивъ печали размышленіе, она и себя сохранила и ставъ опорою для материнской немощи, опять возставила ее изъ глубины печали, своею твердостью и непоколебимостью руководя къ мужеству и душу матери. Мать наконецъ перестаетъ терзаться печалью и не обнаруживаетъ недостойной женской слабости, — чтобы, напримѣръ, испускать вопли о своемъ несчастіи, или раздирать одежду, или падать отъ горя, или изливать свою печаль въ жалобныхъ причитаніяхъ: она въ молчаніи выносила горе, разсужденіями отражая напоръ естественнаго чувства,

разсужденіями, какъ своими, такъ и предлагаемыми ей дочерью, какъ врачество противъ сего зла. Въ это время особенно обнаружилась возвышенная и превосходная душа дѣвицы; потому что хотя и въ ней природа брала свое,—такъ какъ восхищенный такого рода смертію былъ ей братъ и любезнѣйшій изъ братьевъ: но она, поставивъ себя выше природы возвысила вмѣстѣ съ собою своими убѣжденіями мать и поставила ее выше печали, научивъ своимъ примѣромъ мужеству и терпѣнію. Впрочемъ и жизнь ея, постоянно возвышающаяся въ добродѣтели, не столько давала матери времени для печали объ утраченномъ сокровищѣ, сколько для радости о томъ, которое было у ней на глазахъ.

Итакъ, когда забота о воспитаніи дѣтей и попеченіе объ ихъ образованіи и устройствѣ сложились съ матери, и большая часть дѣлъ домашней вещественной жизни перешла въ руки дѣтей: тогда, какъ было сказано, сія дѣва своею жизнію склоняетъ мать къ оному любомудріемъ украшенному невещественному образу жизни; и, отклонивъ ее отъ всего обычнаго, доводитъ ее до мѣры своего смиренномудрія, расположивъ ее стать на ряду со всѣми дѣвственницами, такъ чтобы, уничтоживъ въ жизни своей всякое различіе достоинства, всѣмъ имѣть общими трапезу, и ложе, и все относящееся къ жизни. И такой

у нихъ былъ порядокъ въ жизни, такая высота любомудрія и столь строгій образъ препровожденія времени какъ днемъ, такъ и ночью, что превосходитъ всякое описаніе. Ибо какъ души, отрѣшившись смертію отъ тѣлъ, слагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и заботы жизни: такъ и ихъ жизнь была отрѣшена и удалена отъ всякой житейской суеты и настроена къ подражанію жизни ангельской. Не видно было между ними ни гнѣва, ни зависти, ни ненависти, ни высокомерія, ни другаго чего-либо подобнаго. Желаніе суетныхъ предметовъ, какъ-то: чести, славы, возвышенія и превосходства надъ другими и всего прочаго сему подобнаго, было изгнано изъ ихъ общества: удовольствіемъ же для нихъ было воздержаніе, славою, — быть въ неизвѣстности, богатствомъ, — нищета и отрѣшеніе отъ всякаго вещественнаго богатства, какъ отъ какого-то праха земнаго. Изъ дѣлъ же, о которыхъ заботятся въ сей жизни, не было никакого, котораго бы они не считали дѣломъ для себя постороннимъ: единственною заботою у нихъ были дѣла божественныя, непрестанная молитва, постоянное псалмопѣніе, поровну продолжающееся всякую ночь и день, такъ что это дѣло было для нихъ дѣломъ и вмѣстѣ отдыхомъ. Какое человѣческое слово наглядно можетъ представить такой образъ жизни? Жизнь у нихъ соприкасалась и

природѣ человѣческой и природѣ безтѣлесной: ибо тѣмъ, что отрѣшались свое естество отъ страстей человѣческихъ, они становились выше человѣка; а тѣмъ, что являлись въ тѣлѣ, были облечены внѣшнимъ видомъ и жили при помощи чувственныхъ органовъ, становились ниже ангельскаго и безплотнаго естества. Впрочемъ, можно осмѣлиться сказать, что это отличіе нисколько и не дѣлало ихъ ниже (ангеловъ): потому что живя во плоти, они, по подобію безплотныхъ силъ, не были отягчаемы бременемъ тѣла, но жизнь ихъ была горняя и возвышенная, парящая горѣ вмѣстѣ съ небесными силами. И такая жизнь продолжалась не малое время, а съ продолженіемъ времени умножались и успѣхи ея; потому что съ приложеніемъ новыхъ подвиговъ добродѣтели, любомудріе постоянно возводитъ душу къ большей чистотѣ.

Преимуществомъ сотрудникомъ въ достиженіи сей великой цѣли, былъ для нея единоутробный братъ, по имени Петръ, которымъ заключились болѣзни дѣторожденія нашей матери; онъ былъ послѣднею отраслію матерней утробы и могъ быть названъ вмѣстѣ и сыномъ и сиротою; ибо въ то самое время какъ онъ произошелъ на свѣтъ, отецъ оставилъ жизнь. Но старшая между братьями и сестрами, о которой идетъ рѣчь, вскорѣ беретъ его отъ кормилицы, послѣ недолгаго

кормленія грудью, по рожденіи, сама воспитываетъ и даетъ ему самое возвышенное образованіе, съ младенчества упражняя его въ священномъ ученіи, чтобы не дать душѣ досуга для какихъ-либо суетныхъ наклонностей. Будучи такимъ образомъ для юноши всѣмъ: отцемъ, учителемъ, воспитателемъ, матерью, совѣтницею во всякомъ добромъ дѣлѣ, она такимъ сдѣлала его, что прежде чѣмъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста, еще въ отрочествѣ, въ нѣжномъ цвѣтущемъ возрастѣ, онъ вознесся (душею) къ высокой цѣли любомудрія, и по нѣкоторому счастливому жребію природы, имѣлъ способность къ изученію всякаго рода искусствъ, совершаемыхъ руками, такъ что безъ всякаго руководства со всею точностію достигалъ искусства въ томъ, чему многіе долго и съ трудомъ научаются. Итакъ онъ, презирая занятія мірскими науками, но имѣя въ своей природѣ достаточнаго наставника всякаго добраго ученія, постоянно взирая на сестру свою и поставляя ее примѣромъ всякаго добра, достигъ до такой высоты добродѣтели, что въ послѣдующей жизни кажется, не меньше былъ Василія великаго по превосходству добродѣтели. Въ то время замѣнялъ всѣхъ для сестры и матери, будучи сотрудникомъ ихъ въ сей ангельской жизни. Онъ однажды во время сильнаго неурожая, когда многіе, по слуху о его благотворитель-

ности, отсюда собирались въ то уединеніе, гдѣ онъ жилъ, своими искусными мѣрами столько доставлялъ пищи бѣднымъ, что пустыня его отъ множества приходящихъ казалась городомъ. Въ это время мать, достигнувъ глубокой старости, переселилась къ Богу, окончивъ жизнь свою на рукахъ обоихъ своихъ дѣтей.

Слѣдуетъ разказать о словахъ благословенія, которыя она изрекла дѣтямъ своимъ. Вспомнивъ съ любовію о каждомъ изъ отсутствующихъ, чтобы ни одинъ не былъ лишенъ благословенія, преимущественно вручила Богу молитвою присутствующихъ при ней. Ибо когда они оба сидѣли около нея по обоимъ сторонамъ кровати, она, коснувшись руками каждаго изъ нихъ, произнесла къ Богу слѣдующія послѣднія слова: «Тебѣ, Господи, посвящаю начатокъ и десятину отъ плода мукъ дѣторожденія: начатокъ мой,—сія перворожденная дочь, десятинна же, сей послѣдній сынъ мой. Тебѣ по закону посвящаются оба, и тебѣ приношу ихъ въ даръ. Итакъ, да придетъ освященіе на начатокъ мой сей, и на десятину сію,» указавъ сими знаменательными словами на дочь и сына. Окончивъ благословеніе, окончила вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь, завѣщавъ дѣтямъ, въ отцовскомъ гробѣ похоронить и ея тѣло. Они исполнивъ завѣщаніе, устремились къ большей

высотѣ любомудрїа, постоянно не удовлетворяясь собственною жизнію и прошедшіе подвиги добродѣтели превышая послѣдующими. Въ это время великій во святыхъ Василиій назначенъ предстоятелемъ великой церкви Кесарійской. Онъ вводитъ своего брата въ священнѣйшій клиръ, своими таинственными священнодѣйствїями, посвятивъ его въ санъ пресвитера. Здѣсь опять жизнь ихъ идетъ къ большей и большей степени благочестїа и святости; потому что къ священству присоединялось и любомудрїе. По прошествїи восьми лѣтъ послѣ сего, на девятомъ году, по всей вселенной именитый Василиій, отъ люлей переселяется къ Богу, сдѣлавшись общимъ предметомъ плача какъ для отечества, такъ и для вселенной. Услышавъ издалека о семъ несчастїи, Макарина скорбѣла душою о столь великой потери. Да могла ли не поразить ее та скообъ, которую раздѣляли и самые враги истины? Но какъ, говорятъ, очищенїе золота производится въ различныхъ плавильныхъ печахъ, для того, чтобы, если пройдетъ при первомъ плавленїи что-нибудь (нечистое), отдѣлилось во второй; наконецъ въ послѣдней всякая нечистая примѣсь къ этому веществу совершенно исчезнетъ, — и самый вѣрный признакъ отличнаго золота тотъ, когда оно прошедши всѣ плавильныя печи, не будетъ отлагать никакой нечистоты: такъ нѣчто по-

добное сему случилось и съ нею, чтобы послѣ искушенія высокаго разума ея различными ударами несчастій, со всѣхъ сторонъ открылась непримѣсная чистота и возвышенность ея души. Такими испытаніями были: вопервыхъ смерть одного брата, потомъ разлука съ матерію, наконецъ то, что общее украшеніе нашего рода, — Василий Великій переселился изъ сей жизни. Но она осталась твердою, какъ какой-нибудь непобѣдимый боець, не падая ни подъ какими ударами несчастій.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ сей потери, или нѣсколько больше, собрался въ городѣ Антиохіи соборъ епископовъ, на которомъ и мы присутствовали. Но когда всѣ опять разошлись по домамъ своимъ, прежде истеченія года, у меня, — Григорія, явилось желаніе посѣтить сестру; ибо много протекло времени, въ теченіе котораго препятствовали свиданію тяжелыя обстоятельства, которыя я терпѣлъ, отовсюду гонимый изъ отечества вождями ереси, — такъ что когда я исчислялъ время, въ продолженіи котораго сіи испытанія препятствовали нашему личному свиданію, то оказалось, что времени прошло не мало, — почти восемь лѣтъ. Итакъ совершивъ большую часть путешествія, когда находился уже на разстояніи одного дня пути, нѣкое видѣніе, представившееся мнѣ во снѣ, возбудило

во мнѣ страшныя ожиданія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что я несу на рукахъ мощи мучениковъ, отъ которыхъ былъ такой свѣтъ, какой бываетъ отъ чистаго зеркала, когда оно обращено прямо къ солнцу, такъ что глаза мои сжимались отъ такого блеска сіянія. Это видѣніе было мнѣ трижды въ одну и ту же ночь. Я не могъ ясно разумѣть, что знаменуетъ это сновидѣніе, но провидя душею нѣкоторую скорбь ожидалъ исхода (событій), чтобы судить о значеніи сего видѣнія.

Когда былъ близъ того мѣста уединенія, гдѣ жила сестра, провождая ангельское и небесное житіе, спросилъ я у одного изъ слугъ сперва о братѣ, здѣсь ли онъ. Когда же тотъ отвѣчалъ, что онъ уже четвертый день отправился отсюда: зная, что это значило то, что онъ другою дорогою пошелъ къ намъ (на встрѣчу), я наконецъ спросилъ и объ одной великой. Когда же онъ сказалъ, что она страдаетъ нѣкоторою болѣзнію, во мнѣ возникло безпокойство и остальной путь я совершалъ съ поспѣшностію: потому что печаль и страхъ,—предвѣстники будущаго, овладѣвая мною, возмущали меня. Когда же я пришелъ къ самому мѣсту и слухъ о моемъ пришествіи дошелъ до братства, тогда все собраніе мужей изъ мужескаго отдѣленія вышло къ намъ: ибо они имѣютъ обычай чтить

дорогихъ гостей встрѣчу; а въ женскомъ отдѣленіи сонмъ дѣвицъ скромно ожидалъ нашего прибытія около церкви. Когда окончилась молитва и благословіе и онѣ послѣ преклоненія главы для благословія, благочинно расходясь, удалились по домамъ своимъ и ни одной изъ нихъ не осталось при насъ: то легко можно было догадаться, что значило, что въ числѣ ихъ не было настоятельницы. Когда нѣкто привелъ меня въ домъ, гдѣ жила великая и отворилъ дверь, я вошелъ внутрь ея священной келліи. Она страдала уже сильною болѣзнію и лежала не на какой-либо кровати или постелѣ, но на землѣ,—на доскѣ, покрытой вретischemъ; другая опять доска служила опорю для головы и была такъ устроена, что замѣняла для нея изголовье, будучи подложена въ наклонномъ положеніи подъ шею и удобно поддерживая собою затылокъ.

Итакъ, какъ скоро увидала меня близъ двери, приподнявшись на локоть, (подойти ко мнѣ не могла, потому что силы отъ горячки уже ослабѣли), опершись руками объ полъ и, сколь было возможно, привставши съ своей низменной постели, оказала мнѣ почестъ встрѣчи. Тутъ я подошедши къ ней и взявши своими руками преклоняющееся долу лице ея, подыалъ ее и положилъ такъ, какъ она обыкновенно лежала. Она же воздѣвши руки

къ Богу сказала: «и сію радость даровалъ Ты мнѣ, Боже, и не лишилъ меня того, чего я желала, но послалъ служителя твоего для посѣщенія рабы твоей.» Чтобы ненавести на душу мою никакого унынія, она удерживала стоны и всячески усиливалась скрыть стѣсненность дыханія, но во всемъ старалась принять видъ веселый, и сама заводя пріятныя бесѣды, и намъ подавая поводы къ нимъ посредствомъ вопросовъ. Когда же по связи рѣчи довелось вспомнить о Василиѣ великомъ, у меня возмутилась душа и лице омрачилось печалію; она же такъ была далека отъ того, чтобы снизойти до нашей скорби, что воспоминаніе о святомъ приняла за поводъ къ высшему любомудрію. Обращая вниманіе на природу человѣка и разъясня словомъ своимъ Божественное домоостроительство, сокровенное въ несчастіяхъ, и, какъ бы вдохновляемая Духомъ Святымъ, излагая и то, что относится къ будущей жизни, она въ такихъ словахъ вела разговоръ, что душа моя, восхищенная ея рѣчами, и вознесенная, при руководствѣ ея словъ, внутрь небесныхъ святилищъ, находилась, казалось мнѣ, почти внѣ природы человѣческой.

Какъ въ повѣствованіи объ Іовѣ мы слышимъ, что истаявая отъ повсемѣстныхъ на всемъ тѣлѣ гнилыхъ и гнойныхъ ранъ, сей мужъ не къ ощущенію болѣзни склонялъ свои

помыслы; но хотя въ тѣлѣ и была болѣзнь, она не притупляла его самодѣятельности и не прерывала рѣчи, направленной къ высокимъ предметамъ: такъ нѣчто подобное видѣлъ я и въ оной великой. Ибо хотя жаръ изсушалъ всю ея силу и быстро велъ къ смерти, она, какъ бы нѣкоторою росою прохладя свое тѣло, сохраняла свой умъ безпрепятственнымъ въ созерцаніи высокыхъ предметовъ и невредимымъ столь великою болѣзнію. И если бы наше сочиненіе не растянулось на безпредѣльную длину, я по порядку рассказалъ бы все, какъ она возвышенна была въ рѣчи, любомудрствуя съ нами о душѣ и излагая причину жизни во плоти, и для чего чловѣкъ, и какъ онъ смертенъ, и откуда смерть, и каковъ переходъ отъ нея опять къ жизни. Обо всемъ этомъ, какъ вдохновенная силою Святаго Духа, все излагала ясно и послѣдовательно, и рѣчь ея текла съ совершенною легкостію, какъ вода изъ какого-дибудь источника, безпрепятственно несущаяся по покатости.

По окончаніи бесѣды, она говоритъ мнѣ: «время тебѣ, братъ, послѣ трудовъ тяжелаго путешествія, нѣсколько успокоить тѣло.» И хотя для меня великимъ и истиннымъ отдыхомъ было смотрѣть на нее и выслушивать великія слова ея; но поелику для нея это было пріятно и любезно, то, чтобы мнѣ ока-

заться во всемъ послушнымъ учительницѣ, я, найдя въ одномъ изъ близъ лежащихъ садовъ нѣкоторое пріятное приготовленное мѣсто отдохновенія, подъ тѣнію виноградныхъ вѣтвей, успокоился. Но невозможно было имѣть веселыхъ чувствъ, когда душа была одержима ожиданіемъ горя. Казалось, что видѣнное мною раскрываетъ нѣ загадку представлявшагося во снѣ: ибо по истинѣ то, что я видѣлъ предъ собою, были — мощи святой мученицы, которыя были мертвы для грѣха, но сіяли обитающею въ нихъ благодатию Духа. Такъ я толковалъ свой сонъ одному изъ слышавшихъ о немъ прежде; когда же мы съ сокрушеннымъ духомъ, съ вѣроятностію ожидали печальнаго событія, она, не знаю какимъ образомъ, догадавшись о нашихъ мысляхъ, посылаетъ къ намъ извѣстіе болѣе радостное, повелѣвая быть благодущными и ожидать лучшаго въ ея положеніи, потому что она ощущаетъ, что ея болѣзнь клонится къ лучшему. И это она говорила не для обольщенія нашего, но по чистой правдѣ, хотя въ то время мы этого не поняли. Ибо подлинно, какъ скороходъ, обогнавъ противника, достигая уже почти конца своего бѣга, приближаясь къ наградѣ и видя побѣдный вѣнецъ, радуется самъ въ себѣ, какъ бы уже получившій то, что предлежитъ ему, и болѣе расположеннымъ къ нему зрителямъ воз-

вѣщааетъ о побѣдѣ: въ такомъ же расположеніи и она давала знать намъ, чтобы надѣялись относительно ея на самое лучшее, ибо она уже видѣла награду высшаго званія, и только что не произносила о себѣ сихъ словъ апостола: *прочее соблюдается лишь вьнезъ правды, ею же воздастъ ми праведный судія*; потому что *подвигомъ добрымъ подвизался, и теченіе скончахъ и вьру соблюдохъ* (2 Тим. 4, 7. 8.).

Итакъ, ободрившись сею доброю вѣстію, мы встали и пошли, чтобы вкусить предложенныхъ намъ (снѣдей); онѣ были разнообразны и все было приготовлено съ полнымъ радушіемъ; такъ даже до сего простиралась заботливость великой. Но когда мы опять явились на глаза къ ней (ибо она не дозволила часъ отдохновенія провести самимъ съ собою), то припоминая все случившееся съ нею въ жизни, отъ отрочества, рассказывала обо всемъ по порядку какъ бы по написанному, и о томъ, что помнила о жизни нашихъ родителей, и что было прежде рожденія, и послѣдующую затѣмъ жизнь. Цѣлю такого разсказа было у ней благодареніе Богу; ибо она самую жизнь родителей представляла славною въ то время и знаменитою не столько богатствами, сколько обиліемъ божественнаго чловѣколюбія, поелику родители отца за исповѣданіе вѣры во Христа подверглись ссылкѣ; а дѣдъ по матери, вслѣдствіе царскаго

гнѣва, былъ лишень имущества и все, что было у него, перешло къ другимъ владѣльцамъ; впрочемъ несмотря на то, ради ихъ вѣры, житейскія блага ихъ такъ умножались, что въ то время никого не было именитѣе ихъ. Опять же, хотя имѣніе ихъ и раздѣлено было на девять частей,—по числу дѣтей, но у každого наследственнѣя доля по благословенію (Божію) увеличилась до того, что состояніе každого изъ дѣтей превосходило счастливую долю родителей; себѣ же изъ наследственной части, принадлежащей ей наравнѣ съ братьями, она ничего не оставила, но все передала священнику, чтобъ онъ распорядился по божественной заповѣди. Сама же, при помощи Божіей, такую вела жизнь, что никогда не переставала работать своими руками, по заповѣди; никогда не обращалась за пособіемъ къ людямъ и ни къ чьей благотворительности не прибѣгала для благоприличнаго образа жизни, но ни просящихъ не отвергала, ни дающихъ не искала: потому что Богъ сокровеннымъ образомъ малыя средства отъ трудовъ ея, какъ нѣкоторыя сѣмена, по своему благословенію, возвращалъ во многообразный плодъ. Когда же я рассказалъ о собственныхъ страданіяхъ, которыя испыталъ, сперва во время изгнанія меня царемъ Валентомъ за вѣру въ ссылку, потомъ когда смуты, происшедшія въ церквахъ, вызвали

насъ на подвиги и труды,—великая сказала: «ужели ты не перестаешь быть непризнательнымъ къ благодѣяніямъ Божиимъ? Ужели не уврачуешь душу свою отъ неблагодарности? Ужели не сравнишь своего положенія съ положеніемъ родителей? И въ семь мірѣ, мы особенно величаемся тѣмъ, что произошли отъ знатнаго рода, родились отъ благородныхъ родителей. Отецъ, говорить, въ тогдашнее время славился образованностію, но слава его ограничивалась только мѣстными судилищами: потомъ, хотя въ искусствѣ словопренія онъ и превосходилъ прочихъ, но молва о немъ не простиралась далѣ Понта: но для него было пріятно быть славнымъ въ своемъ отечествѣ. Ты же, говорить, извѣстенъ и городамъ, и народнымъ собраніямъ, и цѣлымъ областямъ; тебя на помощь и исправленіе посылаютъ и зовутъ церкви. Итакъ ужели ты не видишь благодати Божіей? Ужели не знаешь причины столь великихъ благодѣяній,—что тебя молитвы родителей возводятъ на такую высоту, — тебя нисколько или мало приготовленнаго къ сему дѣлу дома.»

Когда она такъ разсуждала, я желалъ продлить дневной срокъ долѣе, чтобъ она не переставала услаждать слухъ нашъ: но голосъ поющихъ звалъ къ совершенію вечерней благодарственной молитвы. Почему отпустивъ

меня въ церковь, великая опять обратилась съ молитвою къ Богу. Такимъ образомъ прошла ночь. Когда же наступилъ день, для меня, изъ того, что я увидѣлъ, стало ясно, что настоящій день есть для нея послѣдній предѣлъ земной жизни; потому что горячка истощила всѣ силы ея природы. Она же, видя, что мы упали духомъ, искусно старалась отвлечь насъ отъ скорбнаго ожиданія, снова разсѣвая печаль нашей души оными прекрасными рѣчами, впрочемъ уже съ тяжелымъ и прерывающимся дыханіемъ. При видѣ сего зрѣлища, духъ мой испытывалъ весьма различныя состоянія; природа, естественно, побуждала къ печали, потому что уже не ожидала снова услышать этотъ голосъ; но еще немного,—и общая слава нашего рода имѣла переселиться изъ человѣческой жизни; а душа, при видѣ сего явленія, какъ бы вдохновлялась и приходила къ мысли, что она по истинѣ вышла изъ предѣловъ человѣческаго естества. Ибо находясь при послѣднемъ издыханіи, не чувствовать ничего необычайнаго при ожидаемомъ переселеніи и нисколько не страшиться разлученія съ жизнью, но съ возвышеннымъ разумомъ любомудрствовать относительно сей жизни, сохраняя до конца тотъ же взглядъ на нее, какъ и въ началѣ,—мнѣ казалось дѣломъ свойственнымъ не столько человѣку, сколько какому-нибудь ангелу, по бо-

жественному смотрѣнію воспринявшему на себя образъ человѣческой, ангелу, у котораго такъ какъ нѣтъ никакого сродства или связи съ плотскою жизнію, разумъ естественно пребываетъ въ безстрастіи; потому что плоть не увлекаетъ его умъ къ своимъ страстямъ. Посему мнѣ казалось, что оная божественная и чистая любовь къ невидимому жениху, которую она сокровенно питала въ глубинѣ души, теперь объявляетъ и ясно обнаруживаетъ предъ присутствующими свое сердечное желаніе поспѣшить къ Возлюбленному, чтобъ отрѣшившись отъ узъ тѣлесныхъ скорѣе съ нимъ соединиться; ибо подлинно теченіе ея было направлено къ добродѣтели, и ничто другое изъ удовольствій жизни не обращало на себя ея взора.

Уже большая часть дня прошла, и солнце склонялось къ закату; но радостное настроеніе духа не оставляло ея: напротивъ чѣмъ ближе приближалась она къ исходу, чѣмъ больше созерцала красоту Жениха; тѣмъ съ большею поспѣшностію стремилась она къ Возлюбленному, обращая рѣчь уже болѣе не къ намъ,—присутствующимъ, но къ Тому самому, на котораго напряженно устремляла свои взоры, ибо постель ея обращена была на востокъ. Итакъ оставивъ разговоръ съ нами, бесѣдуетъ остальное время съ Богомъ въ молитвѣ, воздѣвая руки и произнося слова сла-

бымъ голосомъ, такъ что мы едва могли слышать ихъ. Но молитва сія была такова, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что изливалась къ Богу и имъ была услышана. «Ты, говоритъ, Господи разрушилъ для насъ страхъ смерти: Ты конецъ здѣшней жизни содѣлалъ для насъ началомъ истинной жизни; Ты на время упокоиваешь тѣла наши сномъ (смертв) и опять возбуждаешь оныя при послѣдней трубѣ. Ты, бранный составъ нашъ, созданный твоими руками, какъ залогъ, ввѣряешь землѣ,—и опять взыщешь, что далъ, преобразивъ наше смертное и безобразное въ бессмертіе и благолѣпіе. Ты избавилъ насъ отъ клятвы и грѣха, содѣлавшись тѣмъ и другимъ за насъ. Ты стеръ главы змія зіяніемъ схватившаго человѣка въ пасть преслушанія. Ты открылъ намъ путь къ воскресенію, сокрушивъ врата адовы и поправъ имѣющаго державу смерти—діавола. Ты далъ знаменіе боящимся Тебя,—образъ святаго креста твоего для побѣды надъ противникомъ и безопасности нашей жизни. Боже вѣчный, Которому я привержена отъ чрева матери моей, Котораго всею силою возлюбила душа моя, Которому душу и тѣло свое посвятила отъ юности и даже донинѣ! приставь ко мнѣ ангела свѣтлаго, да руководитъ онъ меня на мѣсто прохлады, гдѣ вода упокоенія, на лоно святыхъ отцевъ. Сокрушившій пламенный мечъ и воз-

вратившій въ рай человѣка распятаго вмѣстѣ съ Тобою и прибѣгнувшаго къ Твоему милосердію, и меня помяни въ царствіи Твоемъ, потому что и я сраспинаюсь Тебѣ, пригвоздивъ страхомъ твоимъ плоть мою и боясь суда Твоего. Да не отлучить меня страшная она пропасть отъ избранныхъ Твоихъ; да не преградить пути моего завистникъ, да не обрѣдутся предъ лицомъ Твоимъ грѣхи мои, если я въ чемъ-либо преткнувшись, по немощи плоти, согрѣшила словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ; Имѣющій власть на землѣ прощать грѣхи, прости мнѣ, дабы я обрѣла прохладу и обрѣлась предъ Тобою, по совлеченіи плоти моей, не имѣющею скверны на образѣ души, но чтобы духъ мой чистымъ и непорочнымъ, какъ кадило предъ Тобою, воспринять былъ въ Твои руки.» И говоря это, въ то же время возлагала крестное знаменіе на глаза, уста и сердце. Спусти немного послѣ сего языкъ, иссушенный отъ жара, не могъ уже произносить болѣе словъ и голосъ ослабѣлъ; по одному только сжатію и расширенію устъ и движенію рукъ, мы понимали, что она продолжаетъ молитву.

Когда между тѣмъ наступилъ вечеръ и внесень былъ свѣтильникъ, она вдругъ широко раскрывши глаза и обратившись къ свѣту, показывала, что готовится произнести вечную благодарственную молитву. Но поелику

голосъ уже ослабѣлъ, то она исполняла сіе намѣреніе сердцемъ и движеніемъ рукъ, и уста ея двигались сообразно внутреннему стремленію. Когда же совершила сіе благодарственное моленіе, и когда рука возведенная къ лицу, для огражденія крестнымъ знаменіемъ, показало окончаніе молитвы, то испустивъ сильный и глубокой вздохъ вмѣстѣ съ молитвою она окончила и жизнь.

Когда она стала наконецъ бездыханна и недвижима, я вспомнивъ завѣщаніе, которое она сдѣлала мнѣ при самомъ первомъ свиданіи, сказавъ, что хочетъ, чтобы мои руки закрыли глаза ея, и, чтобъ я воздалъ обычное служеніе ея тѣлу, приложилъ ослабѣвшую отъ печали руку къ святому лицу, для того только, чтобы не показать, что пренебрегаю завѣщаніемъ ея, потому что глаза ея не нуждались въ совершеніи сего дѣла; они благолѣпно были сокрыты вѣками, какъ бываетъ во снѣ, уста прилично сомкнутые, руки благообразно сложены на груди, и наконецъ все расположеніе тѣла, само собою благовидно лежащаго, не имѣло никакой нужды въ рукѣ поправляющаго.

У меня же душа в двойнѣ терзалась печалію: отъ того, что я видѣлъ предъ своими взорами, и отъ плачевныхъ воплей дѣвъ, которые оглушали мой слухъ. До сего времени онѣ были мужественны, молчали и, скрывая въ душѣ скорбь,

удерживали порывы къ плачу изъ страха къ ней, какъ бы боясь получить отъ нея за это выговоръ, хотя уста ея уже безмолствовали, чтобы не опечалить учительницу, если вырвется у нихъ какой-нибудь звукъ голоса, вопреки ея приказанію. Теперь же скорбь уже не могла сдерживаться болѣе молчаніемъ; печаль, какъ какой-нибудь внутренній огонь, сожигавшій ихъ души, вдругъ разрѣшилась такимъ горькимъ и неудержимымъ воплемъ, что разсудокъ мой не устоялъ въ своей твердости, и моя скорбь, какъ какой-нибудь переполнившійся потокъ, вдругъ проторглась наружу, и я не обращаю вниманія на то, что было у меня въ рукахъ, весь предаюсь рыданію. И мнѣ казалась какъ бы справедливою и законною причина плача дѣвъ, ибо онѣ оплакивали въ ней не лишеніе какого-либо обыкновеннаго плотскаго попеченія о себѣ, или другое что-нибудь подобное, что въ несчастіяхъ съ трудомъ переносятъ люди: но что они лишились какъ бы самой надежды на Бога и спасенія душъ,—вотъ о чемъ они вопіяли, и что оплакивали своими рыданіями, говоря: «угасъ свѣтильникъ нашихъ очей; отнять свѣтъ, руководившій души наши; уничтожилась опора жизни нашей, отнята печать нетлѣнія; расторгнуть союзъ цѣломудрія; сокрушилась твердыня слабыхъ; взято отъ насъ врачеваніе немощныхъ! Съ тобою у насъ и

ночь, освѣщаемая чистотою твоей жизни, была днемъ; теперь же и день обратится въ тму!» Но болѣе тяжкія сравнительно съ прочими испускали рыданія тѣ, которые называли ее матерью своею и кормилицею; ибо были и такія, которыхъ, во время голода, брошенныхъ на пути, взявши къ себѣ, она вскормила и воспитала и привела къ чистой и нетлѣнной жизни.

Послѣ того я устремивъ взоръ на святую оную главу, и какъ бы укоренный ею за безпорядокъ, производимый громкимъ плачемъ присутствующихъ, какъ бы изъ какой-нибудь глубины воззвалъ душу свою и воскликнувъ громкимъ голосомъ сказалъ дѣвамъ: «посмотрите на нее и вспомните ея правила, которыми она учила васъ во всемъ соблюдать порядокъ и благочиніе. Божественная она душа одно время назначила намъ для слезъ, повелѣвая намъ это дѣлать во время молитвы: это и можно исполнить теперь, измѣнивъ слезныя рыданія въ соотвѣтственное имъ псалмопѣніе.» Это я сказалъ громкимъ голосомъ, чтобы заглушить крикъ плачущихъ. Потомъ приказалъ, чтобъ онѣ на нѣсколько времени ушли въ ближайшій домъ, оставивъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, услугами коихъ она пользовалась въ жизни.

Въ числѣ ихъ была одна изъ благородныхъ женщинъ, которая славилась въ юности бо-

гатствомъ, происхожденіемъ, красотою тѣсною и прочими достоинствами. Она, вышедши замужъ за одного достойнаго человѣка, жила съ нимъ вмѣстѣ короткое время, освободившись отъ супружества еще въ молодыхъ лѣтахъ, и избравши стражемъ и руководителемъ своего вдовства великую Макрину, долго жила вмѣстѣ съ дѣвами учась у нихъ добродѣтельной жизни. Имя этой женщины Ветіана; отецъ ея былъ одинъ изъ числа членовъ верховнаго совѣта. Ей я сказала: теперь не будетъ предосудительно возложить на это тѣло болѣе свѣтлыя украшенія, облечь сію чистую и непорочную плоть въ свѣтлыя одежды. Но она отвѣчала, что нужно напередъ узнать, что святая въ этомъ случаѣ одобряла; ибо совершенно неприлично съ нашей стороны дѣлать что-нибудь противъ ея желанія; но конечно все, что пріятно и угодно Богу, и ей такъ же будетъ пріятно.

Была одна начальница надъ хоромъ дѣвицъ, имѣющая степень діаконисы, именемъ Лампадія. Она сказала, что вѣрно знаетъ ея распоряженіе относительно погребенія. Когда же я спросилъ ее объ этомъ, (потому что она присутствовала при совѣщаніи), сказала со слезами: «украшеніе о которомъ заботилась святая была чистая жизнь; это было убранство ея и во время жизни и есть одѣяніе ея по смерти. Что же касается до тѣлесныхъ

украшеній, то она ни во время жизни не употребляла ихъ, ни для настоящей нужды не заготовила; посему хотя бы мы и желали, ничего сдѣлать не можемъ, потому что нѣтъ ничего заготовленнаго для этой цѣли.» Но нельзя ли найти чего-нибудь въ кладовыхъ, сказалъ я, что могло бы послужить для украшенія ея тѣла при вынось? «О какихъ кладовыхъ, сказала она, говоришь ты? Все сбереженное ею ты имѣешь въ рукахъ. Вотъ одежда, вотъ головной покровъ, вотъ истертая сандалии: это ея богатство, это ея имущество; кромѣ того, что здѣсь видимъ, нигдѣ нѣтъ ничего въ сокровенныхъ мѣстахъ, ничего запертаго въ какихъ-либо сундукахъ или кладовыхъ; одно знала она мѣсто для храненія своего богатства,—сокровищницу небесную: туда все она полагала, на землѣ же не оставляла ничего.» А что, сказалъ я ей, если я принесу что-либо изъ приготовленнаго мною на погребеніе; ужели и это будетъ ей неприятно? «Не думаю, чтобъ это было противно ея желанію, сказала она; ибо и при жизни своей она не отвергала такой чести отъ тебя, по двумъ причинамъ: по чтимому ею всегда священству и по естественному родству; принадлежащее брату она не почитала чужимъ для себя, потому и заповѣдала тебѣ убрать тѣло ея своими руками.»

Когда же это было одобрено и оное свя-

ценное тѣло должно было покрыть одеж-
дами, мы раздѣляя между собою сіе за-
нятіе придумывали одинъ то, другой другое.
Я приказалъ одному изъ своихъ принести
одежду, а упомянутая Ветіана, убирая своими
руками оную святую главу, когда коснулась
рукою шеи, взглянувъ на меня сказала: «вотъ
какое украшеніе висѣло на шеѣ святой», и съ
этими словами развязавъ сзади узелъ, протя-
гиваетъ руку и показываетъ намъ желѣзный
крестъ и нѣкоторый перстень изъ того же
вещества; оба привѣшенные на тонкомъ, во-
лосяномъ шнуркѣ, всегда находились у ея
сердца. «Раздѣлимъ это пріобрѣтеніе между
собою, сказалъ я, ты возьми себѣ спаситель-
ный крестъ, а для меня достаточно въ на-
слѣдство сего перстня, потому что и на пе-
чати его изображенъ такъ же крестъ.» Вни-
мательно посмотрѣвъ на перстень сія жена
говоритъ ко мнѣ опять: «ты не ошибся въ
выборѣ оставшагося имѣнія, ибо перстень
подъ камнемъ имѣетъ углубленіе, въ кото-
ромъ сокрыта часть животворящаго древа и
такимъ образомъ сверху лежащая печать сво-
имъ изображеніемъ указываетъ на то, что ле-
житъ подъ нею.»

Когда пришло время облекать чистое тѣло
одеждою, а завѣщаніе сей великой вмѣнило
въ обязанность исполнить сіе служеніе мнѣ,
то присутствовавшая при этомъ дѣлѣ и помо-

гавшая,—та, которая раздѣлила вмѣстѣ съ нами оное великое наслѣдство, говорить: «не пропусти безъ вниманія величія дивныхъ дѣлъ, совершенныхъ святою». Что такое?—сказалъ я. Она обнаживши нѣкоторую часть груди, сказала: «видишь этотъ малый и едва замѣтный подъ кожицею знакъ: онъ подобенъ уколу, сдѣланному тонкою иглою»,—и вмѣстѣ съ симъ придвинула свѣтильникъ къ указываемому мѣсту. «Что же, сказалъ я, удивительнаго, если на этой части тѣла остался незамѣтный знакъ отъ какого нибудь укола?»—«Это, сказала она, осталось на тѣлѣ въ память великой помощи Божіей, ибо однажды когда появилась на этой части тѣла болѣзненная опухоль и угрожала опасностью разрѣзать эту опухоль, иначе болѣзнь сія вполнѣ и совершенно обратилась бы въ неисцѣльную, если бы дошла до близкихъ сердцу мѣсть, то мать, говорить, долго просила и умоляла ее воспользоваться пособіемъ врача, такъ какъ и это искусство, говорить она, дано Богомъ на пользу людямъ. Но она, считая обнаженіе какой нибудь части тѣла предъ чужими глазами болѣзненнѣе самой болѣзни, понаступленіи вечера, когда исполнила обычное служеніе своими руками матери, удалившись въ святыи храмъ, всю ночь припадаетъ съ молитвою къ Богу цѣлителю и текущую изъ глазъ воду, смѣшавъ съ землею, — сію

слезную грязь употребляетъ вмѣсто лѣкарства противъ своей болѣзни, когда же мать скорбѣла духомъ и снова просила ее прибѣгнуть къ врачу, она сказала, что достаточно для ней будетъ того лѣкарства противъ болѣзни, если мать своею рукою оградить мѣсто больное святымъ знаменіемъ. Какъ скоро мать вложила свою руку въ нѣдра ея, чтобъ оградить эту часть крестнымъ знаменіемъ, болѣзнь, по совершеніи сего знаменія, исчезла. Но сей малый знакъ тогда же явился на мѣстѣ страшной опухоли, и до конца жизни оставался, для того, какъ я думаю, чтобъ онъ былъ памятнымъ знакомъ божественнаго посѣщенія, служа поводомъ и побужденіемъ къ непрестанному благодаренію Бога.»

Когда же мы окончили свои попеченія, и чѣмъ было можно, украсили тѣло, оная діаконисса сказала: «не прилично ей, украшенной на подобіе невѣсты лежать открыто предъ глазами дѣвиць: но, говоритъ, хранится у меня темнаго цвѣта одежда вашей матери; ею, я думаю, хорошо покрыть тѣло сверху, дабы священная сія красота не блистала чуждыми ей украшениями одежды.» Мнѣніе сіе было принято,—и покровъ былъ возложенъ; но она сіяла и подъ темнымъ покровомъ, велику божественная, какъ думаю, сила даровала и эту благодать ея тѣлу, такъ что согласо съ моимъ видѣніемъ во свѣ, нѣкото-

рые свѣтлые лучи, казалось, исходили отъ ея красоты.

Между тѣмъ какъ мы занимались этимъ, и соединенныя съ плачемъ псалмопѣнія дѣвъ оглашали мѣсто: не знаю какимъ образомъ, слухъ о семъ вдругъ распространился по всѣмъ окрестностямъ и всѣ ближніе жители собрались въ это мѣсто, такъ что дворъ не могъ помѣстить всѣхъ сбѣжавшихся. Вся ночь, какъ въ праздники мучениковъ, проведена была около нея въ псалмопѣніяхъ; съ наступленіемъ же утра, множество мужей и женъ, собравшихся со всей окрестности, своими воплями заглушали псалмопѣніе. Но я какъ ни былъ разстроенъ духомъ отъ сего несчастія, однакожь сколько могъ позаботился, чтобы сіе погребеніе совершилось по возможности вполнѣ благоприлично. Итакъ разставивъ собравшійся народъ пополамъ, и помѣстивъ женщинъ, при хорѣ дѣвъ, а мужчинъ при сонмѣ монаховъ, я изъ тѣхъ и другихъ устроилъ одинъ согласный и стройный, какъ бываетъ въ собраніи пѣвцевъ, хоръ для псалмопѣнія, которое состояло въ общемъ благоприличномъ пѣніи всѣхъ. Поелику же день постепенно подвигался впередъ, и все мѣсто пустыни становилось тѣснымъ отъ множества прибывшихъ; то начальствующій въ тѣхъ мѣстахъ Епископъ, именовъ Араксій (ибо и онъ прибылъ со всѣмъ своимъ священнымъ клиромъ) прика-

заль нести погребальный одръ медленно, велику и разстояніе, которое нужно было пройти, велико и народъ будетъ препятствовать болѣе поспѣшному движенію; и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ всѣхъ своихъ священно-служителей, чтобъ они несли тѣло. Когда это было принято съ любовію, я поднявши одръ съ одной стороны, другую предложилъ поддерживать ему, остальные задніе края одра подняли на себя два другіе почтенные въ клирѣ мужа. Такимъ образомъ двинулось впередъ погребальное шествіе, какъ слѣдовало; но мы подвигались медленно, потому что народъ во множествѣ тѣснился около гроба; и такъ какъ всѣ какъ бы не могли достаточно насытиться этимъ священнымъ зрѣлищемъ, то ускорять шествіе намъ было неудобно. Съ той и другой стороны сопровождало гробъ не малое число діаконовъ и служителей, которые шли въ порядкѣ около одра всѣ съ зажженными восковыми свѣчами. Все это представляло нѣкое таинственное шествіе; потому что всѣми, отъ первыхъ до послѣднихъ, единогласно совершалось псалмопѣніе, какъ въ пѣснопѣніи трехъ отроковъ. Такъ какъ разстояніе отъ пустыни до храма святыхъ мучениковъ, гдѣ почивали тѣла ея родителей, было около семи или осьми стадій; то почти весь день проведенъ былъ въ семъ шествіи; потому что народъ сошедшійся и постоянно

вновь прибывающій не дозволилъ намъ совершить предстоящій путь, какъ мы думали. Когда мы наконецъ пришли въ храмъ, то сложивъ одръ, прежде всего обратились къ молитвѣ; но молитва сія послужила народу поводомъ къ плачу. Ибо по прекращеніи псалмопѣнія, когда дѣвы взглянули на священное оное лицо и открытъ былъ гробъ родителей, гдѣ рѣшено было положить ее, когда одна изъ нихъ въ смятеніи возопила, что послѣ сего часа мы уже болѣе не будемъ зрѣть ея божественное лицо, а вмѣстѣ съ нею возопили такъ же и прочія дѣвы: тогда за стройнымъ и священнолѣпнымъ псалмопѣніемъ послѣдовало беспорядочное смятеніе, потому что къ рыданіямъ дѣвъ всѣ присоединили свой плачъ. Когда же мы съ трудомъ склонили ихъ къ молчанію, діаконъ началъ молитву и громко произнесъ обычныя церковныя прошенія, тогда только возстановилось молитвенное благочиніе народа.

Послѣ того какъ молитва была должнымъ образомъ окончена, на меня нападаетъ вѣкоторый страхъ, (какъ бы не нарушигъ) божественной заповѣди, воспрещающей открывать срамоту отца или матери (Левит. 18, 7.). Какъ, говорю я, избѣгну сего осужденія, увидя въ тѣлахъ родителей общее человѣческой природѣ безобразіе, поелику онѣ, какъ вѣроятно, распались, разрушились и измѣни-

лись въ отвратительное и неприятное безобразіе. Но когда я такъ разсуждалъ и негодованіе Ноя на своего сына еще болѣе наводило страха (Быт. 9, 25); та же исторія Ноя и дала мнѣ совѣтъ, что нужно дѣлать.

Итакъ прежде нежели тѣла явились очамъ нашимъ, онѣ были покрыты чистымъ полотномъ, которое было подложено подъ приподнятую крышку съ той и другой стороны. Такимъ образомъ послѣ того, какъ тѣла были покрыты полотномъ я и упомянутый мѣстный епископъ, взявши съ одра оное священное тѣло, положили подлѣ матери, исполняя общее желаніе обѣихъ; ибо обѣ онѣ единодушно во всю жизнь просили Бога о томъ, чтобы тѣла ихъ по смерти были соединены между собою, и чтобы то общеніе по жизни, которое существовало между ними въ жизни, не было расторгнуто и по смерти.

Когда же все обычное при погребеніи было исполнено, и намъ должно было отправляться въ обратный путь, я принавъ къ гробу и поцѣловавъ прахъ, пошелъ опять въ путь съ скорбію и слезами размышляя, сколь великаго блага лишился въ жизни. На возвратномъ пути одинъ мужъ, извѣстный между военными, имѣющій воинское начальство въ одномъ Понтійскомъ городкѣ, которому имя Севастополь, жившій тамъ вмѣстѣ съ своими подчиненными, любезно вышелъ на

встрѣчу, когда я находился вблизи сего городка. Услышавъ о семъ несчастіи и будучи пораженъ имъ (ибо былъ близокъ къ намъ, по связи родства и дружбы) онъ передалъ мнѣ рассказъ о чудѣ совершеннымъ ею, который одинъ только записавъ въ сію исторію, затѣмъ окончу свое повѣствованіе. Когда мы перестали плакать и вступили въ бесѣду: «послушай, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, какое и сколь великое благо переселилось изъ сей жизни.» Сказавъ сіе, онъ такимъ образомъ начинаетъ свой рассказъ.

«Появилось у насъ, то-есть у меня и моей жены, однажды сильное желаніе посѣтить училище добродѣтели; ибо такъ говорить, я думаю, должно называть то мѣсто, гдѣ жила оная блаженная душа. Съ нами вмѣстѣ была и маленькая дочь, у которой отъ заразной болѣзни случилось несчастіе съ глазомъ, такъ что весьма непріятно и жалко было смотрѣть на нее; потому что около самага зрачка выросла оболочка и отъ болѣзни образовалось бѣльмо. Когда мы вошли внутрь онаго божественнаго жилища, то я и супруга моя, при посѣщеніи занимающихся любомудріемъ въ семъ мѣстѣ, были раздѣлены соответственно полу; я былъ въ мужскомъ отдѣленіи, гдѣ былъ настоятелемъ братъ твой Петръ, а она, находясь въ женскомъ отдѣленіи, была вмѣстѣ со святою. Когда между тѣмъ прошло

достаточно времени, мы разсудили, что пора уже отправиться назадъ изъ пустыни. Наконецъ когда уже мы собрались въ путь, дѣлается намъ любезное приглашеніе съ той и другой стороны. Братъ твой приказываетъ мнѣ остаться и раздѣлить трапезу любомудрія, а блаженная не отпускаетъ жену, но держа въ объятіяхъ дочь, говорить, что не отдастъ ее прежде, пока не предложитъ имъ трапезы и не угоститъ ихъ богатствомъ любомудрія. Потомъ, когда цѣлуя дочь и прикасаясь устами къ глазамъ ея, увидала бѣльмо на зрачкѣ, говорить: «если вы окажете мнѣ сію милость, раздѣлите съ нами трапезу, то я воздамъ вамъ за это награду, не недостойную такой чести. Когда же мать дитяти спросила: «какую же это награду?—говоритъ великая: «у меня есть лѣкарство, которое можетъ исцѣлить сію глазную болѣзнь. Когда сверхъ того извѣстіе объ этомъ изъ женскихъ покоевъ дошло до меня, и я узналъ о такомъ обѣщаніи, мы съ радостію остались, не заботясь уже о настоятельной необходимости отправиться въ обратный путь.

Когда угощеніе окончилось, и желаніе наше исполнилось, — меня угощаль самъ великій Петръ своими руками и услаждалъ своими бесѣдами, а святая Макрина со всѣмъ благоприличнымъ радушіемъ отпустила мою жену: мы съ радостію и веселіемъ отправились въ об-

ратный путь; рассказывали дорогою другъ другу, какъ каждый провелъ время. Я рассказывалъ, что видѣлъ и что слышалъ въ мужскомъ отдѣленіи, а она рассказывая обо всемъ порознь, какъ бы въ исторіи, считала долгомъ не пропустить ничего, — даже самой мелочи. Когда передавая обо всемъ по порядку, какъ по-связно написанному сочиненію, дошла до того времени, когда было обѣщано врачество противъ глаза, — вдругъ прервала рассказъ. «Что же это мы сдѣлали? Какъ оставили безъ вниманія ея обѣщаніе и не позаботились объ обѣщанномъ намъ лѣкарствѣ, — глазной мази? Когда и я такъ же негодовалъ на такое нерадѣніе и приказалъ одному бѣжать скорѣе за лѣкарствомъ, дитя, находившееся въ то время на рукахъ кормилицы случайно смотритъ на мать; мать, такъ же посмотрѣвши пристально на глаза ея, говоритъ: «перестань досадовать на нерадѣніе», произнося это отъ радости и удивленія громкимъ голосомъ. «Ибо вотъ все, что она обѣщала намъ, исполнено; истинное ея лѣкарство, цѣлебное противъ болѣзней, которое состоитъ во врачеваніи молитвами, она дала намъ, и оно оказалось уже дѣйствительнымъ, такъ что не осталось ни малѣйшаго признака болѣзни на глазѣ, ставшемъ свѣтлымъ отъ онаго божественнаго врачевства.» Сказавъ это, она вмѣстѣ съ тѣмъ обняла дочь и передала въ

мои руки. Тогда я, обратившись мыслію къ отвергаемымъ невѣріемъ чудесамъ Евангельскимъ, сказалъ: «что удивительнаго, если рукою Божію подавалось зрѣніе слѣпымъ, когда въ наше время раба его, совершая оныя изцѣленія вѣрою въ Него, содѣлала дѣло, немного меньшее оныхъ чудесъ?»

Между тѣмъ какъ онъ это говорилъ, голосъ его прерывали рыданія, и слезы струились при семъ разсказѣ изъ глазъ его. Вотъ что передалъ мнѣ военачальникъ. Другія же симъ подобныя чудеса, о которыхъ мы слышали отъ жившихъ вмѣстѣ съ нею и вѣрно знающихъ всю жизнь ея, я не считаю безопаснымъ присовокуплять къ сему повѣствованію; ибо многіе люди опредѣляютъ достовѣрность того, о чемъ имъ говорятъ, мѣрою своихъ силъ, а что превышаетъ силы слушающаго, того не считаютъ за истину и оскорбляютъ подозрѣніемъ во лжи. Посему, я опускаю оное невѣроятное явленіе въ земледѣліи во время неурожая, — какъ хлѣбъ, выдаваемый бѣднымъ, не терпѣлъ никакого чувствительнаго уменьшенія, но оставался въ томъ же количествѣ, въ какомъ былъ до раздачи его на потребу просящимъ. Опущу за симъ и другія, еще болѣе сего необычныя дѣла, какъ-то: изцѣленія болѣзней, изгнанія бѣсовъ и вѣрныя предсказанія будущаго. Все это для тѣхъ, которымъ точно сіе извѣстно, есть несомнѣн-

ная истина, хотя и кажется невѣроятнымъ; для людей же болѣе плотныхъ представляется невозможнымъ; потому что они не знаютъ, что по мѣрѣ вѣры бываетъ и раздаяніе дарованій: малое,—маловѣрнымъ; великое,—имѣющимъ въ себѣ великую приѣмлемость вѣры. Итакъ, чтобы невѣрующіе не потерпѣли вреда, не вѣря въ дарованія Божіи, я по этой причинѣ отказываюсь описывать по порядку еще большія чудеса ея, почитая достаточнымъ ограничить исторію объ ней сказаннымъ.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

МЕЛЕТІЮ ВЕЛИКОМУ, ЕПИСКОПУ АНТІОХІЙСКОМУ.

Къ числу апостоловъ присоединился у насъ новый апостоль, сопричтенный апостоламъ, ибо святыя привлекли къ себѣ подобнаго имъ по нравамъ, подвижники—подвижника, вѣнчаные—вѣнчаннаго, чистые сердцемъ—непорочнаго по душѣ, служители слова—провозвѣстника слова. Достоублажаемъ нашъ отецъ, пребывающій теперь вмѣстѣ съ Апостолами и востекши ко Христу, но мы достойны сожалѣнія; ибо преждевременность сиротства нашего не позволяеть намъ говорить о блаженной долѣ отца. Для него было несравненно лучше разрѣшиться и со Христомъ быть (Филип. 1, 23); но для насъ тяжело лишиться отеческаго руководства. Ибо въ настоящее время необходимо совѣтъ, а совѣтникъ молчитъ. Брань вкругъ насъ, брань съ еретиками, а военачальника нѣтъ. Всѣ тѣло церкви страдаетъ отъ болѣзней, а врача не находимъ. Видите, въ

какомъ положеніи наши дѣла! Какъ бы я желалъ, преодолевши, если бы то было возможно, свою немощь, вмѣстѣ съ тѣмъ возвыситься надъ тяжелымъ несчастіемъ и изречь слово, вполне достойное такой утраты, подобно тому, какъ содѣлали сіе эти доблестные мужи, велегласно оплакавшіе несчастіе потери отца ¹⁾. Но я что сдѣлаю? Какъ могу принудить на служеніе слову свой языкъ, скованный несчастіемъ, какъ бы какими тяжелыми узами? какъ отверзу уста, пораженные безмолвіемъ? Какъ подамъ голосъ, обыкновенно ослабѣвающей отъ скорби и слезъ? Могу ли зрѣть очами душевными, покрытый мракомъ несчастія? Кто разсѣетъ это густое и темное облако печали и съ небесъ явитъ мнѣ опять свѣтлый лучъ мира? Да и откуда возсіяетъ этотъ лучъ, когда свѣтило сокрылось отъ насъ? О, несчастная темная ночь, не подающая надежды на восхожденіе свѣтила? Какая противоположность у насъ въ настоящемъ мѣстѣ между рѣчами прежними и нынѣшними! Тогда мы торжествовали какъ бы на брачномъ пирѣ; теперь же жалостно стенаемъ отъ горести; тогда пѣли брачную пѣсню, теперь поемъ надгробную. Ибо вы помните тотъ день, когда мы праздновали съ вами духовный бракъ,

¹⁾ Св. Григорій вѣроятно разуметь здѣсь предыдущихъ проповѣдниковъ, также произносившихъ надгробныя слова св. Мелетію.

вводя въ домъ къ прекрасному жениху дѣву, и предлагали словесные дары по мѣрѣ силъ нашихъ, взаимно увеселяя и увеселяясь, а нынѣ въ плачь превратилась наша радость и одежда веселія стала вретисцемъ. Не лучше ли было бы умолчать о несчастіи и молчаніемъ скрыть въ сердцѣ страданіе, дабы, не имѣя свѣтлаго брачнаго одѣянія, не произносятся мрачныя слова печали, не поразить скорбію сыновъ чертога брачнаго? Послѣ того какъ взять отъ насъ прекрасный женихъ, мы всѣ неожиданно омрачились скорбію и неприлично вести свѣтлую рѣчь, когда зависть (лукаваго) лишила насъ нашего прекраснаго украшенія. Къ вамъ мы пришли исполненные благъ, отъ васъ уходимъ нагими и нищими. Мы имѣли свѣтильникъ высокопоставленный надъ нами, сіявшій обильнымъ свѣтомъ; теперь уносимъ его погасшимъ, блескъ его превратился въ дымъ и пепель. Мы имѣли сіе великое сокровище въ скудельномъ сосудѣ; но сокровище сіе сокрылось отъ нашихъ взоровъ; а скудельный сосудъ, лишенный богатства, сохраняется для тѣхъ, которые дали его. Что скажемъ мы, отпустившіе это сокровище? Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, у кого потребуютъ его? О, несчастное кораблекрушеніе! Какимъ образомъ, находясь среди пристани, потерпѣли мы крушеніе нашей надежды? Какъ корабль, нагруженный безчисленными богат-

ствами, потонувшій отъ самаго своего груза, насъ, нѣкогда бывшихъ богатыми, оставилъ нагими? Гдѣ то свѣтлое вѣтрило, которымъ управлялъ всегда Духъ Святой? Гдѣ то надежное кормило душъ нашихъ, благодаря которому мы безбѣдно плыли среди тревожныхъ еретическихъ? Гдѣ тотъ неподвижный якорь нашихъ мыслей, держась за который мы съ совершенной безопасностью отдыхали послѣ трудовъ? Гдѣ превосходный кормчій, направлявшій корабль къ высокой цѣли? Уже ли незначительно все случившееся и я напрасно предаюсь печали? Или, скорѣе, я не въ состояннн въполнѣ изобразить скорбь, какъ бы ни возвышалъ своего голоса, говоря объ этомъ? Плачьте вмѣстѣ съ нами, братіе, плачьте слезами состраданія. Ибо когда вы радовались, и мы раздѣляли вашу радость, теперь и вы окажите намъ эту взаимно-печальную услугу. *Радуются съ радующимися*: это сдѣлали мы; *плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15): это воздайте намъ вы. Нѣкогда чуждый народъ плакалъ по патріархѣ Іаковѣ и чужое горе принялъ къ сердцу, какъ свое, когда дѣти его, вынося отца своего изъ Египта, всевародно оплакивали смерть его на чужбинѣ и продолжали свой плачь по немъ тридцать дней и столько же ночей (Быт. 50, 3. 10. 11). Братья и соплеменники, подражайте иноплеменникамъ. Плакали тогда вмѣстѣ и пришель-

цы и туземцы; пусть будетъ общій плачь и нынѣ, такъ какъ и несчастіе у насъ общее. Посмотрите на этихъ патріарховъ: все это сыновья нашего Іакова: всѣ они произошли *отъ свободныя* (Гал. 4, 22—24); нѣтъ ни одного изъ нихъ незаконнорожденнаго и подметнаго: ибо не позволительно было ему вводить въ благородство вѣры поколѣніе рабыни. Но онъ былъ вмѣстѣ и нашъ отецъ, потому что былъ отцемъ нашего отца.

Вы слышали недавно, какъ Ефремъ и Манассія рассказывали о подвигахъ отца нашего столь великихъ и многочисленныхъ, что недоставало словъ для изображенія его дивныхъ дѣлъ. Позвольте и мнѣ сказать о нихъ слово: потому что теперь нѣтъ опасности прославлять его; теперь я не боюсь зависти; ибо какой еще вредъ она сдѣлаетъ мнѣ. Итакъ узнайте теперь, что это былъ за мужъ. Благородный *отъ востокъ солнца, непороченъ, праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляйся отъ всякаго лукавья вещи* (Іов. 1, 1); ибо не возревнуетъ великій Іовъ, если къ подражателю его отнесемъ тѣ прекрасныя свойства, которыя приписываются ему свидѣтельствомъ слова Божія. Но завистникъ, злобно смотрящій на все прекрасное, съ недоброжелательствомъ взглянулъ и на наше благо и, обошедши вселенную, пришелъ и къ намъ и внесъ скорбь въ среду нашего благополучія. Не стада воловъ

и овецъ погубилъ онъ, если только, по таинственному смыслу, мы не станемъ разумѣть подъ именемъ стада церковь; не въ этомъ повредилъ намъ завистникъ, и не въ ослахъ и верблюдахъ мы потеряли ущербъ; даже и не раною тѣла онъ огорчилъ наши чувства, но лишилъ насъ главы; а съ главою лишились мы благороднѣйшихъ органовъ нашихъ чувствъ. Нѣтъ болѣе очей, созерцающихъ небесное; нѣтъ болѣе слуха, внимающаго Божественному гласу и этого языка, посвященнаго чистой истинѣ! Гдѣ то привлекательное спокойствіе взора? Гдѣ та свѣтлая улыбка устъ? Гдѣ та привѣтливая десница, которая съ благословеніемъ на устахъ приводила въ движеніе и слагала персты.

Но я вынуждаюсь предъ всѣми торжественно провозгласить о нашемъ несчастіи. Мнѣ жаль тебя, церковь; къ тебѣ обращаюсь, городъ Антиоха. Соболезную съ тобою о такой внезапной переменѣ. Какъ лишился ты красоты? Какъ отнято у тебя украшеніе? Какъ неожиданно исчезъ твой цвѣтъ? Подлинно *изше трава, и цвѣтъ отпаде* (Исаія, 40, 7). Какой недобрый глазъ, какая злая зависть устремилась на эту церковь? Что было и что стало? Изсякъ источникъ; высохла рѣка; опять въ кровь превратилась вода. О, ужасная вѣсть, возвѣстившая церкви страданіе! Кто скажетъ дѣтямъ, что они осиротѣли? Кто воз-

вѣстить невѣстѣ, что она содѣлалась вдовою? О несчастіе! Что препослали они и что получаютъ? Препослали ковчегъ и получаютъ гробъ. Братіе! ковчегомъ былъ этотъ Божій человѣкъ,—ковчегомъ, вмѣщающимъ въ себѣ божественныя тайны. Здѣсь была стамна золотая, полная божественной манны, полная небесной пищи; въ немъ скрижали Завета, написанныя на скрижаляхъ сердца Духомъ живаго Бога, а не чернилами; ибо въ чистомъ сердцѣ его не было напечатлѣно ни одного темнаго и мрачнаго помышленія; въ немъ были столпы, основанія, верхнія украшенія, кадильница, свѣщникъ, очистилище, умывальники, завѣсы входовъ; въ немъ жезлъ священства, прозябшій въ рукахъ его. И если, какъ знаемъ мы, въ ковчегѣ заключалось и нѣчто другое, то и это все сокрывалось въ душѣ сего мужа.

Но вмѣсто всего этого, что у насъ теперь? Да умолкнетъ наше слово. Чистыя плащаницы и шелковые покровы, изобиліе мѹра и ароматовъ—щедрый даръ жены почтенной и знаменитой. Да будетъ позволено выразить желаніе, чтобы и ей было во свидѣтельство то, что она сдѣлала для святителя, изливши изобильно алавастръ мѹра на главу святительскую. Но что сохраняется въ сихъ плащаницахъ? Мертвыя кости, которыя и прежде смерти приучены были къ мертвенно-

сти, печальныйъ памятникъ нашихъ несчастій. О, какой вопль опять услышится въ Рамѣ. Рахиль плачетъ не о дѣтяхъ своихъ, а о мужѣ и не хочетъ утѣшиться. Оставьте меня, утѣшающіе, оставьте! Не старайтесь утѣшить меня. Пусть горько рыдастъ вдова. Пусть чувствуетъ она ту потерю, которую испытала, хотя она и не была неприготовлена къ разлукѣ, еще прежде привыкши переносить уединеніе во время подвиговъ сего подвижника. Вы конечно помните, какъ слово, прежде нашего сказанное, раскрывало вамъ подвиги сего мужа; какъ онъ, воздавая всякаго рода честь святой Троицѣ, почтилъ ее и числомъ подвиговъ, выдержавши три прираженія искушеній. Вы слышали послѣдовательный разсказъ о трудахъ его, какимъ онъ былъ при началѣ ихъ, какимъ въ продолженіи и какимъ при окончаніи. Повтореніе столь хорошо сказаннаго признаю излишнимъ. Но вотъ о чемъ сказать можетъ быть безвременно. Когда она честная церковь въ первый разъ увидѣла сего мужа, то видѣла въ немъ лице, по истинѣ созданное по образу Божію: видѣла любовь текущую, подобно источнику; видѣла благодать исходящую изъ устъ; самую высокую степень смиренія, выше которой ничего и представить нельзя; видѣла кротость Давида, разумъ Соломона, благость Моисея, справедливость Самуила, цѣломудріе Іосифа, мудрость Даніила,

ревность по вѣрѣ великаго Иліи, чистоту тѣла великаго Іоанна, непобѣдимую любовь Павла, увидѣла собраніе такихъ добродѣтелей въ одной душѣ. Блаженною любовію къ нему была уязвлена церковь его, возлюбившая жениха своего любовію чистою и благою. Но прежде чѣмъ исполнилось желаніе, прежде нежели успокоилось влеченіе, она, еще пылавшая любовію, оставляется одна, потому что искушенія призывали борца на подвиги. И онъ подвизался за благочестіе до пота; она же, сохраняя бракъ, пребывала въ цѣломудріи. Много прошло времени, и нѣкто прелюбодѣйно коснулся чистаго ложа. Но невѣста пребывала чистою, и опять слѣдовало возвращеніе и снова изгнаніе. Тоже случилось и въ третій разъ, пока Господь, разсѣявъ еретическій мракъ и пославъ лучъ мира, не далъ надежды на нѣкоторый отдыхъ отъ великихъ трудовъ. Но послѣ того какъ они увидѣли другъ друга и возобновилась ихъ цѣломудренная любовь и духовныя радости и опять воспламенилась страсть, сія послѣдняя разлука внезапно пресѣкаетъ эту утѣху.

Онъ пришелъ, чтобы украсить васъ какъ невѣсту и не напрасны были его труды. На прекрасную чету онъ возложилъ вѣнцы благословенія. Онъ подражалъ Владыкѣ. Какъ Господь творитъ въ Канѣ Галилейской, такъ и здѣсь, подражатель Христовъ; ибо іудейскіе

сосуды, исполненные еретической воды, онъ наполнилъ цѣльнымъ виномъ, силою вѣры претворивъ естество; часто предлагалъ онъ вамъ трезвенную чашу, сладкимъ своимъ голосомъ обильно изливая вамъ благодать; часто предлагалъ вамъ словесное пиршество. Благословляя онъ шелъ впереди всѣхъ, а сіи вѣрные ученики служили народу, изъясняя его слова. И мы радовались, почитая славу вашего рода своею собственною. Какъ прекрасно то, о чемъ повѣствовали мы доселѣ, какъ хорошо было бы заключить этимъ наше слово! Но что слѣдуетъ за симъ? *Призовите плачевницѣ* (Іер. 9, 17), говоритъ Іеремія; ибо иначе невозможно успокоить пылающее сердце, переполненное страданіемъ, если не облегчишь его стenanіями и слезами. Тогда разлуку услаждала надежда на возвращеніе; теперь же разлучился онъ съ нами послѣднею разлукою: пропасть великая утвердилась между имъ и церковью; онъ покоится въ нѣдрахъ Авраама, а человѣка, который принесъ бы каплю воды, чтобы устудить языкъ скорбящихъ, нѣтъ! Погибла красота сія, смолкъ голосъ, сомкнулись уста, отлетѣла благодать; счастье сдѣлалось разговоромъ (о прошломъ). Причинилъ нѣкогда скорбь и народу Израильскому Илія, возлетѣвъ отъ земли къ Богу; но тогда вознаградилъ за разлуку Елисей, украшенный милотію учителя; нынѣ же рана

не поддается уврачеванію; потому что и Илія взять и Елиссея не осталось. Обратите вниманіе на нѣкоторыя печальныя и плачевныя возгласенія Іереміи, которыми онъ оплакиваетъ опустошенный городъ Іерусалимъ; среди многого другаго, чѣмъ выражаетъ свою скорбь, онъ говоритъ слѣдующее: *путіе Сіона рыдаютъ* (Плач. 1, 4). Что сказано было тогда, то исполнилось и нынѣ. Ибо когда распространится молва о несчастіи, тогда наполнятся пути плачущими и потекутъ по нимъ пасомые имъ, подражая воплю Ниневитянъ въ несчастіи. Но у нихъ скорбь болѣзненнѣе, чѣмъ у сихъ послѣднихъ. Ибо рыданія однихъ избавили отъ страха, слезы же другихъ не подають никакой надежды избавиться отъ несчастія. Знаю еще и другія слова Іереміи, изъ его пѣснопѣнія, включеннаго въ книгу Псалмовъ и составленнаго по поводу плѣненія Ізраиля; вотъ сіи слова: *на вербѣихъ обьсихомъ органы наша* (Пс. 136, 2.), осудивши на молчаніе и себя и свои орудія музыкальныя. Эту пѣснь я считаю своей собственной. Ибо когда вижу еретическое смѣшеніе (Вавилонъ значитъ смѣшеніе), и когда вижу искушенія, истекающія отъ этого смѣшенія; то я называю это самое рѣками Вавилонскими, сидя близь которыхъ мы плачемъ, потому что не имѣемъ того, ктобъ перевелъ насъ чрезъ нихъ. Если скажешь объ ивахъ и висящихъ

на нихъ музыкальныхъ орудіяхъ, то и эта притча относится къ намъ; ибо по истинѣ ивами изображается наша жизнь; ива есть дерево безплодное, а у насъ исчезъ сладкій плодъ жизни. И такъ мы сдѣлались безплодными ивами, повѣсивъ на деревьяхъ праздными и недвижимыми органы любви. *Аще забуду, говоритъ, тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя* (ст. 6.). Позвольте мнѣ нѣсколько измѣнить написанное, потому что не мы десницу, но десница забыла насъ. И языкъ, прильпнувъ къ его собственной гортани, преградилъ исходъ его рѣчи, дабы мы не услышали опять онаго сладкаго голоса.

Но осушите мнѣ мои слезы; ибо чувствую, что, подобно женщинѣ, оплакиваю несчастіе болѣе, нежели слѣдуетъ. Не отнять отъ насъ женихъ; онъ стоитъ посреди насъ, хотя мы и не видимъ его. Священникъ во святилищѣ, во внутреннѣйшемъ завѣсы, *идъ же предтеча вниде о насъ Христосъ* (Евр. 6, 20); онъ оставилъ завѣсу плоти; онъ не служитъ уже болѣе подобію и тѣни небеснаго, но взираетъ на самый образъ вещей; не чрезъ зеркало и гаданіе, но самолично ходатайствуетъ предъ Богомъ, ходатайствуетъ же за насъ и за грѣхъ невѣденія народа (Евр. 9, 7). Онъ сложилъ съ себя одежду кожаную (Быт. 3, 21); ибо тѣмъ, которые живутъ въ раю, нѣтъ нужды въ такого рода одеждахъ; но онъ укра-

Гр. Нисск. Ч. VIII.

силъ себя одеждами, которыя соткалъ чистою жизнью своею. *Честна предъ Господомъ смерть* его; лучше же сказать, — не смерть, но расторженіе узъ: ибо *растерзалъ еси*, говоритъ писаніе, *узы моя* (Пс. 105, 7). Отпущень Симеонъ, освободился отъ узъ тѣла; сѣть расторгнута, птица улетѣла. Онъ оставилъ Египеть, — эту вещественную жизнь; онъ перешель, но не то Черное море, а сіе мрачное и темное море жизни; онъ вошелъ въ землю обѣтованія; на горѣ любомудрствуетъ съ Богомъ; снялъ обувь души, дабы чистою стопою разумѣнія вступить на святую землю, гдѣ зрится Богъ. Братіе! имѣя такое утѣшеніе, вы, переносящіе кости Іосифа въ страну благословенія, послушайте наставленіе Павла: *не скорбите якоже и прочіи, немощи упованія* (1 Солун. 4, 13). Скажите народу тому, повѣдайте добрыя вѣсти, возвѣстите необычайное чудо: какъ подобно морю отовсюду нахлынувшій безчисленный народъ составлялъ одну сплошную массу, подобно водѣ, обтекая торжественно несомы гробъ; какъ прекрасный Давидъ, раздѣливъ себя на многія части и виды, въ многочисленномъ строѣ, ликовалъ около скинии среди людей, говорящихъ и иными, и однимъ съ нимъ языкомъ ¹⁾);

¹⁾ Св. Григорій разумѣеть здѣсь соимы священнослужителей, окружавшихъ гробъ св. Мелетія.

какъ огненные рѣки съ той и съ другой стороны, текуція непрерывнымъ рядомъ свѣтильниковъ, разливались на необъятное для глаза пространство. Расскажите объ усердіи всего народа, о томъ какъ онъ раздѣлялъ честь съ Апостолами; какъ утиральники лица его раздѣлялись на части вѣрными, въ охраненіе себѣ. Пусть присовокупятъ къ разсказу и то, какъ царь сѣтуетъ о несчастіи и возстаетъ съ престола; какъ весь городъ стекается къ торжественному сопровожденію святаго. Утѣшайте другъ друга такими (рѣчами). Соломонъ хорошо врачуетъ печаль, ибо приказываетъ давать вино скорбящимъ (Прит. 31, 6), говоря это намъ, дѣлателямъ винограда. Итакъ дайте ваше вино скорбящимъ, не то, которое производитъ опьяненіе и помрачаетъ мысли и вредно дѣйствуетъ на тѣло, но то, которое веселитъ сердце и которое указалъ намъ пророкъ говоря: *вино веселитъ сердце чловѣка* (Ис. 103, 15). Растворите его въ большемъ изобиліи и почерпайте наиболѣе вмѣстительными чашами духовнаго слова, такъ чтобы ваша скорбь опять обратилась въ радость и веселіе, благодатию Единороднаго Сына Божія, чрезъ Котораго слава Богу и Отцу во вѣки вѣковъ. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

ПУЛЬХЕРИИ. *)

Не знаю, какое содержаніе дать своему слову. Я вижу два предмета для бесѣды; тотъ и другой равно печальны, такъ что какой бы изъ нихъ мы ни избрали, слово наше не обойдется безъ слезъ. Настоящее теченіе времени, какъ вчера возвѣщаль намъ о томъ пастырь, приводитъ на память бѣдствія, приключившіяся нѣкогда сосѣднему городу вслѣдствіе землетрясенія, — бѣдствія, о которыхъ кто вспомнить безъ слезъ? А этотъ великій славный, стоящій во главѣ всѣхъ городовъ подсолнечной, прекрасный городъ, потерпѣлъ иное потрясеніе; не малое онъ потерялъ украшеніе, неожиданно лишившись свѣтила, сіявшаго въ немъ на приумноженіе царскаго благоденствія; въ этомъ онъ раздѣляетъ печаль

*) Дочери императора Θεодосія В. и Плакиллы.

царей и скорбитъ вмѣстѣ съ ними. То, о чемъ мы говоримъ не безызвѣстно всѣмъ вамъ, составляющимъ сіе собраніе; вы видите и самое сіе мѣсто, въ которомъ мы собрались, и скорбь въ семъ мѣстѣ. И такъ не знаю, къ какому потрясенію обратить слово, къ тому ли, которое случилось нынѣ, или къ тому, которое было нѣкогда? Но лучше остановиться на сильнѣйшемъ страданіи и облегчить собственную скорбь града нѣкоторыми размышленіями, врачующими страданіе. Ибо хотя и не всѣ сочувствующіе сему несчастію присутствуютъ въ собраніи, но присутствующіе, можетъ быть, передадутъ наши слова и не присутствующимъ. И изъ врачей болѣе разумны тѣ, которые направляютъ свое искусство противъ страданій сильнѣйшихъ, отлагая на время врачеваніе того, что менѣе причиняетъ боли. Опытные въ семъ говорятъ, что если двѣ болѣзни вдругъ приключатся одному тѣлу, то чувствуется одна сильнѣйшая, между тѣмъ какъ меньшая какъ бы исчезаетъ въ преобладаніи сильнѣйшей: тоже примѣчаю и въ настоящемъ случаѣ. Новое и наше собственное горе своею силою заглушаетъ ту печаль, источникомъ которой служить только воспоминаніе. Ибо можетъ ли кто не скорбѣть о случившемся? Кто такъ безчувственъ душою? Чье сердце такъ подобно желѣзу, чтобы безъ скорби услышать о происшедшемъ?

Конечно знали вы юную голубицу, воспитывавшуюся въ царскомъ гнѣздѣ, только что оперявшуюся блестящими пѣрыми, но превзошедшую свой возрастъ прекрасными качествами,—какъ, покинувъ гнѣздо, удалась, какъ улетѣла изъ глазъ нашихъ, какъ завистливая судьба внезапно похитила ее изъ рукъ нашихъ. Голубицею ли надлежитъ назвать ее, или только что распускавшимся цвѣткомъ, который еще не весь развернулся изъ своей почки, но отчасти уже зацвѣталъ, отчасти подавалъ надежду на блестящій цвѣтъ, и однакоже въ маломъ и несовершенномъ видѣ блисталъ превосходною красотою. Но этотъ цвѣтокъ внезапно увялъ не распустившись, и прежде чѣмъ достигъ зрѣлости, прежде чѣмъ распространилъ все благоуханіе, никѣмъ не сорванный и не употребленный на вѣнокъ—самъ опалъ около себя и сталъ прахомъ. На, прасно трудилась природа; была надежда на нѣчто совершенное, но завистливая коварная судьба, какъ бы какой мечъ, пресѣкла надежду. Подлинно, братіе, нѣкотораго рода землетрясеніемъ было случившееся, — землетрясеніемъ, жестокимъ не менѣе самыхъ тяжкихъ бѣдствій. Ибо не бездушную красоту зданій оно ниспровергло, и не блестящія картины или прекрасныя каменные зданія повергло на землю: но зданіе самой природы, блистающее красотою, удивительно сіяющее прелестями, разрушило это внезапное землетрясеніе.

Видѣлъ я и высокое древо, широко-вѣтвистую пальму (разумѣю царскую державу), царскими доблестями какъ бы нѣкоторыми вѣтвями возвышающуюся надъ всею вселенною и всеобъемлющую; видѣлъ какъ она владычествуя надъ прочимъ, но покорствуя природѣ склонялась къ утраченному цвѣтку. Видѣлъ и благородную вѣтвь, привитую къ пальмѣ, родившую намъ сей цвѣтокъ, — какія муки она перенесла въ другой разъ не въ тѣлѣ, а въ душѣ, когда отторгнуть былъ отъ нея сей отпрыскъ? Кто могъ безъ слезъ смотрѣть на это страданіе? Кто не оплакивалъ утрату жизни? Кто не прослезился при видѣ бѣдствія? Кто къ общимъ рыданіямъ не примѣшалъ и своихъ собственныхъ плачевныхъ воплей? Видѣлъ я зрѣлище, достовѣрности котораго не повѣрилъ бы тотъ, кто узналъ бы о семъ необычайномъ явленіи лишь по слуху. Я видѣлъ море людей; множество собравшихся, какъ бы какая вода, отовсюду представлялось взорамъ. Полонъ былъ храмъ, полно преддверіе храма, прилежащая площадь, улицы, боковыя, среднія, поперечныя, пространныя поверхности кровель, — все, что можно окинуть взоромъ, было наполнено людьми, какъ будто вся вселенная стекалась вмѣстѣ по поводу онаго бѣдствія. А зрѣлищемъ, лежащимъ взорамъ всѣхъ, былъ священный оный цвѣтокъ, несомый на золотомъ одрѣ.

Какъ унылы были лица всѣхъ смотрящихъ! Какъ глаза наполнены слезами! Руки сжаты одна съ другою! Къ тому же стenanія показывающія сердечную муку! Не замѣчалъ я въ то время (можетъ быть также и другіе изъ присутствовавшихъ тогда), ни естественнаго блеска золота, ни сверканія драгоценныхъ камней и золотыхъ тканей, ни сіянія серебра, ни свѣта огня, много и въ изобиліи отовсюду разливаемаго множествомъ восковыхъ свѣтильниковъ, — все потемнѣло отъ печали, все принимало участіе въ общей скорби. Въ то время и великій Давидъ приспособлялъ свои пѣснопѣнія къ плачу, и радостныя лики замѣнивъ печальными и скорбными, вызывалъ слезы. Въ это время далеки были отъ души всякаго рода удовольствія; однѣ слезы доставляли людямъ удовольствіе.

И такъ, когда разумъ столько пораженъ печалію, благовременно было бы утомленную душу, сколько возможно, подкрѣпить совѣтами и размышленіями. Ибо не малая опасность, если мы не послушаемъ въ семъ случаѣ апостольскаго слова, подвергнуться осужденію вмѣстѣ съ *неимущими упованія* (1 Солун. 4, 13.). Апостоль, какъ мы то слышали недавно отъ читавшаго, учитъ, что не должно печалиться объ усопшихъ, поелику скорбь сія свойственна однимъ неимущимъ упованія. Но скажетъ, думаю; кто-нибудь изъ малодушныхъ, что

божественный Апостоль требуетъ невозможнаго и предписаніями своими превышаетъ природу. Ибо возможно ли по природѣ преодолѣть страданія и не предаться скорби при такомъ зрѣлищѣ, когда не въ свое время, въ старости, приключилась смерть, но въ первомъ возрастѣ красота разрушена смертію, вѣками закрытъ блескъ очей, въ блѣдность превратился румянецъ ланитъ, молчаніемъ скованы уста, потемнѣлъ цвѣтъ на губахъ, когда тяжело видѣть сіе не только родителямъ, но и всякому взирающему на несчастіе? Что же мы скажемъ имъ? Не наше, братіе, скажемъ слово, но прочтенное намъ изъ Евангелія предложимъ. Ибо мы слышали слово Господа: *оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко мнѣ: таковыя бо есть царство небесное* (Матѣ. 19, 14.). По сему хотя и отошло отъ тебя дитя, но къ Владыкѣ отошло; закрыло для тебя очи, но открыло для свѣта вѣчнаго; оставило твою трапезу, но приступило къ ангельской; исторгнуто растеніе отсюда, но посажено въ раю; перемѣщено изъ царскихъ чертоговъ въ царскій чертогъ; покинуло блескъ порфиры, но облеклось въ одежду горняго царства. Сказать ли тебѣ о веществѣ божественной одежды? Это не ленъ, не волна, не шелковыя нити. Послушай Давида, изъ чего соткана, по словамъ его, одежда у Бога: *во исповданіе и въ вельпоту облеклся еси, одѣйся свѣтомъ яко ри-*

зою (Пс. 103, 1). Видишь ли, что чѣмъ замѣнено? Печалить тебя, что исчезла уже красота тѣла, потому что не видишь ея истинной красоты,—души, которая теперь ликуеть въ совмѣ небожителей. Какъ прекрасейшій оный глазъ, созерцающій Бога! Какъ сладостны уста, украшаемыя божественными пѣснопѣніями! Ибо *изъ устъ младенцевъ*, говоритъ пророкъ, *и ссушихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. 8, 13). Какъ хороши руки, никогда не дѣлавшія зла! Какъ прекрасны ноги, не приближавшіяся къ злу и на пути грѣшниковъ не оставившія своего слѣда! Какъ прекрасенъ весь образъ оной души, не блескомъ камней драгоценныхъ украшенный, но простотою и невинностію сіяющій! — Но, можетъ быть, тебя огорчаетъ то, что не достигла она преклонныхъ лѣтъ? Что же, скажи мнѣ, усматриваешь ты хорошаго въ старости? Хорошо ли,—болящія глаза, сморщенные ланиты, выпаденіе зубовъ и появляющееся разслабленіе въ языкѣ, трясеніе въ рукахъ, склоненіе къ землѣ, потребность опираться на водящихъ, неразуміе въ мысли, обмолвка въ рѣчи, и прочіе недуги, которые необходимо сопровождаютъ сей возрастъ? И тѣмъ ли огорчаешься, что не успѣла она испытать сего? Напротивъ радоваться должно о тѣхъ, кои не испытали горестей жизни, и ни здѣсь не чувствовали ея скорбей, ни тамъ не узнаютъ тамошнихъ страданій. Ибо такая душа, не

имѣющая за собою вины, за которую должно бы предстать на судъ, не страшится геенны, не боится суда; она пребываетъ безъ страха и трепета, потому что чистая ея совѣсть не возбуждаетъ въ ней страха. — Но надлежало, говорятъ, ей придти въ мѣру возраста и насладиться супружескимъ счастьемъ? Но на сіе скажетъ тебѣ истинный Женихъ, что лучше небесный чертогъ, оный превосходный бракъ, въ которомъ нѣтъ страха вдовства. И такъ чего же хорошаго, скажи мнѣ, лишилась она, оставивъ сію плотскую жизнь? Перечислю тебѣ блага жизни: печали и удовольствія, раздраженія и опасенія, надежды и желанія; это и подобное сему—вотъ изъ чего слагается настоящая жизнь. Что же хуже потеряла она, избавившись отъ столькихъ тирановъ? Ибо каждое душевное волненіе, какъ скоро получаетъ преобладаніе, поработая разумъ, становится тираномъ нашей души. Или печалитъ насъ то, что не была она изнуряема болѣзнями чадорожденія, что не была сокрушаема заботами воспитанія дѣтей, что не испытала страданій, подобныхъ тѣмъ, какія родители перенесли изъ-за нея? Но это счастье, которому должно радоваться, а не поводъ къ слезамъ. Ибо не испытать никакого страданія—лучшее, чего только можетъ достигнуть человѣческая природа. Такъ и мудрый Соломонъ въ своемъ писаніи почитаетъ умершаго

болѣе блаженнымъ, нежели оставшагося въ живыхъ (Еккл. 4, 2), и великій Давидъ говорить, что жизнь во плоти достойна плача и рыданія. Они, обладая блескомъ царскаго могущества, имѣя въ своей власти и испытавъ все, что только есть пріятнаго въ жизни, нисколько не на сторонѣ наслажденій настоящей жизни; но пламенѣя желаніемъ неизреченныхъ благъ, подлежащихъ въ жизни безтѣлесной, несчастіемъ почитали жизнь во плоти. Слышу я, какъ Давидъ во многихъ мѣстахъ священныхъ псалмопѣній выражаетъ сильное желаніе освободиться отъ тяготы жизни, то говоря: *желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни* (Псал. 83, 3), то взывая: *изведи изъ темницы душу мою* (Псал. 141, 8.). И Іеремія такъ же почитаетъ достойнымъ проклятія тотъ день, которымъ началась для него эта жизнь (Іерем. (20, 14.)). И много можно найти содержащихся въ божественномъ Писаніи изреченій древнихъ святыхъ, которые, вождѣвая истинной жизни, тяготились жизнию во плоти. Такъ и великій Авраамъ нѣкогда охотно приносилъ въ жертву Богу возлюбленнаго сына, зная, что для отрока смерть будетъ переходомъ къ лучшей и болѣе божественной жизни. Всѣмъ, которые изъ васъ знакомы съ исторіею, не неизвѣстно, что повѣствуется о немъ. Что же говорить Писаніе? что когда Авраамъ былъ еще

молодъ, дается ему обѣтованіе отъ Бога о сынѣ; когда же достигъ преклонныхъ лѣтъ, когда естественная способность къ дѣтороженію прекратилась, такъ какъ старость не повируется пожеланіямъ (плоти), тогда, сверхъ человѣческихъ ожиданій, обѣтованіе приводится въ исполненіе и раждается сынъ Исаакъ. По истеченіи же надлежащаго времени, когда онъ какъ бы нѣкоторая лѣторосль, достигшая красоты и величія, приятель сталъ для зрѣвшихъ родителей, сіяя красотою юности, — предлагается Аврааму мучительное испытаніе души, — правильно ли распознаеть, что въ природѣ сущаго самое лучшее, не сосредоточиваетъ ли вниманія на настоящей жизни. И говорить къ нему Богъ: вознеси сына твоего въ жертву *во всесожженіе* (Быт. 22, 2). Вы, родители, имѣющіе дѣтей и любви къ дѣтямъ наученные самою природою, конечно знаете, что долженъ бы чувствовать Авраамъ, еслибъ имѣлъ въ виду одну настоящую жизнь, еслибы былъ рабомъ природы, еслибы въ настоящей жизни полагалъ сладость житія. Но что же говорю я о немъ, забывъ о женѣ — болѣе немощной сторонѣ человѣческой природы? Еслибъ и она не была научена отъ мужа божественному; еслибы не знала, что сокровенная жизнь лучше являющейся, не допустила бы она мужа совершить подобное надъ сыномъ. Вполнѣ потрясенная въ своихъ

материнскихъ чувствахъ, она оградила бы сына, и заключивъ его въ объятяхъ, вмѣсто него приняла бы смертоносный ударъ. Не обратилась ли бы она къ Аврааму съ такими словами: пощади сына, мужъ, чтобы не быть намъ предметомъ злыхъ разсказовъ въ жизни, чтобы не сдѣлаться притчею для послѣдующаго времени, не завидуи жизни сына, не лишай его сладкаго свѣта; брачное ложе, не могила, готовится отцами дѣтямъ; брачный вѣнецъ, а не смертельный ножъ, свадебный свѣтильникъ, а не огонь погребальный. Разбойники и непріатели, а не руки отцевъ, дѣлаютъ то надъ дѣтьми. Но ежели непременно должно совершиться зло, то да не видятъ очи Сарры умерщвляемаго Исаака; вотъ обоихъ вмѣстѣ пронзи ножемъ, начавъ съ меня, несчастной; одного обоимъ довольно будетъ удара. Общая надъ обоими возвысится могильная насыпь; одинъ надгробный памятникъ будетъ повѣствовать о постигшемъ обоихъ несчастіи. Это и подобное говорила бы конечно Сарра, еслибы не видѣла очами того, что для насъ невидимо. Ибо знала она, что конецъ жизни во плоти, для представившихся служить началомъ болѣе божественной жизни; почившій оставляетъ тѣни, воспринимаетъ истину; покидаетъ обольщенія, заблужденія и смятенія, и находитъ блага, которыя превы-

шаютъ все, что доступно взору, слуху и мышленію. Ни любовь не будетъ томить его, ни нечистая похоть не развратить; не овладѣетъ имъ гордость, не возмутитъ другая какая-либо страсть, томящая душу, но всѣмъ будетъ для него Богъ. Посему охотно отдаетъ Богу сына.

А что великій Іовъ? Когда онъ лишившись вдругъ всего богатства, прежде чѣмъ пришелъ въ себя отъ предыдущихъ ударовъ, получилъ извѣстіе о послѣднемъ ударѣ, — какъ принялъ несчастіе, случившееся съ дѣтьми? Три были у него дочери и семь сыновъ; онъ былъ счастливѣйшимъ отцемъ, ибо при такомъ числѣ дѣтей всѣ они были одно по взаимной любви; нераздѣльно жили они каждый самъ по себѣ, но всѣ часто посѣщали другъ друга, какъ бы круговымъ дружелюбнымъ гостепріимствомъ попеременно увеселяя другъ друга и сами увеселяясь. Такъ и тогда поочереды у старшаго изъ братьевъ было пиршество: полныя чаши, полная явствъ трапеза; въ рукахъ кубки; при этомъ обыкновенныя увеселенія для зрѣнія и слуха и всѣ путешественныя наслажденія; одинъ обычай: веселье, игры, шутки, — всѣ принятыя въ домашнемъ собраніи молодыхъ людей удовольствія. И что же за симъ? Въ самый разгаръ наслажденія всѣмъ, что есть пріятнаго

въ жизни, обрушивается на нихъ кровля—и мѣсто пиршества дѣлается могилою десяти дѣтей; кровью юныхъ растворяется чаша и яства оскверняются окровавленною землею. Что же Іовъ, когда возвѣщено было ему о такомъ несчастіи? Обрати вниманіе, прошу тебя, на сего борца, не съ тѣмъ только чтобы подивиться сему побѣдителю, — ибо мало пользы отъ удивленія; но чтобы поревновать въ подобномъ сему мужу, чтобы борецъ сдѣлался для тебя учителемъ, собственнымъ примѣромъ возбуждающимъ душу къ терпѣнію и мужеству во время умноженія испытаній. Что сдѣлалъ сей мужъ? сдѣлалъ ли что низкое и малодушное, высказалъ ли то словомъ или выразилъ тѣлодвиженіемъ, терзалъ ли ланиты ногтями, рвалъ ли волосы на головѣ, посыпалъ ли себя пепломъ, билъ ли въ грудь руками, повергался ли на землю, окружалъ ли себя плакальщицами, призывалъ ли поименно умершихъ, рыдалъ ли при воспоминаніи о нихъ? Ничего такого нѣтъ: но вѣстникъ бѣдъ рассказалъ о несчастіи съ дѣтьми, а онъ едва выслушалъ какъ тотчасъ же началъ любомудрствовать о существѣ вещей, возвѣщая, откуда что происходитъ и отъ кого приводится въ бытіе, и кто по праву распоряжается сущимъ: *Господь даде, Господь отъятъ*. Отъ Господа, говоритъ, бытіе

людямъ и къ Нему возвращено; откуда произошло, къ тому и отходить. И такъ Господь, имѣющій власть дать, имѣетъ власть и взять. Будучи благъ, благаго хочетъ; будучи премудръ знаетъ что полезно: *яко Господеви изволися*, — изволися же наилучшимъ образомъ, — такъ и содѣлалъ: *буди имя Господне благословенно* (Иов. 1, 21.). Видишь, какова высота великодушія сего борца? Время тяжкаго страданія превратилъ онъ въ любознательное размышленіе о сущемъ. Ибо вполне зналъ, что истинная жизнь составляетъ предметъ упованія, жизнь же настоящая есть какъ бы сѣмя будущей. А много отличается отъ настоящаго ожидаемое — столько, сколько колосье отличается отъ зерна, изъ котораго выростаетъ. Настоящая жизнь подобна зерну; жизнь ожидаемая является въ красотѣ колоса. *Подобаетъ бо тльному сему облещися въ нетльнїе, и мертвенному сему облещися въ безсмертїе* (1 Кор. 15, 53.). Имѣя въ виду все сіе, Іовъ радуется благому жребію чадъ, какъ такому, который скорѣе освободилъ ихъ отъ узъ жизни. Доказательствомъ же сего служитъ то, что когда, согласно обѣщанію возвѣщенному Богомъ сугубо воздать за все отнятое, во всемъ другомъ получилъ воздаяніе вдвое, онъ не искалъ удвоенія числа дѣтей; но вмѣсто отнятыхъ деся-

ти, дано только десять. Поелику души людей навсегда пребываютъ, то за потерянное изъ имущества онъ получаетъ сугубое воздаяніе, а что касается до дѣтей, то рожденныя послѣ причисляются къ рожденнымъ прежде, такъ какъ всѣ живутъ предъ Богомъ и временная смерть отшедшихъ нисколько не препятствуетъ ихъ бытію. Да и смерть для людей есть не иное что, какъ средство очищенія порочности. Наше естество Богомъ первоначально было создано какъ бы нѣкимъ сосудомъ, способнымъ къ воспріятію совершенства; когда же чрезъ обольщеніе врага душъ нашихъ влилось въ насъ зло, то добру не стало мѣста. По сей причинѣ, дабы не увѣковѣчилось поселившееся въ насъ зло, по опредѣленію мудраго провидѣнія, сосудъ на время разрушается смертію, чтобы, по истеченіи зла, преобразовалось человѣческое естество и, чистое отъ зла, возстановилось къ первоначальной жизни. Ибо въ этомъ состоитъ воскресеніе, возстановленіе природы нашей въ первоначальное состояніе. И такъ если невозможно претвореніе природы въ лучшее состояніе безъ воскресенія, безъ предварительной же смерти воскресеніе не можетъ быть: то смерть есть благо, будучи для насъ началомъ и путемъ измѣненія къ лучшему. Посему отложимъ, братіе, скорбь

объ усоншихъ, которой предаются одни не
имущіе упованія. Упованіе же есть Христось,
Коему слава и держава, честь и поклоненіе
во вѣки. Амиць.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

ИМПЕРАТРИЦЪ ПЛАКИЛЪ (*).

Вѣрный и мудрый строитель (начинаю рѣчь прочтенными словами божественнаго Евангелія), котораго поставилъ Господь надъ домомъ симъ *дати во время житолъріе* (Лук. 12, 42) тѣмъ, кои находятся подъ его попеченіемъ, не задолго предъ симъ справедливо осудилъ на безмолвіе слово, вполне понимая великость несчастія и молчаніемъ почтивши скорбь; и я не знаю, какъ при настоящемъ собраніи онъ опять вызываетъ на проповѣданіе въ церкви, самъ уничтожая свое опредѣленіе касательно слова. А я, весьма удивляясь мудрости учителя во многомъ другомъ, особенно подивился было тому, что онъ такъ кстати заставилъ умолкнуть слово при несчастіи. Потому что, мнѣ казалось, самое при-

(*) Скончалась 14 сентября 385 г.

личное для скорбящихъ врачество есть молчаніе, такъ какъ оно пораженную во время скорби душу успокоиваетъ безмолвіемъ. Если же кто въ то время, когда душа еще надрывается страданіемъ, приступаетъ къ ней съ словомъ—рана скорби дѣлается неизцѣлимѣе, напоминаніе о несчастіяхъ растрavляетъ ее подобно терніямъ. Еслибъ я не почелъ слишкомъ дерзкимъ съ моей стороны въ чемъ нибудь поправлять наставника, то я, быть можетъ, нашелъ бы полезнымъ и до сихъ поръ поддерживать молчаніе, чтобы слово мое, обращенное къ несчастію, не было тяжело для слуха. И теперь еще не такое время, чтобы мысль могла склониться къ чему либо болѣе радостному. Все еще свѣжо въ душѣ страданіе, а быть можетъ, и навсегда останется въ нашей жизни памятною эта скорбь; еще возмущается наше сердце и сотрясается въ самой глубинѣ, какъ море, волнуемое бурей несчастія. Все еще болѣзнуютъ помыслы, приходя въ смятеніе при воспоминаніи о бѣдахъ. А можно ли спокойно вести рѣчь, когда душу возмущаетъ буря такого бѣдствія, когда она оцепѣиваетъ отъ скорбнаго страданія, какъ бы отъ порывовъ какого холоднаго вѣтра!

Но нужно повиноваться повѣлевающему, — а я не знаю, какъ и о чемъ мнѣ говорить, не знаю, какъ понять мнѣ мысль учителя.

Можетъ быть онъ желаетъ, чтобы я отдалъ долгу скорби и полными сильнаго чувства словами снова вызвалъ въ собраніи слезы? Если это имѣетъ въ виду, то справедливо по моему мнѣнію онъ и это дѣлаетъ. Ибо если мы находимъ удовольствіе наслаждаться благами счастья, то должны быть также готовы и къ случаямъ печальнымъ; это внушаетъ и Екклезіастъ: *время, говоритъ онъ, смѣяться и время плакать* (Еккл. 3, 4). Эти слова учатъ насъ, что и душу надобно располагать соотвѣтственно обстоятельствамъ. Счастливо текутъ наши дѣла—благовременно радоваться, обращаются ясные дни въ сумракъ печали—прилично измѣнить и благодушіе въ слезы. Какъ смѣхъ служитъ признакомъ внутренней веселости, такъ кроющаяся въ сердцѣ скорбь высказывается слезами,—и слезы являются какъ бы кровію изъ ранъ душевныхъ; это полтверждаетъ и притча Соломона: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ; душѣ же въ печальхъ сущей, сътуетъ* (Притч. 15, 13). И такъ, вполне необходимо въ соотвѣтствіе расположенію сердца придать печальный тонъ и слову. И, о еслибы возможно было найти слова, подобныя тѣмъ, коими великій Іеремія оплакивалъ нѣкогда несчастье Израильтянъ! Ибо настоящее несчастье гораздо болѣе достойно плача, чѣмъ то, или другое какое печальное событіе изъ числа упоми-

наемыхъ въ древности. Печальны повѣствованія объ Іовѣ; но можно ли поставятъ въ сравненіе съ настоящимъ бѣдствіемъ удобоисчислимыя несчастія одного семейства? Если даже представишь себѣ великія общественныя бѣдствія, землетрясенія, войны, наводненія, провалы земли — то и это все мало, если сличить съ настоящимъ. Почему? Потому что бѣдствіе войны не на всю простирается вселенную; но въ одной части ея идетъ война, другая же наслаждается миромъ. Или опять: одно что либо сожгла молнія или потопила вода, или поглотила разверзшаяся земля; но настоящее бѣдствіе есть ударъ вдругъ для всей вселенной: рыданіе не можетъ ограничиться однимъ народомъ, или однимъ городомъ; теперь быть можетъ вполнѣ прилично будетъ возгласить тѣ слова, съ которыми нѣкогда Навуходоносоръ обращался къ своимъ подданнымъ: *валъ* говорю, *народи, племена, языци* (Дан. 3, 4). Но лучше позвольте мнѣ присовокупить нѣчто къ Ассирійскому провозглашенію, громогласнѣе возвѣститъ о несчастіи и, подобно тому, какъ возглашаютъ со сцены, сказать: «о города, и народы, и языки и вся земля и море съ водами, по коимъ плаваютъ, и островами, на коихъ обитаютъ! Все въ нашей вселенной, что подчинено скипетру нашего царства! Всѣ и повсюду живущіе люди! Восплачьте

всѣ, раздѣляя общую скорбь, соединитесь всѣ въ общемъ слезномъ рыданіи, оплачьте общую всѣмъ потерю.

Или хотите, чтобы я изобразилъ вамъ, сколько могу, эту потерю? Человѣческое естество, выступивъ изъ собственныхъ границъ и превысивъ обычную ему мѣру,—природа или лучше сказать Господь природы, явилъ въ нашемъ поколѣніи мужескую душу въ женскомъ тѣлѣ, образцы добродѣтели все превосходящія. Въ ней, всѣ добродѣтели, какъ тѣлесныя такъ и душевныя сосредоточившись, представили человѣчеству невѣроятное зрѣлище того, какое собраніе достоинствъ можетъ совокупиться въ одной душѣ и въ одномъ тѣлѣ. И какъ бы для того, чтобы виднѣе для всѣхъ было счастье нашего поколѣнія, возводится она на высокій престолъ царскій, чтобы подобно солнцу съ высоты сего достоинства озарять лучами добродѣтелей всю вселенную. Заключивъ союзъ общенія, какъ въ жизни такъ и въ царской власти, съ тѣмъ, кому по божественному опредѣленію вручено управленіе всею вселенною, она содѣлываетъ собою счастье подданныхъ, будучи, какъ говоритъ Писаніе, помощницею (Быт. 2, 18) ему во всякомъ благомъ дѣлѣ. Когда время вызывало къ дѣламъ челоуѣколюбія, то она или сопутствовала ему въ этой добродѣтели или предупреждала его; въ склон-

ности къ челоѡколюбію та и другая сторона шла всегда согласно. Свидѣтельствомъ моихъ словъ служатъ какъ прежнія безчисленныя дѣянія ея, такъ и то, о чемъ возѡщалось при настоящемъ случаѣ, о чемъ мы сегодня слышали отъ проповѣдника истины. Ищешь ли благочестія? Одинаково было у обоихъ стремленіе къ благочестію. Ищешь попечительности, правосудія или другихъ прекрасныхъ качествъ? Во всемъ было у нихъ взаимное соперничество; старались побѣждать другъ друга въ благотвореніи и ни одинъ не былъ побѣжденъ. Равна была ихъ взаимная любовь; она считала высшею наградою за добродѣтель быть супругою правителя вселенной; онъ мало цѣнилъ власть надъ землею и моремъ въ сравненіи съ счастіемъ обладать ею. Смотрѣть другъ на друга, быть видимыми другъ другомъ, доставляло имъ одинаковую взаимную радость. Каковъ собою онъ? Можетъ ли кто указать красоту совершеннѣе той, которую мы видимъ? Желалось бы, чтобы и внуки могли наслаждаться созерцаніемъ ея. А какова собою была она? Этого нельзя и выразить словами. Самыя точныя изображенія искусства не оставили намъ вѣрнаго подобія ея; а если что и передали намъ картины или ваяніе, то все очень далеко отъ истины.

Таковы до сихъ поръ повѣствованія мои

о ней; что же мнѣ сказать вамъ за симъ? Опять возбуждаюсь къ воплю,—и вы простите мнѣ чрезмѣрное выраженіе скорби. О, Эракія, ненавистное имя! О, злополучная страна, народъ знаменитый несчастіями! Страна, прежде сего опустошенная огнемъ, войною, набѣгами варваровъ, теперь же представившая собою верхъ общественнаго бѣдствія! Отсюда похищается наше сокровище; здѣсь завистливая судьба возстала на царство; здѣсь произошло крушеніе вселенной, здѣсь какъ бы среди бури ударившись о скалу, мы погрузились въ глубину скорби. О несчастное путешествіе, изъ котораго не послѣдовало возвращенія! О горькія воды, источникъ коихъ она пожелала такъ сильно, какъ не слѣдовало бы! О селеніе, гдѣ случилось это несчастіе, соотвѣтствующее своему имени по значенію: «безлунная ночь» (*οχτομηνη*); ибо я слышу, что мѣстность эта на родномъ языкѣ обитателей называется Скотуминъ (*Σκοτμην*). Тамъ померкъ святильникъ, тамъ угасло сіяніе, тамъ потускли лучи добродѣтелей, погибло украшеніе имперіи, кормило правосудія, образецъ — даже болѣе, самый первообразъ человѣколюбія; отнять образецъ супружеской любви, чистая краса цѣломудрія, сановитость всегда доступная, безукоризненная кротость, высокое смиренномудріе, откровенная стыдливость, стройное сочетаніе

совершенство. Нестало ревнующей о вѣрѣ, опоры церкви, украшенія жертвенниковъ, богатства убогихъ, многощедрой десницы, прибѣжища всѣхъ угнетенныхъ! Да плачетъ дѣвство, да рыдаетъ вдовство, да сѣтуетъ сиротство, да познають, что имѣли, когда уже не имѣютъ. Но что пользы мнѣ раздѣлять свой плачь по частямъ и отдѣламъ? Да стонаетъ весь народъ, испуская глубокой вопль изъ глубины сердца! Да плачетъ вмѣстѣ и само священство, такъ какъ завистливая судьба погубила общее украшеніе! Ужели дерзновенно будетъ сказать съ пророкомъ: *вскую отринулъ еси Боже, до конца, и разнѣлася ярость твоя на овцы пажити твоея* (Пс. 73, 1). За какіе грѣхи мы терпимъ наказаніе? За что наказываемся бѣдствіями, слѣдующими одно за другимъ. Или быть можетъ за умноженіе нечестія, различныхъ ересей, постигла насъ такая участь? Ибо смотрите какими бѣдствіями мы поражены въ короткое время! Еще не отдохнули мы отъ прежняго удара, еще не отерли слезы отъ очей, какъ опять подпали такому несчастію. Тогда мы оплакивали не вполне распустившійся цвѣтокъ,—нынѣ самое растеніе, изъ котораго цвѣтъ тотъ произрастъ; тогда только подававшую надежды красоту,—нынѣ вполне созрѣвшую; тогда только ожидаемое благо,—нынѣ уже

испытанное нами. Простите ли мнѣ, братіе, если я отъ скорби скажу что либо не разумное. Можетъ быть, какъ говорить Апостоль (Римл. 8, 22), и сама тварь совоздыхала нашему горю. Напомню вамъ то, что происходило, — и думаю, что многіе будутъ согласны съ моими словами. Когда одѣтая въ золото и порфиру Императрица была несена въ городъ (несли же ее на носилкахъ); то жители всѣхъ чиновъ и возрастовъ, высылавъ за городъ, своимъ множествомъ сдѣлали тѣснымъ широкое поле и всѣ, даже отличенные достоинствомъ, пѣшкомъ сопровождали печальное шествіе. Вы помните, конечно, какъ солнце сокрыло лучи свои въ облакахъ, какъ бы для того, чтобы не видѣть въ своемъ чистомъ свѣтѣ Императрицу, вступающую въ городъ въ такомъ видѣ; не на златокованной колесницѣ, не сопровождаемую съ царскою пышностію блестящими копьеносцами; но лежащую во гробѣ, закрытую печальнымъ покровомъ. Тяжкое и жалкое зрѣлище, предметъ плача для срътающихъ; каждый изъ собравшихся здѣсь пришелецъ или туземецъ встрѣчалъ ея прибытіе не радостными восклицаніями, а слезами. Тогда и воздухъ печально помрачился, облекшись мглою, какъ бы какою печальною одеждою; и облака какъ то было имъ возможно, плакали, роняя, вмѣсто

слезъ, при сей скорби, дождевыя капли. Уже ли все это въ самомъ дѣлѣ мелочи, не заслуживающія того, чтобы говорить о нихъ? Если и происходило въ твари нѣчто такое, чѣмъ она какъ бы выразила свое сочувствіе къ несчастію, то это произошло конечно не отъ самой твари, а отъ Владыки твари, почтившаго чрезъ то, что содѣлано было имъ, смерть святой; ибо *честна*, говоритъ Писаніе, *предъ Господемъ смерть преподобныхъ его* (Пс. 115; 6). Но видѣлъ я тогда и другое зрѣлище, еще болѣе дивное, чѣмъ то, о которомъ сейчасъ сказалъ. Я видѣлъ двоякій дождь, одинъ изъ воздуха, другой излившійся на землю отъ слезъ, — и дождь изъ очей не былъ ни чѣмъ не меньше дождя изъ облаковъ. Между столькими тысячами присутствовавшихъ не было не одного ока, которое не орошало бы землю каплями слезъ.

Но я не вполнѣ можетъ быть хорошо угадываю мысль учителя, останавливаясь болѣе чѣмъ сколько нужно на печальномъ. Можетъ быть онъ больше желаетъ утѣшить, чѣмъ опечалить слухъ; а мы сдѣлали теперь противное тому, подобно врачу, который бы взявшись лечить рану не только не позаботился объ излеченіи, но еще прибавилъ бы мученія больному, нѣкоторыми разъѣдающими лекарствами. И такъ, на воспаленную ра-

ну должно излить слово подобное елею; ибо и евангельское врачебное искусство умѣеть къ терпкому вину примѣшивать елей. Рѣшаемся по сему и мы, взявъ отъ Писанія сосудъ елея, обратить сколько возможно, слова печальныя въ слова утѣшенія. И никто да не усумнится повѣрить мнѣ, хотя бы мои слова и показались необычайными. Цѣло, братіе, сокровище, которое мы ищемъ, цѣло и не погибло. Но я сказалъ еще меньше, чѣмъ сколько нужно по истинѣ: не только цѣло сокровище, но и пребываетъ въ болѣе высокомъ мѣстѣ, чѣмъ прежде. Ты ищешь царицу,—она пребываетъ въ царскихъ чертогахъ; ты желаешь видѣть это очами,—но напрасны усилія увидѣть царицу; вокругъ нея страшная стража копьеносцевъ; не о тѣхъ говорю копьеносцахъ, которыхъ оружіе желѣзо, но о тѣхъ, кои вооружены пламеннымъ мечемъ, коихъ вида не выносить взоръ человѣка. Въ какихъ неизреченныхъ обителяхъ жилище царицы, увидишь тогда, когда и ты совлечешься тѣла; ибо не иначе возможно войти въ недоступныя обители царствія, какъ совлекшись одѣянія плоти.

Но можетъ быть ты думаешь, что наслаждаться жизнію во плоти лучше? И такъ да научить тебя божественный Апостоль, бывшій участникомъ неизреченныхъ тайнъ рая. Что

говорить онъ о здѣшной жизни, можетъ быть отъ лица вообще всѣхъ людей: *окаяненъ азъ человекъ; кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Римл. 7, 24). Почему такъ говорить? Потому что за гораздо лучшее почитаетъ разрѣшиться и со Христомъ быть. Что говорить великій Давидъ, облеченный такимъ могуществомъ, имѣющій въ своей власти все нужное для удовольствія и наслажденія? Не тяготится ли жизнью? Не называетъ ли темницею здѣшнюю жизнь? Не вопіетъ ли ко Господу: *изведи изъ темницы души мою* (Псал. 141, 8)? Не печалится ли продолженіемъ жизни, *увиди мнѣ*, говоря, *яко пришествіе мое продолжится* (Пс. 119, 5). Святые ужели потому почитали болѣе предпочтительнымъ для души отшествіе ея изъ тѣла, что не умѣли различать хорошее отъ худого? И ты, скажи мнѣ, что хорошаго видишь въ сей жизни? Разсуди, въ чемъ проявляется жизнь? Не привожу тебѣ изреченія пророка, *что всяка плоть сгно* (Ис. 40, 6), ибо въ этомъ уподобленіи пророкъ скорѣе представляетъ наше жалкое естество въ лучшемъ видѣ чѣмъ каково оно на самомъ дѣлѣ, и дѣйствительно можетъ быть лучше, еслибы оно было травою, чѣмъ тѣмъ, что оно есть. Почему? Потому что трава не имѣетъ отъ природы ничего непріятнаго; а наша плоть

производить зловоніе, обращая въ тлѣніе все, что ни приметъ въ себя. Какое наказаніе можетъ быть тяжеле того, какъ все время быть въ подчиненіи велѣніямъ чрева! Посмотрите на этаго неотступнаго собирателя дани,—говорю о чревѣ, съ какою взыскательностію онъ ежедневно требуетъ своего? Если иногда и больше требуемаго дадимъ ему, это не будетъ нѣсколько уплатою впередъ слѣдующаго долга. Мы совершаемъ кругъ жизни подобно рабочимъ животнымъ на мельницѣ, у которыхъ закрыты глаза; всегда отходимъ отъ одного мѣста и приходимъ къ тому же, — я говорю о періодически возвращающихся явленіяхъ жизни: о позывѣ къ пищѣ, насыщеніи, снѣ, бодрствованіи, очищеніи, наполненіи; непрестанно отъ этаго переходимъ къ тому, отъ того—къ этому, и опять тоже, и никогда не перестаемъ вращаться въ этомъ кругу, доколѣ не выйдемъ изъ этой мельницы. Хорошо Соломонъ здѣшнюю жизнь называетъ сосудомъ сокрушеннымъ и домомъ чужdimъ (Притч. 23, 27); по истинѣ она чужой домъ, а не нашъ, потому что не отъ насъ зависитъ пробыть въ немъ, когда желаемъ и сколько желаемъ; но и того, какъ вводимся въ этотъ домъ, мы не знаемъ, и когда выйдемъ—тоже не знаемъ. Сравненіе же съ сосудомъ уразумѣешь, если обра-

тишь вниманіе на ненасытимость желаній. Не видимъ ли, какъ люди (какъ бы сосудъ какой) наполняютъ себя почестями, властію, славою и всѣмъ подобнымъ? Но вливаемое утекаетъ и не остается въ сосудѣ. Стремленіе къ славѣ, власти, къ чести постоянно въ насъ дѣйствуетъ, а сосудъ желаній остается не наполненнымъ. Что сказать и о любостыжательности? По истинѣ, не сокрушенный ли это сосудъ, текущій всѣмъ дномъ, который, если перельешь въ него цѣлое море, естественно не можетъ наполниться.

И такъ чтоже плачевнаго, если блаженная отошла отъ золь жизни и отложивши какъ бы нѣкоторый гной, нечистоту тѣла, съ чистою душею перешла къ жизни нетлѣнной, въ которой нѣтъ обмана, довѣрія навѣтамъ, гдѣ ласкательства не имѣютъ мѣста, не допускается ложь? Удовольствіе и скорбь, страхъ и дерзость, бѣдность и богатство, рабство и господство и всѣ подобныя неравенства здѣшней жизни совершенно чужды той жизни. *Отбѣже* оттуда, какъ говоритъ пророкъ, *болъзнь и печаль и въздыханіе* (Ис. 36, 10). А вмѣсто сего что? Безстрастіе, блаженство, отсутствіе всякаго зла, сожительство съ ангелами, созерцаніе невидимаго, общеніе съ Богомъ, радость нескончаемая. И такъ ужели нужно скорбѣть о царицѣ, когда мы знаемъ,

что она промѣняла и на что? Оставила царство земное, но воспріяла небесное; отложила вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней, но облеклась вѣнцемъ славы; сложила порфиру, но облеклась во Христа,—это подлинно царское и драгоцѣнное одѣявіе. Здѣшняя порфира, какъ слышно, окрашивается кровью какой-то морской улитки; но горней порфирѣ сообщаетъ блескъ кровь Христова: смотри какое различіе въ одѣяніи! Хочешь увѣриться, что отшедшая наслаждается всѣмъ этимъ? Прочитай, что сказано въ Евангеліи: *пріидите, благословенніи Отца моего* (такъ говоритъ Судія стоящимъ одесную) *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34). Кѣмъ уготованное? То самое, говоритъ, которое вы уготовили своими дѣлами. Какъ? *Я алкалъ, жаждалъ, страненъ бѣлъ, налъ, боленъ, въ темницѣ; понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Милъ сотвористе* (ст. 40). Если ревность о такихъ дѣлахъ открываетъ доступъ къ царствію: то сочтите, если только можно счесть, сколько человѣкъ одѣто данными ею одеждами! Сколько напитано этою великою десницею! Сколько заключенныхъ удостоено ею не посѣщенія только, но и совершеннаго прощенія! Если за посѣщеніе заключеннаго общается царствіе: то ясно, что освобожденіе его отъ наказанія достойно еще большей чести, если

только есть что-либо выше царствія. Но не этимъ только ограничиваются ея достохвальныя дѣла; добродѣтелями своими она идетъ далѣе заповѣданнаго. Сколько чрезъ нее дознало на себѣ благодать воскресенія; сколько осужденныхъ законами на смерть и приговоренныхъ къ смертной казни чрезъ нее снова воззваны къ жизни! Подтверженіе этимъ словамъ на глазахъ; ты видѣлъ у жертвенника отчаявавшася въ спасеніи юношу; видѣлъ женщину оплакивавшую осужденіе брата, который нынѣ возвѣщаетъ Церкви добрую вѣсть, что на память царицы плачевный приговоръ къ смерти смѣняется дарованіемъ жизни. Но и это ли только? Куда отнести намъ смиренномудріе, которому Писаніе отдаетъ преимущество предъ всѣми дѣянїями добродѣтели? Она, раздѣляющая съ великимъ царемъ такую власть, когда всѣ власти преклонялись предъ нею, когда столько народовъ подчинялось ей, — она не допускала въ себѣ гордости, всегда обращая взоры на себя саму, а не на внѣшнее свое (величіе); посему и содѣлывается наслѣдницею блаженства, посредствомъ временнаго смиренія достигнувъ истинной высоты.

Скажу нѣчто и о любви ея къ супругу. Надлежало, чтобы по разрѣшеніи союза супружескаго, произошло раздѣленіе и драгоцен-

ныхъ, составлявшихъ достояніе ея, благъ. Какъ же произвела она раздѣлъ? Изъ трѣхъ дѣтей, (ибо конечно это самыя главныя ея блага) сыновей оставила она отцу, чтобы они были опорой его царствованія; на свою же часть беретъ одну только дочь. Смотри съ какимъ благородствомъ и нѣжною любовію изъ драгоценностей большую часть уступаетъ мужу! Упомяну также и о томъ, о чемъ особенно бы нужно намъ сказать,—и окончу слово. Всѣмъ ревнующимъ о вѣрѣ,—одинаково свойственна ненависть къ идоламъ. Но преимущественная ея особенность состояла въ томъ, что она невѣрія Аріанскаго гнушалась столько же, сколько и идолослуженія. Тѣхъ, кои Божество почитали тварію, она почитала нечестивыми не меньше тѣхъ, кои созидаютъ вещественныхъ идоловъ. Въ этомъ отношеніи она судила здраво и благочестиво; ибо поклоняющійся твари, хотя бы дѣлалъ то во имя Христова, есть идолослужитель, прилагающій имя Христова къ идолу. Посему научившись, что нѣтъ Бога новосозданнаго, поклоняется единому Божеству, прославляемому во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ. Въ такой она возрасла вѣрѣ, въ такой утвердилась, въ такой предала духъ свой; сею вѣрою она перенесена въ лоно отца вѣры—Авраама, къ источнику райскому, отъ коего ни одна капля недостается невѣрующимъ, подъ тѣнь древа

жизни, насажденнаго *при исходившихъ* тѣхъ
водъ (Цс. 1, 3), коихъ и мы да удостоимся во
Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава
во вѣки.. Аминь.

КАНОНИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

КЪ СВЯТОМУ ЛИТОЦЮ, ЕПИСКОПУ МЕЛЕТИНСКОМУ.

П р а в и л о 1.

Одна изъ принадлежностей святаго праздника состоитъ и въ томъ, чтобы мы выразумѣли законный и каноническій образъ дѣйствования относительно согрѣшившихъ, дабы уврачевать всякую душевную болѣзнь, происходящую отъ какого-либо грѣха. Поелику этотъ вселенскій праздникъ созданія, по учрежденному обращенію годоваго круга, каждый годъ совершаемый во всемъ мірѣ, совершается ради воскресенія падшаго, а паденіе есть грѣхъ, воскресеніе же возстаніе отъ грѣховнаго паденія; то прилично было бы въ этотъ день приводить къ Богу не только тѣхъ, которые обновляются возрожденіемъ чрезъ благодать крещенія, но и тѣхъ, которые опять возвращаются на путь

жизни чрезъ покаяніе и обращеніе отъ мертвыхъ дѣлъ и руководить таковыхъ къ спасительному упованію, котораго они лишились чрезъ грѣхъ. Дѣло же не мало важное установить опредѣленія относительно ихъ на основаніи суда правильнаго и испытаннаго, по заповѣди пророка, повелѣвающей устроить *слова на судъ*, чтобы, какъ говоритъ Писаніе, не подвигнулся *во вѣкъ и въ память вѣчную* былъ *праведникъ* (Псал. 111, 5. 6.). Ибо какъ и при леченіи тѣла, цѣль врачебнаго искусства одна—возвращеніе здоровья больному, хотя способы леченія различны; потому что по различію болѣзней и способъ леченія сообразуется съ каждымъ изъ недуговъ: такъ и при душевной болѣзни, вслѣдствіе множества и разнообразія страданій, врачебный уходъ, ведущій леченіе сообразно съ недугомъ, необходимо долженъ быть разнообразенъ. Но чтобы былъ стройный порядокъ (въ изслѣдованіи) предложеннаго вопроса, мы расположимъ (нашу) рѣчь такимъ образомъ.

По первоначальному раздѣленію, въ душѣ нашей замѣчаются три силы: разумная, вождѣтельная и раздражительная. Этими силами совершаются и правыя дѣла людей живущихъ добродѣтельно, и паденія людей склоняющихся къ пороку. Посему намѣревающийся употребить леченіе, соотвѣтствующее заболѣвшей части души, прежде всего долженъ

обратить вниманіе на то, въ какой части произошла болѣзнь; потомъ уже соотвѣтственно этому производить леченіе страждущей, чтобы, вслѣдствіе неопытности въ способѣ врачеванія, не случилось того, что леченіе получить не та часть души, которая подверглась болѣзни; какъ впрочемъ и видимъ, что многіе врачи, будучи не въ состояніи узнать той части тѣла, въ которой главное начало недуга, лекарствами своими только усиливаютъ болѣзнь. Часто болѣзнь происходитъ отъ избытка жара, тогда какъ страдающимъ отъ избытка холода полезно бываетъ теплое и согрѣвающее; но если эти средства, примѣняемые къ симъ послѣднимъ, неосмотрительно будутъ употреблять при врачеваніи палимыхъ чрезмѣрнымъ жаромъ, то болѣзнь сдѣлаютъ неизлечимою. Итакъ, какъ для врачей весьма необходимымъ признается изученіе особенностей составныхъ частей тѣла, чтобы каждую изъ нихъ, находится ли она въ хорошемъ или дурномъ положеніи, можно было возстановлять въ случаѣ уклоненія ея отъ естественнаго состоянія: такъ и мы, держась выше указаннаго раздѣленія усматриваемыхъ въ душѣ силъ, началомъ и основаніемъ соотвѣтственнаго страданія (душевнымъ) врачеванія, сдѣлаемъ общее разсмотрѣніе. Итакъ соотвѣтственно тройкому, какъ мы сказали, раздѣленію свойственныхъ душѣ движеній, на

силу разумную, вождельтельную и раздражительную, добрыя дѣйствія разумной части души суть: благочестивый образъ мыслей о божественномъ, искусство отличать добро отъ зла, соединенное съ яснымъ и отчетливымъ сужденіемъ о природѣ предметовъ — о томъ, какіе изъ нихъ достойны избранія и какіе— отвращенія и отверженія. И опять по противоположности сему конечно можно будетъ видѣть и пороки этой части души: нечестіе относительно Божества, неразумность о томъ, что истинно прекрасно, превратное и ошибочное мнѣніе о природѣ вещей, такъ что свѣтъ «считается тьмою, а тьма свѣтомъ», какъ говоритъ Писаніе (Ис. 5, 20.). Добродѣтельное же направленіе вождельтельной части души состоитъ въ устремленіи горячей любви къ подлинно-вождельнному и истинно прекрасному, чтобы здѣсь находила предметъ для своей дѣятельности, вся какая ни есть въ насъ сила и расположеніе любви, въ томъ убѣжденіи, что ничто иное не вождельно по своей природѣ, кромѣ добродѣтели и Существа, служащаго источникомъ добродѣтели. Уклоненіе же съ прямого пути и грѣхъ этой части души бываетъ, когда кто свое вождельніе направляетъ къ призрачному тщеславію или къ цвѣтущей красотѣ тѣлесной. Отсюда происходитъ сребролюбіе, славо-

любіе, сластолюбіе и всѣ подобныя имъ пороки, которые имѣють своимъ началомъ этотъ родъ зла. Наконецъ, правыя дѣйствія силы раздражительной суть: ненависть ко злу, борьба противъ страстей и укрѣпленіе въ душѣ мужества, чтобы сражаясь за вѣру и добродѣтель не страшиться того, что многимъ кажется страшнымъ, но противустоять грѣху даже до крови, презирать угрозу смертію, тяжкія мученія и лишеніе того, что всего пріятнѣе и, словомъ, быть выше всего, что многихъ держитъ въ плѣну удовольствій силою привычки и предубѣжденія. Паденія же этой силы души всѣмъ извѣстны: зависть, ненависть, вражда, злословіе, ссоры, сварливое и мстительное настроеніе души, надолго удерживающее злопамятство и доводящее многихъ до убійства и кровопролитія. Ибо умъ необученный, какъ съ пользою употреблять оружіе, остріе желѣза обращаетъ противъ самого себя и оружіе, данное намъ отъ Бога на защиту, бываетъ на погибель тому, кто злоупотребляетъ имъ.

Правило 2.

Итакъ, по раздѣленію грѣховъ вышеуказаннымъ способомъ, тѣ грѣхи, которые от-

носятся къ мыслительной части души, отцами признаются тягчайшими и заслуживающими большаго, болѣе продолжительнаго и строгаго исправленія. Напримѣръ, кто отрекся вѣры во Христа и оказался измѣнникомъ, впавши или въ іудейство, или идолопоклонство, или манихейство или въ иной какой-нибудь подобный видъ безбожія; тотъ если добровольно рѣшился на это зло, а потомъ раскаялся, временемъ покаянія долженъ имѣть все время жизни своей. Ибо таковой, во время совершенія таинственной молитвы, никогда не удостоивается поклоняться вмѣстѣ съ народомъ Богу, но долженъ молиться на единѣ, а отъ приобщенія Святыхъ Таинъ долженъ быть отлученъ совершенно. Но въ часъ смерти своей, тогда да удостоится причастія Святыни. Если же сверхъ чаянія случится ему остаться въ живыхъ; то опять онъ долженъ проводить жизнь подъ тѣмъ же осужденіемъ, не сподобляясь Святыхъ Таинъ до самой смерти. А тѣ, которые вынуждены были къ тому пытками и жестокими мученіями, находятся подъ запрещеніемъ на опредѣленное время. Святые Отцы оказали такое челоуѣколюбіе потому, что не душа ихъ подверглась паденію, но слабость тѣлесная не могла устоять противъ мученій. Посему насильственное и мученіями вынуж-

денное отступленіе, при обращеніи, подвергается эпитиміи въ той же мѣрѣ, какъ и грѣхъ любодѣянія.

Правило 3.

А кто прибѣгнетъ къ чародѣямъ или прорицателямъ или обѣщающимъ при содѣйствіи демоновъ совершить какія-либо очищенія и отвращеніе вреда, — такихъ надобно тщательно допрашивать и испытывать, оставаясь ли въ вѣрѣ во Христа они вовлечены были въ такой грѣхъ какою-нибудь нуждою, потому что какое-нибудь несчастіе или невыносимая потеря внушила имъ такое намѣреніе; или со всѣмъ презрѣвши исповѣданіе, нами имъ ввѣренное, прибѣгли къ содѣйствію демоновъ. Ибо если они сдѣлали это съ отступленіемъ отъ вѣры и съ тѣмъ, чтобы не вѣровать въ поклоняемаго христіанами Бога: то очевидно ихъ надобно будетъ подвергнуть осужденію какъ отступниковъ. Если же довела ихъ до этого какая-нибудь невыносимая нужда, овладѣвъ ихъ малодушіемъ и обольстивъ ихъ какою-нибудь ложною надеждою; то и такимъ должно быть оказано снисхожденіе, подобно тѣмъ, которые во время исповѣданія не могли устоять противъ мученій.

П р а в и л о 4.

Грѣхи, происходящіе отъ вождельнія и сладострастія, раздѣляются слѣдующимъ образомъ: одинъ называется прелюбодѣніемъ, другой — блудомъ. Нѣкоторые же болѣе точные (изслѣдователи) и грѣхъ блуда хотятъ почитать прелюбодѣніемъ; потому что одинъ— законный союзъ жены съ мужемъ и мужа съ женою. Итакъ все незаконное во всякомъ случаѣ противозаконно, и кто беретъ не свое, тотъ очевидно беретъ чужое. Ибо человѣку дана Богомъ одна помощница и надъ женою поставлена одна глава. Итакъ если кто стяжалъ себѣ, по выраженію божественнаго Апостола, *свой* собственный *сосудъ* (1. Сол. 4, 4), тому законъ природы дозволяетъ правильное употребленіе его. Но кто обратится не къ своему, тотъ безъ сомнѣнія будетъ пользоваться чужимъ. А чужое для каждаго все, что не его собственное, хотя бы оно и не имѣло признаннаго владѣтеля. Поэтому, на взглядъ болѣе строгихъ изслѣдователей этого предмета, блудъ не далеко отъ грѣха прелюбодѣнія, ибо и божественное Писаніе говоритъ *не много буди къ чуждеи* (Притч, 5, 20.). Но велику Отцы оказывали нѣкоторое снисхожде-

ніе къ людямъ болѣе немощнымъ, то и допущено въ семь грѣхѣ такое видовое раздѣленіе: блудъ есть и называется имъ выполненіе похоти, содѣланное безъ обиды другому, а прелюбодѣяніе — злоумышленіе и обида чуждому союзу. Сюда относится и скотоложество и мужеложество, потому что и сіи грѣхи суть прелюбодѣяніе противъ природы. Ибо здѣсь наносится обида другому роду и притомъ вопреки природѣ. При такомъ раздѣленіи, допущенномъ и въ этомъ видѣ грѣха, общее врачеваніе состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ чрезъ покаяніе сдѣлался чистымъ отъ страстнаго неистовства въ этихъ родахъ плотугодія. Поелику же осквернившіеся блудомъ къ этому грѣху не присоединяютъ обиды другому: то назначается двойное время покаянія тѣмъ, которые осквернили себя прелюбодѣяніемъ или иными возбраненными пороками — скотоложествомъ и неистовствомъ къ мужескому полу. Ибо въ сихъ случаяхъ, какъ я сказалъ, грѣхъ удвоится: одинъ (состоитъ въ непозволенномъ сладострастіи; другой—) въ обидѣ другому. И въ отношеніи къ покаянію согрѣшившихъ сладострастіемъ, должно быть допущено нѣкоторое различіе. Ибо самъ собою приступившій къ исповѣданію грѣховъ, по собственному побужденію рѣшившійся быть обличителемъ своихъ тайнъ,

какъ уже начавшій врачеваніе своего недуга и показавшій признакъ своего измѣненія къ лучшему, пусть будетъ подъ эпитимією болѣе снисходительною; а застигнутый въ преступленіи или вслѣдствіе подозрѣнія или обвиненія противъ воли изболоченный, подвергается продолжительнѣйшему исправленію, такъ что допускается къ приобщенію Святыхъ Таинъ послѣ строгаго очищенія. Касательно этого существуетъ такое правило: осквернившіеся блудодѣяніемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ совсѣмъ отлучаются отъ (церковной) молитвы; въ продолженіи трехъ участвуютъ только въ слушаніи (Писанія); въ продолженіи же другихъ трехъ лѣтъ они молятся вмѣстѣ съ припадающими въ покаяніи и потомъ уже причащаются Святыхъ Таинъ. Для тѣхъ же, которые обнаруживаютъ болѣе ревности въ исправленіи себя, и жизнь свою показываютъ возвращеніе къ добру, надзирающій (за кающимися) ради пользы церковнаго домостроительства, можетъ сократить время слушанія и скорѣе приводитъ ихъ къ обращенію; и опять, онъ можетъ сократить и это время и скорѣе допустить до приобщенія смотря потому, въ какомъ состояніи найдетъ онъ врачуемаго, при тщательномъ испытаніи своемъ. Ибо, какъ запрещено повергать бисеръ предъ свиньями, такъ съ другой сто-

роны безразсудно лишать драгоцѣннаго бисера того, кто содѣлался уже человѣкомъ, чрезъ оставленіе и очищеніе страсти. Преступленіе же закона, происходящее отъ прелюбодѣянія и прочихъ видовъ нечистоты, какъ выше было сказано, во всемъ должно быть врачуемо тѣмъ же судомъ, какъ и грѣхъ блуда, но съ удвоеніемъ времени. И при этомъ надобно обращать вниманіе на расположеніе врачаемаго, подобно тому какъ и на расположеніе впадшихъ въ скверну блуда, чтобы сообразно съ этимъ раньше или поздне допускатись они къ причастію блага.

П р а в и л о 5.

Послѣ сего остается подвергнуть изслѣдованію раздражительную силу души, когда она, уклонившись отъ правильнаго употребленія негодованія, впадаетъ въ грѣхъ. Много бываетъ отъ раздраженія грѣховныхъ дѣлъ и всякихъ золь, но отцамъ нашимъ угодно было объ иныхъ не входить въ подробное изслѣдованіе и они не признали достойнымъ особенной заботливости врачеваніе всѣхъ согрѣшеній, происходящихъ отъ раздраженія. Хотя Писаніе запрещаетъ не только простой ударъ, но и всякое злословіе или хулу (Кол.

3, 8. Еф. 4, 31) и другое подобное, что происходитъ отъ раздражительности, но они только противъ злодѣянiя убiйства постановили предохранительныя средства въ эпитимiяхъ. Преступленiе это раздѣляется на вольное и невольное. Вольное убiйство во первыхъ бываетъ тогда, когда обдуманно предпринято человѣкомъ, приготовившимъ и средства, какъ совершить это злодѣянiе; потомъ къ вольному убiйству относится и то, когда кто-нибудь во время драки наноситъ и самъ получая удары наноситъ рукою ударъ въ какое-нибудь опасное мѣсто. Ибо однажды подчинившись ярости и отдавшись стремленiю гнѣва, онъ во время страсти уже не думаетъ ни о чемъ, что могло бы прекратить зло, такъ что убiйство, совершенное во время драки, возводится въ дѣло произвола, а не случая. Невольное же убiйство узнается по очевиднымъ признакамъ, когда кто, имѣя въ виду что-нибудь другое, случайно совершитъ какое-нибудь тяжкое зло. Итакъ за вольное убiйство назначается тройной срокъ времени для тѣхъ, которые хотятъ покаянiемъ уврачевать произвольное преступленiе. Для нихъ полагается три девятилѣтiя съ назначенiемъ по девяти лѣтъ на каждую степень покаянiя, такъ что удаленный отъ церкви находится въ совершенномъ отлученiи въ продолженiи де-

вяти лѣтъ; столько же лѣтъ находится на степені слушающихъ, удостоиваясь только слушанія учителей и Писаній; въ продолженіи третьяго девятилѣтія молится вмѣстѣ съ припадающими въ покаяніи; послѣ сего приступаетъ къ приобщенію Святыхъ Таинъ. Очевидно, что и за такимъ домостроительствующій въ церкви долженъ имѣть тоже наблюденіе; по вниманію къ раскаянію и для него можетъ быть сокращена продолжительность эпитиміи, такъ что, вмѣсто девяти лѣтъ на каждую степень покаянія, можетъ быть назначено или восемь, или семь, или шесть, или пять только лѣтъ, если великостію раскаянія онъ упреждаетъ время и ревностію въ исправленіи себя превосходитъ тѣхъ, которые въ продолжительное время менѣ дѣятельно очищаютъ себя отъ скверны (грѣха). Невольное же убійство, хотя и считается достойнымъ снисхожденія, но не похвальнымъ. Сіе сказалъ я, чтобы стало ясно, что того, кто осквернитъ себя хотя и невольно убійствомъ, церковное правило объявляетъ уже не чистымъ вслѣдствіе преступленія, недостойнымъ благодати священства. А какое время назначено для очищенія простаго блуда, такое же заблагоразсудили положить и для невольныхъ убійцъ; очевидно, что и здѣсь надобно испытывать расположеніе кающагося, такъ что если до-

стовѣрно его обращеніе, то конечно не нужно соблюдать число лѣтъ, но чрезъ сокращеніе времени вести къ воссоединенію съ церковію и къ причастію Святыхъ Таинъ. Если же кто, не исполнивъ времени (покаянія) назначеннаго правилами, отходитъ изъ жизни сей: то человѣколюбіе отцевъ повелѣваетъ причастить его Святыхъ Таинъ, чтобъ онъ не отпущенъ былъ безъ напутствія въ это послѣднее и дальнее странствованіе. Но если причастившись Святыхъ Таинъ, останется въ живыхъ; то долженъ ожидать исполненія назначеннаго времени, находясь на той степени, на которой былъ прежде дозволеннаго ему по нуждѣ приобщенія.

П р а в и л о 6.

Другой же видъ идолослуженія (ибо такъ божественный Апостоль называетъ любостыжаніе Кол. 3, 5), не понимаю, какъ отцы наши опустили изъ виду безъ врачеванія. Однакожь и это зло, кажется, бываетъ недугомъ души по тройственному ея составу; ибо и умъ, погрѣшая въ сужденіи о добрѣ, воображаетъ, что благо заключается въ веществѣ и не обращаетъ вниманія на красоту невещественную: и вожделѣніе стремится къ низше-

му, уклоняясь отъ истинно возжелѣннаго; и гнѣвливое и раздражительное расположеніе (души), въ этомъ грѣхѣ много находитъ поводовъ для себя. И говоря вообще, этотъ недугъ подходитъ подъ апостольное опредѣленіе любостыжанія. Ибо божественный Апостоль объявилъ, что оно не только идолослуженіе, но и корень всѣхъ золъ (1. Тим. 6, 10.). Однакъ этотъ видъ болѣзни оставленъ безъ особаго разсмотрѣнія и безъ врачеванія; по сему болѣзнь эта и умножается въ церквахъ и никто принимаемыхъ въ клиръ не испытываетъ, не осквернились ли они симъ видомъ идолопоклонства. Но вслѣдствіе того, что отцы наши не обратили вниманія на это, мы считаемъ достаточнымъ—болѣзни любостыжанія врачевать, насколько возможно, всенароднымъ словомъ ученія, очищая ихъ разсужденіемъ, какъ нѣкоторыя болѣзни, происходящія отъ полносочія. Только воровство и гробоконательство и святотатство мы считаемъ (тяжкими) недугами, потому что таково у насъ о семъ преемственное отъ отцевъ преданіе. Божественное Писаніе относитъ также къ числу запрещенныхъ дѣлъ лихву и ростъ и присоединеніе при помощи нѣкоторой власти къ своему имуществу чужаго, хотя бы это сдѣлано было подъ видомъ договора. Итакъ поелику наше мнѣніе не настолько

достоинно уваженія, чтобъ имѣть значеніе правиль; то къ сказанному мы прибавимъ каноническій приговоръ о дѣйствіяхъ всѣми согласна признаваемыхъ запрещенными. Воровство раздѣляется на разбойничество и кражу; цѣль того и другаго одна — отнятіе чужаго; но между ними великое различіе въ отношеніи къ расположенію души. Ибо разбойникъ, для достиженія своей цѣли употребляетъ и человѣкоубійство, запасаясь для этого и оружіемъ и помощію себѣ подобныхъ и пользуясь удобствомъ мѣстности, такъ что онъ подлежитъ такому же суду, какъ и человѣкоубійцы, если онъ чрезъ раскаяніе возвратится къ церкви Божіей. Присвояющій же себѣ чужое чрезъ тайное похищеніе, потомъ на исповѣди открывшій свой грѣхъ священнику, долженъ врачевать свою болѣзнь дѣйствіями противоположными своей страсти, то-есть раздаяніемъ своего имущества нищимъ, дабы расточеніемъ того, что имѣеть, показать, что онъ заботится объ очищеніи себя отъ болѣзни любостяжанія. Если же онъ ничего не имѣеть, кромѣ тѣла; то Апостолъ повелѣваетъ ему врачевать такую болѣзнь тѣлеснымъ трудомъ. Слово же (Апостола) читается такъ: *крадый изъ тому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая благое, да имать подавать требующему* (Еф. 4, 28.).

П р а в и л о 7.

И самое гробокопательство раздѣляется на заслуживающее и не заслуживающее снисхожденія. Ибо кто, щадя честь мертвыхъ и оставляя неприкосновеннымъ похороненное тѣло такъ что не выставляется на свѣтъ солнечный неблагообразіе естества, воспользуется нѣкоторыми изъ камней гробницы для какой-нибудь постройки; тотъ хотя и поступить непохвально, но обычай это дѣйствіе сдѣлалъ простибельнымъ, если матеріалъ будетъ употребленъ на нѣчто лучшее и общеплезнѣйшее. Раскапывать же прахъ тѣла, обратившагося въ землю, и тревожить кости въ надеждѣ пріобрѣсти какое-нибудь украшеніе, закопанное съ умершимъ,—это такое преступленіе, которое подвергается такому же суду какъ и простой блудъ, о чемъ было говорено выше, причемъ предстоятель церкви изъ самой жизни врачауемаго долженъ усматривать лекарство для него, такъ что можетъ сократить продолженіе эпитиміи, опредѣленное правилами.

Правило 8.

Святотатство въ ветхозавѣтномъ Писаніи признано достойнымъ не меньшаго осужденія, какъ и убійство. Ибо и обличенный въ убійствѣ и похитившій посвященное Богу равно подвергались побіенію камнями (Исус. Нав. 7, 25.). Въ церковномъ же обыкновеніи, не знаю какъ, послѣдовало нѣкоторое снисхожденіе и послабленіе, такъ что очищеніе этого недуга принято болѣе легкое. Ибо преданіе отцевъ такимъ назначило этитимію менѣе продолжительную, чѣмъ за прелюбодѣяніе. Во всякомъ же видѣ грѣха прежде всего надобно обращать вниманіе на то, каково расположеніе врачуемаго и для врачеванія достаточнымъ считать не время (ибо какого исцѣленія можно ожидать только отъ времени?), но добрую волю того, кто врачуетъ себя поканіемъ. Все это послѣ тщательнаго изслѣдованія собравши изъ того, что было подъ руками, усердно посылаемъ тебѣ, человѣкъ Божій, поелику надобно повиноваться повелѣніямъ братьевъ. Ты же, не переставай приносить о насъ обычныя молитвы Богу; ибо какъ почтительный сынъ, ты обязанъ родившаго тебя по Бозѣ поддерживать въ старости

твоими молитвами по зѣповѣди, повелѣвающей чтить родителей, *да благо ти будетъ и доломльтенъ будеши на земли.* (Исх. 20, 12.). Увѣренъ же, что ты примешь это письмо, какъ праздничный даръ и не презришь дара, хотя бы онъ былъ и ниже твоего высокаго духа.

ПИСЬМА.

I.

ГРИГОРІЙ НИССКІЙ ФЛАВІАНУ.

Не въ хорошемъ положеніи, человекъ Божій, наши дѣла. Ибо злоба, возрастающая въ людяхъ питающихъ къ намъ несправедливую и незаслуженную нами ненависть, уже не по какимъ-нибудь догадкамъ подозрѣвается, но обнаруживается открыто съ дерзновеніемъ, какъ бы какое доброе дѣло. Вы же, доселѣ не угрожаемые симъ зломъ, нерадите о прекращеніи пламени, свирѣпствующаго въ насъ сосѣдствѣ; между тѣмъ какъ люди, благоразумно пекущіеся о собственномъ (имуществѣ), съ великимъ усердіемъ тушатъ пожаръ у сосѣдей, и такимъ образомъ помогая своимъ ближнимъ, дѣлаютъ не нужною ихъ помощь при подобныхъ обстоятельствахъ. Но о чемъ я говорю? Оскудѣло въ мірѣ препода-

біе, удалилась отъ насъ *истина*, (Псал. 11, 1); прежде хотя имя мира было у всѣхъ насъ въ устахъ, теперь же не только нѣтъ у насъ мира, но не осталось даже самого имени его. Для того же, чтобы яснѣе знать тебѣ на что жалуюсь, вкратцѣ изложу тебѣ самую трагедію.

Нѣкоторые сообщили, что достопочтеннѣйшій Елладій враждебно расположенъ противъ насъ и между всѣми распространяетъ, будто я сдѣлался виновникомъ величайшихъ для него золъ. Я не довѣрялъ тому, что говорили, имѣя въ виду себя самого и (мою) правоту въ дѣлахъ. Но когда отъ всѣхъ единоголосно до насъ стало доходить одно и тоже и когда слухамъ стали соотвѣтствовать и дѣла, то я почелъ приличнымъ не оставлять безъ уврачеванія это еще неукоренившееся и не возросшее враждебное расположеніе. Поэтому я и занялся тщательно симъ предметомъ, пославъ письма и къ твоему благочестію и ко многимъ другимъ, кои могли быть полезны чѣмъ-либо въ настоящемъ дѣлѣ. Наконецъ совершивъ поминовеніе блаженнѣйшаго Петра, въ первый разъ совершаемое у нихъ Севастійцевъ, и обычно празднуемая у нихъ памяти святыхъ мучениковъ, которыя приходились въ одно и то же время съ этимъ поминовеніемъ, я возвращался обратно къ сво-

ей церкви. Когда же нѣкто далъ мнѣ знать, что Елладій находится въ сосѣднихъ горахъ, совершая памяти мучениковъ, я сначала продолжалъ прежній путь, разсуждая, что приличнѣе будетъ устроить свиданіе въ главномъ областномъ городѣ. Но когда на пути нарочито встрѣтилъ меня одинъ изъ знакомыхъ, и увѣрялъ меня, что онъ боленъ, то я, оставивъ повозку на томъ мѣстѣ, на которомъ дошелъ до меня этотъ слухъ, остальной путь, скалистый и не удобопроходимый отъ крутыхъ подъемовъ, совершилъ на конѣ. Разстоянія между нами было пятнадцать стадій. Прощедши инья изъ нихъ пѣшкомъ, инья съ трудомъ на конѣ, раннимъ утромъ, захвативши даже нѣкоторую часть ночи, въ первомъ часу дня я прибылъ въ Андумокины. Такъ называется мѣстность, гдѣ онъ съ другими двумя епископами отправлялъ церковное служеніе. Увидѣвъ издали, съ нѣкотораго холма, лежащаго выше селенія, что подъ открытымъ небомъ собралось церковное собраніе, мы тотчасъ пѣшкомъ отправились къ этому мѣсту, я и мои спутники, ведя за собой лошадей, такъ что къ одному и тому же времени пришлось и то и другое,—и онъ возвратился изъ церкви домой и мы приблизились къ храму мучениковъ. Безъ малѣйшаго промедленія отъ насъ посланъ былъ челоуѣкъ,—

возвѣститъ ему о нашемъ прибытіи; по прошествіи непродолжительнаго времени встрѣтился съ нами прислуживающій ему діаконъ, котораго мы просили поскорѣе увѣдомить его, чтобы намъ долѣе пробыть съ нимъ и найти (достаточно) времени для полнаго разъясненія и уврачеванія всѣхъ (недоразумѣній) между нами. Послѣ сего я сѣлъ подъ открытымъ небомъ, ожидая, не позоветъ ли кто насъ, и былъ неблаговременнымъ зрѣлищемъ для всѣхъ, пришедшихъ въ собраніе. Прошло не мало времени; притомъ, дремота, уныніе, усталость отъ пути усиливавшая уныніе, сильный зной, люди смотрѣвшіе на насъ и указывавшіе на насъ другъ другу пальцами,—все это было для меня до такой степени тяжело, что на мнѣ оправдалось слово Пророка: *умы во мнѣ духъ мой* (Ис. 142, 4.). Приближался уже часъ полудня и я сталъ сильно раскаиваться объ этомъ приключеніи, какъ будто я самъ подалъ поводъ къ такому безчестію. Но болѣе тяжелыя страданія, чѣмъ оскорбленія моихъ враговъ, причиняли мнѣ собственныя мои мысли, нѣкоторымъ образомъ, боровшіеся другъ съ другомъ и позднимъ размышленіемъ осуждавшіе то, что было мною предположено. Наконецъ едва отверзсты были намъ царскія палаты и мы вошли внутрь святилища; народу входъ сюда былъ воспрещенъ; со мною же вошелъ мой діаконъ, который

поддерживалъ рукою мое тѣло ослабѣвшее отъ утомленія. Сдѣлавъ привѣтствіе Елладію и постоявъ немного въ ожиданіи, не будетъ ли приглашенія сѣсть, — поелику ничего такового не послѣдовало, я обратившись присѣлъ на одной изъ дальнихъ ступеней, ожидая, не скажетъ ли онъ намъ чего-либо дружественнаго, человѣколюбиваго, или по крайней мѣрѣ не покажетъ ли чего такого хотя взглядомъ. Но все было вопреки нашимъ ожиданіямъ; съ его стороны молчаніе, какъ бы ночью, трагическое смущеніе, удивленіе, изумленіе и совершенное безмолвіе; прошло не мало времени въ тишинѣ, будто среди глубокой ночи. Я же осббенно пораженъ былъ тѣмъ, что онъ не удостоилъ отвѣтить намъ хотя бы обычнымъ словомъ, какъ это обыкновенно водится между людьми при встрѣчѣ, — на примѣръ: добро пожаловать, или откуда идешь, или за чѣмъ, или какая цѣль прибытія? Это безмолвіе мнѣ представлялось подобіемъ жизни въ адѣ. Впрочемъ это сравненіе я не признаю вѣрнымъ, потому что въ аду господствуетъ совершенное равенство положеній, такъ какъ ничто изъ того, что составляетъ трагедію жизни на землѣ, не возмущаетъ пребывающихъ тамъ; ибо не сходить, какъ говоритъ пророкъ, вмѣстѣ съ людьми слава (Пс. 48, 18), но душа cadaго, оставивъ все, о чемъ теперь заботится большая часть людей, разумѣю над-

менность, превозношеніе, гордость, простою и безъ всякихъ прикрасть преселяется въ преисподнюю и уже никакое изъ здѣшнихъ злосчастій не касается ихъ. Но то, что было тогда, для меня дѣйствительно казалось или адомъ или темнымъ узилищемъ, или другимъ какимъ мрачнымъ мѣстомъ наказанія, когда я размышлялъ, какихъ благихъ обычаевъ на слѣдниками мы были отъ отцовъ нашихъ и что скажутъ о насъ потомки. Что сказать о любвеобильномъ отношеніи между собою отцевъ? Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что люди, будучи всѣ равночестны по естеству, не хотѣли ничего имѣть одинъ больше другаго, но по смиренію готовы были одинъ почитать другаго большимъ себя. Но особенно—то приходило мнѣ на мысль, что Владыка всей твари, Единородный Сынъ, Сущій въ нѣдрахъ Отчихъ, сущій въ началѣ, во образѣ Божіи Сый, всяческая носящій глаголомъ силы своея, не тѣмъ только смирилъ себя, что плотію водворился въ человѣчскомъ естествѣ, но и предателя своего Іуду, приближавшагося съ лобзаніемъ, допустилъ къ своимъ устамъ, и вошедши въ домъ Симона прокаженнаго, какъ человѣколюбивый, порицалъ его за то, что онъ не привѣтствовалъ его лобзаніемъ. Меня же не сравнивали даже и съ прокаженнымъ. Кто? Кого? Не могу найти различія. Откуда онъ низшелъ?

Гдѣ поверженъ я? ежели только кто станетъ обращать вниманіе на мірскія преимущества. Ибо если кто станетъ разбирать (преимущества) плоти: то вѣроятно безъ обиды можно сказать, что у обоихъ насъ равночестно и благородство и свобода. Ежели кто станетъ искать истинной свободы и благородства по душѣ; то мы оба равно рабы грѣха; равно имѣемъ нужду во Вземлющемъ грѣхи; не мы, а Онъ избавилъ насъ своею кровію отъ смерти и грѣховъ; онъ и искупилъ насъ и не обнаружилъ никакого превозношенія въ отношеніи къ искупленнымъ, призывая мертвыхъ къ жизни, исцѣляя всякую болѣзнь и душъ итѣлесъ.

Поелику же эта гордость въ отношеніи къ намъ и эта высота надменія едва не досягала высоты небесъ; а я не усмотрѣлъ никакой причины и повода къ такому негодованію, чѣмъ извинялся бы этотъ недугъ; (страдаютъ этою болѣзнію вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, когда или происхожденіе или образованіе или превосходство какихъ достоинствъ надмеваютъ людей суетныхъ правомъ); то я не зналъ, какъ удержать себя въ спокойствіи, такъ какъ сердце мое волновалось отъ безразсудности всего что происходило, и не могло удержать помысловъ въ предѣлахъ терпѣнія. Въ это время я проникся особеннымъ удивленіемъ къ божественному

Апостолу, который такъ ясно изобразилъ происходящую въ насъ брань, говоря, что есть въ удахъ нашихъ нѣкоторый законъ грѣховный, противовоюющій закону ума и часто плѣняющій и покоряющій себѣ умъ (Римл. 7, 23.). Такую брань двухъ противоположныхъ помысловъ я ощущалъ въ себѣ самомъ; одинъ раздражалъ за обиду отъ высокоумія, другой — умѣрялъ волненіе. Послѣ того какъ по благодати Божіей худшее побужденіе не одержало перевѣса, я такъ сказалъ ему: «мое прибытіе не препятствуетъ ли тебѣ заняться врачеваніемъ твоего тѣла и не благовременно ли мнѣ уйти?» Когда онъ отвѣтилъ, что ему нѣтъ нужды пещись о исцѣленіи тѣла, то я сказалъ ему нѣсколько но возможности успокоительныхъ словъ. Когда же онъ въ немногихъ словахъ далъ замѣтить, что огорченъ многими обидами съ нашей стороны, то я такъ отвѣчалъ ему: «ложь имѣетъ между людьми великую силу обмана; но судъ Божій не можетъ быть введенъ въ заблужденіе обманомъ; моя совѣсть во всѣхъ дѣлахъ, касающихся тебя, такъ спокойна, что позволяетъ мнѣ молиться о прощеніи другихъ моихъ согрѣшеній; если же я что сдѣлалъ противъ тебя, то пусть останется это навсегда безъ прощенія.» Оскорбившись этими словами, онъ не хотѣлъ уже и слушать дальнѣйшихъ объясненій. Было болѣе шести часовъ; была и

благоприличная баня; готовилось и угощеніе; день былъ субботній и праздникъ мучениковъ. А ученикъ Евангелія какъ подражаетъ евангельскому Владыкѣ? Тотъ, когда ѣлъ и пилъ съ мытарями и грѣшниками, порицавшимъ его отвѣчалъ, что дѣлаетъ это по человеколюбію; сей же почитаетъ беззаконіемъ и оскорбленіемъ общеніе въ трапезѣ послѣ такого труда, какой понесли мы въ путешествіи, послѣ того зноя, въ какомъ пеклись мы, когда сидѣли подъ открытымъ небомъ у его дверей, послѣ того печальнаго униженія, какому подверглись мы въ его очахъ; и онъ отсылаетъ насъ опять на прежнее мѣсто, тѣмъ же путемъ, когда тѣломъ мы уже изнемогли отъ слабости и утомленія, такъ что перенесши на пути еще множество злоключеній, мы едва позднимъ вечеромъ достигли до своихъ спутниковъ, потому что и облако, внезапно нагнанное бурей въ воздухъ, промочило насъ обильнымъ дождемъ до самыхъ костей; а мы по причинѣ чрезмѣрнаго зноя не запаслись чѣмъ защитить себя отъ дождя. Но по милости Божіей, какъ бы избавившись отъ бури и кораблекрушенія, мы съ радостію достигли своихъ спутниковъ, и отдохнувши ночью, живы и цѣлы вмѣстѣ съ другими добрались до нашихъ мѣстъ, вынесши изъ этой встрѣчи то только, что недавно полученная нами обида, обновила въ памяти все

прежде бывшее. Теперь необходимость заставляетъ насъ подумать о самихъ себѣ или лучше о немъ самомъ; ибо то самое, что его намѣренія, обнаружившіяся въ прежнихъ поступкахъ, не получили отпора, и довело его до такой непомянутой надменности. Потому, чтобы онъ сталъ лучше, чѣмъ каковъ есть, можетъ быть надобно и мнѣ съ своей стороны предпринять нѣчто, чтобы онъ научился, что онъ человѣкъ, и что не имѣетъ никакого права наносить обиды и безчестить людей съ нимъ одинаково мыслящихъ и равночестныхъ. Допустимъ, что съ моей стороны дѣйствительно было сдѣлано что-либо неприятное для него. Состоялся ли какой надъ нами судъ за дѣйствительные или подозрѣваемые поступки? Какія доказательства изобличили насъ въ неправдѣ? Какія противъ насъ приведены были правила? Какой законный епископскій приговоръ утвердилъ наше осужденіе? Если же и было что подобнаго, то по законамъ во всякомъ случаѣ была бы опасность относительно степени. А оскорбленіе людей свободныхъ и нанесеніе безчестія равночестнымъ, какими канонами узаконено? Праведный судъ судите, вы обращающіе взоры къ Богу, — чѣмъ извините оказанное намъ безчестіе? Если принимать во вниманіе достоинство по священству: то обоимъ намъ усвоены соборомъ равныя и одинаковыя пра-

ва, или лучше одинаково поручено попеченіе объ исправленіи общихъ дѣлъ. Если же кто, оставивъ въ сторонѣ достоинство по священству, обратитъ вниманіе на насъ самихъ: то въ чемъ одинъ изъ насъ имѣетъ преимущество предъ другимъ? Въ родѣ? Въ образованіи? Въ свободѣ отношеній къ знатымъ и благороднымъ? Въ познаніяхъ? Все это и у насъ можно найти, или въ равной степени, или во всякомъ случаѣ не въ меньшей. Можетъ-быть станутъ говорить о богатствѣ? Не дай Богъ дойти до необходимости рассказывать о немъ съ этой стороны; достаточно указать только то одно, каковъ онъ былъ въ началѣ и каковъ сталъ теперь, и представить другимъ разслѣдовать способы, какими увеличилось (его) богатство, до настоящаго времени каждый почти день возрастающее и какъ бы питаемое добрыми распоряженіями. И такъ, какую власть онъ имѣетъ оскорблять насъ, когда нѣтъ ни превосходства по происхожденію, ни преимущества достоинствъ, ни избыточествующей силы въ словѣ, ни какой-либо услуги въ предшествующее время? Если бы все это и было, то и въ такомъ случаѣ обида въ отношеніи къ свободнымъ не извинительна. Но такъ какъ ничего такого нѣтъ, то я не думаю, чтобы мы хорошо сдѣлали, оставивъ такую болѣзнь гордости безъ врачеванія. Врачеваніе же состоитъ въ томъ,

чтобы смирить превозношеніе, уничтожить эту пустую надутость, чтобы нѣсколько разсѣялась горделивая надменность. А какъ сего достигнуть, предоставимъ попеченію Божию.

II.

О тѣхъ, которые предпринимають путешествія въ Іерусалимъ.

Поелику ты, возлюбленный, письмомъ спросилъ меня, то я почелъ приличнымъ отвѣтить тебѣ обо всемъ по порядку. Для посвятившихъ себя однажды высшему роду жизни, я признаю весьма полезнымъ, чтобъ они постоянно обращались къ словамъ Евангелія. И какъ выравнивающіе что-либо правиломъ, находящіяся въ рукахъ ихъ кривыя вещи по прямизнѣ правіла дѣлають прямыми; такъ думаю должно и мнѣ, примѣняя къ своимъ дѣйствіямъ какъ бы нѣкое прямое и неизмѣнное правило, разумѣю образъ жизни по Евангелію, по нему направлять себя къ Богу. Итакъ поелику есть люди изъ избравшихъ иноческую и отшельническую жизнь, которые считаютъ дѣломъ благочестія посѣтить мѣста Іерусалимскія, въ которыхъ видны памятники пребыванія во плоти Господа, то хорошо бы имъ посмотрѣть на правило, и если требуетъ

этого руководство заповѣдей, то дѣлать это дѣло, какъ повелѣніе Господне. Если же нѣтъ этого въ заповѣдяхъ Владыки, то не знаю гдѣ бы заповѣдано было желать дѣлать что-либо, ставя себя самого закономъ въ выборѣ добраго. Тамъ, гдѣ Господь призываетъ благословенныхъ къ наслѣдію царства небеснаго, путешествія въ Іерусалимъ Онъ не поставилъ въ числѣ добрыхъ дѣлъ. Тамъ, гдѣ Онъ возвѣщаетъ блажества, не внесъ въ число ихъ усердія къ сему. Имѣющій же умъ пусть размыслить, зачѣмъ стараться дѣлать то, что не дѣлаетъ ни блаженнымъ, ни къ царствію небесному близкимъ? Хотя бы и было это дѣло полезно, и въ такомъ случаѣ совершеннымъ не такъ хорошо объ немъ ревновать. Но поелику это дѣло по тщательномъ разсмотрѣніи оказывается приносящимъ и вредъ душевный избравшимъ строгую жизнь, то оно должно быть предметомъ не ревности особой, но величайшей осторожности, чтобы рѣшившійся жить по Богу, не испыталъ какого-либо вреда. Что же въ сѣмъ вреднаго? Благочестивый образъ жизни обязательенъ для всѣхъ и для мужей и для женъ; отличіе же жизни любомудрой, цѣломудренности; а она сохраняется при несмѣшанномъ и отдѣльномъ образѣ жизни, чтобы природа не оскорблялась смѣшеніемъ и тѣснымъ сближеніемъ ни женщинъ съ мужчинами, ни муж-

чинъ съ женщинами, коль скоро они стремятся къ соблюденію цѣломудрія. Но во время путешествія, необходимость всегда приводитъ къ нарушенію осторожности и къ безразличію въ соблюденіи правилъ; ибо женщины неудобно было бы совершить такой отдаленный путь, еслибъ она не имѣла охранителя; по физической слабости она и поднимается (къмъ-либо) на вьючное животное, и спускается съ него, и въ трудныхъ случаяхъ поддерживается. А для того, чтобы поднимать, нужно имѣть или знакомаго, который исполнялъ бы эту услугу, или наемника, который бы прислуживалъ; въ обоихъ случаяхъ неизбѣжно здѣсь нареканіе. Ибо вѣрять ли себя чужому или своему,—все не сохраняетъ закона цѣломудрія. А поелику въ восточныхъ странахъ, въ постоялыхъ дворахъ, въ гостиницахъ и городахъ много распушенности, и повода ко грѣху, то какъ можетъ быть, чтобы у ходящаго въ дыму не стало рѣзать глаза? Гдѣ оскверняется слухъ, оскверняется и зрѣніе, оскверняется и сердце, принимая непотребное чрезъ зрѣніе и слухъ. Какъ можно пройти безстрастно мѣста, гдѣ дѣйствуютъ страсти? Да и что большаго получить тотъ, кто побываетъ въ этихъ мѣстахъ, какъ будто Господь доселѣ тѣлесно обитаетъ въ нихъ, а отъ насъ удалился, или какъ будто Духъ Святой обилуетъ между Іерусалимляна-

ми, а къ намъ не можетъ перейти? Напротивъ, если заключить о присутствіи Божіемъ потому, что видимъ, то скорѣе можно бы подумать, что Богъ болѣе пребываетъ среди Каппадокійцевъ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Ибо сколько у нихъ жертвенниковъ, при которыхъ прославляется имя Божіе! Едва ли въ цѣлой почти вселенной насчитаетъ кто столько жертвенниковъ. Потомъ, еслибы ббольшая была благодать въ мѣстахъ Іерусалимскихъ, то грѣхъ не водворился бы въ живущихъ тамъ. А теперь, нѣтъ вида нечистоты, на который бы они не дерзали; у нихъ и лукавство, и прелюбодѣяніе, и воровство, и идолослуженіе и отравленіе и зависть и убійство, особенно между ними обыкновенно послѣдняго рода зло, такъ что нигдѣ нѣтъ такой готовности къ убійству, какъ въ сихъ мѣстахъ; единоплеменные подобно звѣрямъ ищутъ крови другъ друга, ради гнусной корысти.

Итакъ, тамъ гдѣ это бываетъ, чѣмъ ты докажешь, чтобы въ этихъ мѣстахъ была ббольшая благодать? Но знаю, что возражаютъ многіе противъ моихъ словъ. Они говорятъ: за чѣмъ же ты себѣ самому не предписалъ этого закона? Ибо если нѣтъ никакой пользы живущему по Богу быть тамъ, для чего ты напрасно предпринималъ такой путь? Выслушайте же мое оправданіе въ семь. Мнѣ по той необходимости, въ какой поставленъ я

жить отъ Правителя нашей жизни, случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ ради святаго собора, созваннаго для устройства церкви Аравійской. А такъ какъ Аравія сопредѣльна странѣ Иерусалимской, то я общался предстоятелямъ святыхъ Иерусалимскихъ церквей прибыть къ нимъ на совѣщаніе, такъ какъ дѣла были въ замѣшательствѣ и нуженъ былъ у нихъ посредникъ. При томъ же и благочестивѣйшій императоръ доставилъ удобство пути, давъ общественную колесницу, а потому мнѣ не было нужды терпѣть то, что, какъ узнали, терпятъ другіе. Ибо колесница была для насъ и церковью и монастыремъ, гдѣ мы всю дорогу вмѣстѣ воспѣвали Господу и постились. И такъ нами никто да не соблазняется, только болѣе долженъ быть убѣдителенъ совѣтъ нашъ, потому что мы совѣтуемъ о томъ, что видѣли своими очами. Что явившійся Христосъ есть истинный Богъ, это мы исповѣдывали и прежде чѣмъ были на мѣстѣ, и послѣ сего вѣра не уменьшилась и не увеличилась. О вочеловѣченіи чрезъ Дѣву мы знали и прежде чѣмъ были въ Вифлеемѣ; и воскресенію изъ мертвыхъ мы вѣровали прежде, нежели видѣли гробъ; что истинно было вознесеніе, исповѣдали прежде, нежели увидѣли гору Масличную. Ту только принесло намъ пользу путешествіе, что по сравненію мы узнали, что у насъ болѣе святаго, чѣмъ въ

другихъ странахъ. Посему боящіеся Господа, хвалите Его въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ находитесь. Ибо перемѣна мѣста не приближаетъ къ намъ Бога Но гдѣ бы ты ни былъ, Господь придетъ къ тебѣ, если обитель души твоей окажется такою, чтобы Господь могъ вселиться въ тебѣ и ходить (Лев. 26, 12.). А если внутренній твой человѣкъ полонъ лукавыхъ помысловъ, то хотя бы ты былъ на Голгоѣ, хотя бы на горѣ Масличной, хотя бы подъ памятникомъ воскресенія, ты столько далекъ отъ принятія Христа въ себя, сколько и тѣ, которые не исповѣдали и начала вѣры. Итакъ, возлюбленный, совѣтуй братьямъ изъ тѣла путешествовать къ Господу, а не изъ Каппадокіи въ Палестину. Если же кто выставитъ на видъ противъ сего слово Господа, заповѣдавшее ученикамъ не отлучаться отъ Іерусалима, пусть уразумѣетъ смыслъ сказаннаго. Поелику благодать Святаго Духа и раздаяніе (его даровъ) еще не было сообщено Апостоламъ, то Господь приказалъ имъ оставаться въ томъ же мѣстѣ, пока не облечутся силою свыше. Еслибы то, что было сказано, продолжалось до нынѣ, то есть, еслибы Духъ Святый раздавалъ бы каждому дары въ видѣ огня, то всѣмъ слѣдовало бы быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершается раздаяніе дарованій. А если Духъ, гдѣ хочетъ дышать, то и здѣсь увѣровавшіе дѣ-

даются причастниками дарованія, по сходству вѣры, а не по причинѣ путешествія въ Иерусалимъ.

III.

По истинѣ почтеннѣйшимъ и благоговѣннѣйшимъ сестрамъ Евстафійи и Амвросіи, и почтеннѣйшей и честнѣйшей дочери Василисѣ, Григорій *о Господь радоватися* (Дѣян. 15, 23.).

Встрѣча съ добрыми и пріятными людьми и памятники великаго человеколюбія къ намъ Господа, которые показывали мнѣ на мѣстѣ, были для меня предметомъ величайшей радости и веселія; потому что, въ томъ и другомъ, открылся для меня праздникъ Божій: и въ томъ, что я видѣлъ спасительные слѣды (пребыванія здѣсь) оживотворившаго насъ Бога, и въ томъ, что встрѣтилъ души, въ которыхъ духовно созерцаются таковыя же знаменія благодати Господней, такъ что вѣруешь, что по истинѣ въ сердцѣ того, кто имѣетъ Бога, находится Виѳеємъ, Голгофа, гора Елеонская, Воскресеніе. Ибо, въ комъ чрезъ добрую совѣсть вообразился Христосъ и кто, пригвоздивши божественнымъ страхомъ плоть свою, сораспявшись Христу и отложивъ отъ себя тяжелый камень житейской лести и вышедши изъ тѣлеснаго гроба, началъ ходить

какъ бы въ обновленіи жизни; кто, оставивъ дальнюю и низменную жизнь человѣческую, и взошедши высокою пламенною любовію въ пренебесное жительство, мудрствуя горняя, (пребываетъ тамъ) *идъже Христосъ* (Кол. 3, 2), кто не отягчаемый дебелостію плоти, болѣе чистою жизнію содѣлался на столько легкимъ, что плоть сопутствуетъ ему въ горняя подобно облаку: тотъ, по моему мнѣнію, есть самъ одно изъ вышеупомянутыхъ селеній, въ которыхъ видимы памятники человѣколюбія о насъ Господа. Итакъ, поелику я видѣлъ и чувственнымъ взоромъ святыя мѣста, видѣлъ при томъ и въ васъ явныя знаменія такихъ мѣстъ, то исполнился такой радости, которую никакое слово передать не можетъ. Но такъ какъ, по обыкновенію, для человѣка трудно, если не сказать невозможно, наслаждаться какимъ-либо благомъ безъ примѣси зла: то и у меня, ко вкушенію сладкаго примѣшалось нѣкоторое ощущеніе горькаго; отъ чего, послѣ пріятнаго наслажденія радостнымъ, снова возвращался я въ отечество опечаленнымъ, рассуждая, что справедливо слово Господне: *весь міръ во зль лежитъ* (1 Іоанн. 5, 19), такъ что никакая часть вселенной не свободна отъ своей доли зла. Ибо, если мѣсто, принявшее святой слѣдъ истинной жизни, не свободно отъ злаго тернія, что же должно думать о прочихъ мѣстахъ, которымъ участіе

въ благѣ сообщено посредствомъ одного только слышанія и проповѣданія? Чтò имѣя въ виду, говорю я это, о томъ совершенно нѣтъ никакой нужды излагать на словахъ, такъ какъ самыя дѣла явственнѣе всякаго громкаго голоса гласятъ объ этихъ прискорбныхъ (вещяхъ). Одну вражду узаконилъ намъ Законоположникъ нашей жизни, — разумѣю вражду ко змію, и ни въ чемъ другомъ не повелѣлъ намъ проявлять силу ненависти, какъ только въ отвращеніи отъ зла. *Вражду положу*, говоритъ онъ, *между тобою* и между нимъ (Быт. 3, 15.). Такъ какъ зло различно и многовидно, то слово Божіе даетъ разумѣть его подъ образомъ змія, густымъ наслоеніемъ чешуи его означая многообразіе зла. Но мы, исполненіемъ желаній противника, сдѣлались союзниками змія, а ненависть обратили другъ на друга, лучше же сказать не на себя, но на Того, Кто далъ заповѣдь. Ибо Онъ говоритъ: *возлюбивши искренняго твоего и возненавидивши врага твоего* (Мѡ. 5, 43), повелѣвая признавать врагомъ одного только противника нашей природы, а всякаго, кто имѣетъ общее съ нами естество, называя ближнимъ каждаго изъ насъ. Но жестокосердый нашъ вѣкъ, удаливъ насъ отъ ближняго, сдѣлалъ то, что мы пригрѣваемъ змія и услаждаемся пестротю его чешуей. Я говорю о томъ, что ненависть къ врагамъ Божіимъ законна, и тако-

го рода ненависть угодна Господу. Врагами же я называю всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ отрицаетъ славу Господа,—будутъ ли то Іудеи, или явные идолопоклонники, или, по ученію Арія, дѣлающіе для себя идоломъ тварь и воспроизводящіе заблужденіе іудейское. Если же Отець, Сынъ и Святой Духъ благочестиво чествуются и принимаютъ поклоненіе отъ вѣрующихъ, и въ несліянной и нераздѣльной Святой Троицѣ признается единое и естество и слава и царство и власть надъ всѣми: то вражда можетъ ли быть оправдана основательною причиною? Когда преобладали еретическіе догматы, тогда съ опасностію для себя противодѣйствовать властямъ, (которыми, казалось, поддерживалось ученіе противниковъ) чтобы не порабощено было властями человѣческими спасительное слово, было дѣломъ хорошимъ; нынѣ же, когда благочестіе явно проповѣдуется по всей вселенной, отъ одного края неба до другаго, враждующій противъ проповѣдниковъ благочестія ведетъ брань не съ ними, но съ Тѣмъ, Кто благочестиво проповѣдуется ими. Ибо, какая иная должна быть цѣль у того, кто имѣетъ божественную ревность, какъ не та, чтобы всѣми способами возвѣщать славу Божию? Ибо до тѣхъ поръ, пока Единородному Богу воздается поклоненіе отъ всего сердца, душ и

и помышленія, съ вѣрою отъ всѣхъ, что Онъ есть тоже, что и Отецъ; равнымъ образомъ, до тѣхъ поръ пока и Духъ Святой прославляется единочестнымъ поклоненіемъ, — безъ мѣры мудрствующіе могутъ ли имѣть какой благовидный поводъ къ войнѣ, раздирая не нешвенный хитонъ, раздѣляя имя Господа между Павломъ и Киѳою, гнушаясь приближеніемъ къ тѣмъ, которые поклоняются Христу и едва открыто не провозглашая этого словами: «дальше отъ меня, не приближайся ко мнѣ; ибо я чистый!» Да дастся же имъ приобрѣсти нѣсколько болѣе знанія, чѣмъ то, какого, по своему мнѣнію, они достигли. И какое знаніе больше того, какъ вѣровать, что истинный Сынъ Божій есть истинный Богъ? Съ исповѣданіемъ Его истиннымъ Богомъ соединяются всѣ благочестивыя и спасающія насъ понятія: что Онъ есть благъ, праведенъ, силенъ, не измѣняемъ, не дѣлается инымъ, всегда тотъ же, не можетъ измѣниться ни къ худшему, ни къ лучшему, потому что первое противно его природѣ, а второе невозможно; ибо что можетъ быть выше высочайшаго; что совершеннѣе всего временнаго? Такъ что созерцаемый во всемъ совершенствѣ блага, Онъ въ отношеніи ко всякому виду измѣненія имѣетъ свойство неизмѣнности и не въ одно какое-либо время проявилъ ее въ себѣ, но всегда былъ тако-

вымъ же: и до времени домостроительства (спасенія) и при самомъ домостроительствѣ, и послѣ того; ничего въ своемъ неизмѣнномъ и непремѣняемомъ естествѣ Онъ не измѣнилъ въ несоотвѣтствующій сему естеству видъ, въ дѣйствованіяхъ по отношенію къ намъ. Ибо нетлѣнность и неизмѣняемость по естеству всегда остается тою же и не измѣняется вмѣстѣ съ природою низшею, когда соединяется съ нею по домостроительству, подобно солнцу, которое, бросая лучъ во мракъ, не омрачаетъ свѣтъ луча, но превращаетъ посредствомъ луча мракъ во свѣтъ. Такъ и свѣтъ истинный, возсіявшій во тмѣ нашей, не помрачался самъ темнотою, но освѣтилъ собою мракъ. Поелику же родъ человѣческій былъ во тмѣ, какъ написано: *не познаша ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Псал. 81, 5); то освѣтившій омраченную природу, проведши лучъ божества во весь составъ нашъ, — разумѣю душу и тѣло, содѣлалъ человѣчество причастникомъ въ собственномъ свѣтѣ, чрезъ тѣсное единеніе съ собою содѣлавши его тѣмъ, что и Самъ. И какъ Божество не подверглось тлѣнію, будучи въ тлѣнномъ тѣлѣ, такъ и не содѣлалось инымъ и не измѣнилось, врачуя измѣняемость души нашей. Такъ и во врачебномъ искусствѣ занимающійся лѣченіемъ тѣла, хотя прикасается къ болящему, но самъ не дѣлается больнымъ,

но исцѣляетъ больного. Да не подумаетъ однако кто-нибудь, превратно понимая изреченіе Евангелія, что природа наша во Христвѣ въ слѣдствіе усовершенія послѣдовательно, мало-по-малу, претворялась въ болѣе божественную; потому что выраженія: «преуспѣвать *возрастомъ премудростію и благодатію*» (Лук. 2, 52), употребляются въ повѣствованіи Писанія для доказательства того, что Господь истинно воспріялъ нашу природу, дабы не имѣло мѣста мнѣніе утверждающихъ, будто вмѣсто истиннаго богоявленія, явился нѣкоторый призракъ, имѣющій видъ тѣлеснаго образа. Посему-то писаніе не стыдится повѣствовать о Немъ то, что свойственно нашей природѣ, (упомяная) о яденіи, о питіи, снѣ, утомленіи, питаніи и преуспѣяніи въ тѣлесномъ возрастѣ, возрастаніи, обо всемъ, что составляетъ отличительную принадлежность нашей природы, кромѣ влеченія ко грѣху. Ибо грѣхъ не есть существенное свойство нашей природы, но уклоненіе отъ нея. Подобно тому какъ и болѣзнь и уродство не отъ начала прирождены нашей природѣ, но составляютъ противоестественное явленіе; такъ и дѣятельность, направленную ко злу, должно признавать какъ бы какимъ искаженіемъ врожденнаго намъ добра; зло мы понимаемъ не какъ нѣчто самостоятельное въ нашей природѣ, но смотримъ на него какъ на

отсутствие только добра. Посему, преобразовавшею нашу природу, давъ ей божественную силу, сохранилъ ее въ себѣ свободною отъ недостатковъ и болѣзни, не принявъ поврежденія воли, происшедшаго отъ грѣха. Онъ *грѣха не сотвори*, говоритъ Писаніе, *ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22.). И это свойство мы усматриваемъ въ немъ не по истеченіи какого-либо промежутка времени, но тотчасъ, какъ содѣлался, (воплотившись) въ Маріи, человѣкомъ, въ которомъ премудрость создала себѣ домъ. По природѣ человѣческой Онъ произошелъ изъ вещества страстямъ подлежащаго, но вмѣстѣ съ наитіемъ Святаго Духа и осѣненіемъ силою Вышняго, содѣлался тотчасъ тѣмъ, чѣмъ былъ по естеству своему осѣнившій Его. Ибо *безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7.).

Итакъ поелику сила Божества есть нѣчто безконечное и неизмѣримое, а человѣческое естество скоротечно и ничтожно, то какъ скоро Духъ снисшелъ на Дѣву и Сила Вышняго осѣнила Ее, скинія, водруженная такимъ способомъ, не привлекла къ себѣ ничего изъ человѣческой тлѣнности, такъ что въ семъ составѣ, хотя и былъ человѣкъ, но въ то же время былъ и Духъ и благодать и сила; особенность нашей природы осіявалась (въ немъ) преизбыткомъ божественной силы. И поелику

существуютъ два предѣла человѣческой жизни: одинъ съ котораго начинаемъ и другой когда перестаемъ жить: то необходимо было Врачующему всю нашу жизнь, обнять насъ съ этихъ двухъ предѣловъ, чтобы, принявши наше начало и конецъ, съ той и другой стороны вознести горѣ долу лежащаго. Итакъ, что мы видимъ, при концѣ земнаго бытія, тоже разсуждаемъ и о началѣ его. Ибо, какъ тамъ по домостроительству (спасенія) онъ попустилъ расторженіе тѣла отъ души, причемъ недѣлимое Божество, разъ соединившись съ нашимъ естествомъ, не разлучилось ни отъ души ни отъ тѣла, но будучи съ душою въ раю, чрезъ разбойника открыло входъ въ него людямъ, тѣломъ же находясь въ сердцѣ земли, уничтожило имущаго державу смерти (почему и самое тѣло называется Господомъ, вслѣдствіе присутствія въ немъ Божества): такъ и о душѣ разсуждаетъ, что сила Вышняго, чрезъ наитіе Святаго Духа, примѣшавшись ко всему нашему естеству, стала существовать и въ душѣ нашей, какъ прилично ей быть въ душѣ, и соединилась съ тѣломъ, чтобы спасеніе наше было всецѣлымъ во всѣхъ отношеніяхъ, причемъ, какъ и въ началѣ человѣческой жизни такъ и въ концѣ ея, Божество сохраняетъ богоприличное и высокое безсмертіе. Ибо ни начало Его жизни не подобно началу нашей, ни ко-

нецъ его—нашему концу, но какъ тамъ, такъ и здѣсь Онъ проявилъ божескую власть, такъ какъ начало его не было осквернено страстію, ни конецъ не окончился истлѣніемъ. Итакъ, если мы провозглашаемъ и свидѣтельствуемъ, что Христосъ Божія сила и Божія премудрость, всегда неизмѣненъ, всегда нетлѣненъ, хотя и пребывалъ въ тлѣнномъ тѣлѣ, неоскверняемый самъ, но очищая оскверненное: что же несправедливаго въ томъ, и за что насъ ненавидятъ? И что значитъ это устроеніе противъ насъ новыхъ жертвенниковъ? Развѣ мы проповѣдуемъ инаго Іисуса, или другаго указываемъ? Развѣ мы изъясняемъ другія писанія? Развѣ кто изъ насъ осмѣлился назвать Святую Дѣву Богородицу челоуѣкородицею, какъ слышимъ дерзко называютъ ее нѣкоторые изъ нихъ? Развѣ мы баснословимъ о трехъ воскресеніяхъ? Или возвѣщаемъ тысячелѣтнее объяденіе? Или говоримъ о возстановленіи снова іудейскаго закланія въ жертву животныхъ? Развѣ мы обращаемъ надежды людей къ дольному Іерусалиму, измышляя возстановленіе его изъ вещества болѣе прекраснаго, чѣмъ камни? Есть ли что-нибудь такое за нами, за что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣдуетъ бѣжать отъ насъ и воздвигать противъ насъ другой жертвенникъ, какъ будто мы оскверняемъ святыню? Чувствуя раздраженіе и скорбь въ сердцахъ

отъ такихъ (несправедливостей), я тотчасъ, по возвращеніи въ свой главный областной городъ, положилъ написать къ любви вашей, чтобъ освободить отъ горечи свою душу. Вы же пребывайте въ томъ, къ чему будетъ руководствовать васъ Духъ Святый, ходя вслѣдъ Бога, не прилагаясь плоти и крови, не подавая нѣкоторымъ повода хвалиться (вами), чтобы они не хвалились въ васъ и славлюбіе ихъ не возрастало отъ вашей жизни. Вспомните о святыхъ отцахъ, которымъ вы поручены блаженнымъ отцомъ вашимъ и которыхъ мы удостоились по благодати Божіей быть преемниками. Не преступайте предѣловъ, которые положили отцы наши, не пренебрегайте языкомъ болѣе простаго проповѣданія и не отдавайте предпочтенія различнымъ послѣдующимъ ученіямъ, но согласуйтесь съ древнимъ правиломъ вѣры, и Богъ мира да будетъ съ вами, здоровыми душою и тѣломъ. Господь да сохранитъ васъ въ неплѣннѣи, о чемъ и молимся.

IV.

Къ Евсевію.

Когда, въ зимнюю пору, начинается продолжительность дня, съ посте-

пеннымъ возвышеніемъ солнца на небосклонѣ, тогда мы празднуемъ Богоявленіе истиннаго свѣта, возсіявшаго человѣческой жизни во плоти: нынѣ же, когда свѣтило уже достигло въ (своемъ) теченіи середины неба, такъ что и день и ночь въ отношеніи одинъ къ другой имѣютъ равную мѣру продолжительности, восхождение человѣческаго естества отъ смерти къ жизни дѣлается для насъ предметомъ того великаго и вселенскаго праздника, который совершаетъ въ это время весь родъ человѣческій, принявшій таинство воскресенія. Какой же будетъ предметъ моего посланія? Такъ какъ есть обыкновеніе въ эти всенародныя священномѣсячія выражать всѣми способами присущее душамъ нашимъ расположеніе, а многіе ознаменовываютъ свое веселіе приношеніемъ отъ себя даровъ, то и мы признали приличнымъ не пройти мимо тебя, не одаривши нашими дарами, но привѣтствовать твою высокую и великомудрую душу бѣднымъ приношеніемъ отъ нашей скудости. Приношеніе же наше предлагаемъ тебѣ въ этомъ письмѣ; а это письмо такого рода, что въ немъ нѣтъ ни одного слова, украшеннаго благозвучными и искусно сложенными выраженіями, за что посланіе могло бы считаться подаркомъ у словесниковъ: но да будетъ тебѣ даромъ таинственное золото, обвернутое какъ бы какою повязкою, вѣрою

христіанскою; я же постараюсь посредствомъ сего письма, сколько возможно, раскрыть и обнаружить сокровенный его блескъ. И такъ намъ нужно обратиться опять къ началу (письма). Что значить, что именно въ то время, когда ночь достигла самага высшаго предѣла и уже перестаетъ увеличиваться въ своей продолжительности, является намъ во плоти объемлющій все, и надъ всѣмъ владычествующій своею силою, необъемлемый даже всѣми умными (силами), но все содержащій и вселившійся въ тѣснѣйшемъ жилищѣ, такъ что великая сила содѣйствуетъ благой волѣ, и равнымъ образомъ куда только ни склоняется воля, необходимо, подобно тѣни, сопровождаетъ ее и слава; причемъ ни въ твореніи сила не оказывается слабѣ хотѣнія, ни въ намѣреніи снизойти до уничиженнаго естества нашего, по благодѣянію къ людямъ, не оказывается бессильною для этой цѣли, но являясь и въ этомъ состояніи, не оставляетъ и вселенную безъ управленія? Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, есть какая-нибудь причина (въ пріуроченіи праздниковъ) къ тому и другому времени, то почему въ то время Христось является во плоти, а въ равноденствіе, опять возстановляетъ къ жизни чловѣка, разрѣшившагося нѣкогда въ землю чрезъ грѣхъ? Изложивши (причину сего) въ словѣ, сколько возможно короче, самое писаніе пред-

ставлю тебѣ вмѣсто дара. Конечно, ты уже предугадалъ, своею проникательностію, тайну, заключающуюся въ томъ, что постепенное увеличеніе ночи прекращается съ приращеніемъ свѣта и тма начинаетъ уменьшаться съ постепеннымъ увеличеніемъ дневной продолжительности? И для многихъ другихъ также, быть-можетъ, ясно, что тьма имѣетъ нѣчто сродное съ грѣхомъ, почему зло и называется этимъ именемъ въ Писаніи. Посему нѣкоторымъ объясненіемъ домостроительства о душахъ нашихъ, можетъ служить время, въ которое начинается таинство (нашего спасенія). Ибо, при безмѣрномъ уже распространеніи зла, нужно было, чтобы и для насъ начался день добродѣтельной жизни, при помощи Того, Кто вложилъ въ души наши такой свѣтъ, такъ чтобы свѣтлая жизнь, увеличиваясь преуспѣяніемъ въ добрѣ, расширялась бы какъ можно пространнѣе, а жизнь во злѣ, чрезъ постепенное уменьшеніе, сокращалась до самыхъ малыхъ размѣровъ; потому что увеличеніе добра есть уменьшеніе зла. Равноденствіе же, бывающее въ праздникъ воскресенія, даетъ понять собою, что зло, съ равными силами вступивши въ борьбу съ добромъ, уже не будетъ противостоять ему, какъ равное равному, но свѣтлая жизнь будетъ преодолевать, съ прекращеніемъ мрака идолопоклонства, съ увеличеніемъ дня. По-

чему и луна, совершивши свое теченіе въ продолженіи четырнадцати дней, обращается лицомъ къ солнечнымъ лучамъ, вполне принимая на себя все обиліе блеска и ни въ одной своей части не оставляя мѣста для мрака. Смѣнивъ собою заходящее солнце, она не прежде заходитъ сама, какъ смѣшавши собственные лучи съ истинными лучами солнца, чтобы такимъ образомъ постоянно продолжался одинъ свѣтъ, въ продолженіи какъ ночнаго, такъ и дневнаго времени непрерываемый вторженіемъ тмы. Такое слово, любезная глава, приносимъ мы тебѣ въ даръ нашею скудною рукою. Да будетъ тебѣ вся жизнь праздникомъ и великимъ днемъ, сколько возможно болѣе чуждымъ ночнаго мрака.

V.

Къ недоувѣряющимъ (его) православію въ
Севастіи.

Нѣкоторые изъ единокоренныхъ съ нами братьевъ извѣстили насъ о злорѣчій противъ насъ, распространяемомъ людьми ненавидящими миръ, тайно оговаривающими своихъ ближнихъ и не боящимися страшнаго и великаго судилища Того, Кто возвѣстилъ, что потребуеть отчетъ даже въ праздныхъ словахъ,

при будущемъ судѣ нашей жизни. Они говорятъ, что вины наши, о которыхъ разглашаетъ молва, состоятъ въ слѣдующемъ: что мы мыслимъ противно (Отцамъ), изложившимъ въ Никеѣ правую и здравую вѣру и приняли безъ разсужденія и испытанія въ общеніе вселенской церкви людей, имѣвшихъ нѣкогда собранія въ Анкирѣ (называемыхъ) по имени Маркелла. Посему, чтобы ложь не восторжествовала надъ истиною, мы въ другихъ писаніяхъ представили достаточное оправданіе во взводимыхъ на насъ обвиненіяхъ и утверждали, (призывая въ свидѣтели) Господа, что не отступали отъ вѣры святыхъ отцевъ, и не сдѣлали ничего безъ разсужденія и испытанія относительно принятыхъ въ церковное общеніе изъ сборища Маркеллова, но все сдѣлали въ согласіи съ православными и сослужителями нашими на востокѣ, которые поручили намъ заняться дѣломъ этихъ людей и одобрили сдѣланное нами. Поелику въ то время, какъ мы письменно издали оную апологію, нѣкоторые изъ единомысленныхъ намъ братьевъ опять потребовали, чтобы мы отдѣльно и собственными словами представили изложеніе вѣры, которое вполне убѣдило бы, что мы во всемъ слѣдуемъ богодухновеннымъ писаніямъ и преданію отцевъ, то мы признали нужнымъ кратко разсудить и объ этомъ. Мы исповѣдуемъ, что ученіе Господа, кото-

рое онъ предложилъ ученикамъ, предавши имъ таинство благочестія, есть основа и корень правой и здравой вѣры, и вѣруемъ, что нѣтъ ничего ни выше ни тверже сего преданія. Ученіе же Господа таково: *шедше, говоритъ, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѣ. 28, 19.). Итакъ, поелику животворящая сила, при возрожденіи отъ смерти къ вѣчной жизни дѣйствуетъ чрезъ Святую Троицу въ удостоившихся съ вѣрою благодати, и равнымъ образомъ несовершенна благодать, когда одно какое-либо изъ именъ Святыя Троицы опускается въ спасительномъ крещеніи; (ибо не безъ Духа во единомъ Сынѣ и Отцѣ совершается таинство возрожденія; ни безъ упоминовенія о Сынѣ, во Отцѣ и Духѣ, происходитъ совершеніе жизни въ крещеніи; также ни въ Отцѣ только и Сынѣ съ опущеніемъ Духа, достигается благодать воскресенія): то, посему, всю надежду и увѣренность въ спасеніи душъ нашихъ мы имѣемъ въ трехъ ипостасяхъ, означаемыхъ сими именами, и вѣруемъ во Отца Господа нашего Иисуса Христа, который есть источникъ жизни, и во единороднаго Сына Отчаго, который есть *начальникъ жизни*, какъ говоритъ Апостоль (Дѣян. 3, 15), и въ Святаго Духа Божія, о которомъ сказалъ Господь, что *Духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63.). И поели-

ку для насъ, искупленныхъ отъ смерти, благодать нетлѣннѣя, какъ мы сказали, совершается въ спасительномъ крещеніи чрезъ вѣру въ Отца, Сына и Святаго Духа; то руководимые симъ мы вѣруемъ, что къ Святой Троицѣ не соприсчисляется ничего служебнаго, ничего тварнаго, ничего недостойнаго величія Отца: поелику едина есть жизнь наша, которой достигаетъ чрезъ вѣру во Святую Троицу, истекающая изъ Отца всѣхъ, происходящая чрезъ Сына и совершаемая во Святомъ Духѣ. Имѣя такое убѣжденіе, крещаемся, какъ повелѣно, вѣруемъ же какъ крещаемся, а славословимъ какъ вѣруемъ, такъ что и крещеніе и вѣра и славословіе единогласно бываетъ во (имя) Отца, Сына и Святаго Духа. Если же кто говоритъ, что два или три Бога или три Божества, да будетъ анаѣема. И кто, согласно съ развращеннымъ ученіемъ Арія, говоритъ, что Сынъ или Духъ Святыи произошли изъ не сущаго, да будетъ анаѣема. Тѣ же, которые согласуются съ правиломъ истины и исповѣдаютъ три ипостаси, познаваемыя благочестиво въ ихъ собственныхъ свойствахъ, и вѣруютъ, что едино есть Божество, единая благодать, единое начало и власть и сила, тѣ которые не отвергаютъ державы единоначалія, и не впадаютъ въ многобожіе, не сливаютъ ипостасей, и не слагаютъ Святой Троицы изъ инородныхъ и

несходныхъ (сущностей), но въ простотѣ принимаютъ догматъ вѣры, ввѣряя всю надежду спасенія своему Отцу Сыну и Святому Духу, — таковыя по нашему сужденію, мыслятъ одинаково съ нами; съ ними и мы молимся имѣть часть въ Господѣ.

VI. *)

Какъ и слѣдовало ожидать, Господь сохранилъ насъ, напутствованныхъ твоими молитвами, и я расскажу тебѣ о ясномъ свидѣтельствѣ Божія къ намъ благоволенія. Ибо какъ только показалось солнцу надъ тѣмъ мѣстомъ, которое мы оставили за собою, нашли большія тучи и ясная погода смѣнилась глубокимъ мракомъ. Холодный вѣтеръ, подувшій изъ тучи, влажный, обдававшій сыростью наши тѣла, грозилъ и дождемъ, какого еще не было; по лѣвую сторону слышенъ былъ немолкаемый громъ, а ослѣпительныя и непрерывныя молніи предшествовали ударамъ грома; всѣ же горы и впереди и назади и со всѣхъ сторонъ были покрыты облаками. Но небольшое облако, бывшее надъ нашею го-

*) Въ нѣкоторыхъ спискахъ это письмо подписывается „Авлавію.“ Оно писано или послѣ возвращенія св. Григорія изъ заточенія (ок. 378 г.), или послѣ Собора II вселенскаго (381 г.).

ловою, разрѣшилось дождемъ послѣ того, какъ унесено было сильнымъ вѣтромъ, и мы, подобно Израильтянамъ; чудесно водимымъ Богомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ водами, немокренно совершали путь до Вестины. Уже тогда, когда мы остановились здѣсь и дали отдыхъ муламъ, Богъ попустилъ итти проливному дождю. Послѣ того какъ мы провели здѣсь три или четыре часа и достаточно отдохнули, Богъ опять удержалъ дождь, и повозка покатила еще быстрѣе, чѣмъ прежде, потому что по сырой и слегка смоченной дождемъ землѣ, колеса катились гораздо легче. Дорога отъ этого мѣста до нашего города вся идетъ берегомъ рѣки, направляясь по теченію ея. По берегамъ рѣки постоянно встрѣчаются селенія; всѣ они расположены при дорогѣ и находятся другъ отъ друга на небольшомъ разстояніи. Вся эта дорога, вслѣдствіе частыхъ жилищъ на ней, постоянно наполнена людьми, которые то встрѣчали, то сопровождали насъ и къ радости примѣшивали обильныя слезы. Небольшой дождикъ освѣжилъ воздухъ; а недалеко до городка, нависшее облако разрѣшилось сильнѣйшимъ ливнемъ, такъ что пріѣздъ нашъ совершился тихо, когда никто не ожидалъ нашего прибытія. Но какъ только мы вѣхали подъ портикъ и послышался шумъ отъ нашей повозки вслѣдствіе сухости почвы, не знаю отку-

да и какъ, какъ бы чудомъ какимъ во множествѣ появился народъ, столпившійся вокругъ насъ со всѣхъ стóронъ, такъ что намъ невозможно было даже сойти съ повозки; ибо нельзя было найти мѣста, не занятаго народомъ. Едва намъ удалось упросить, — дать намъ возможность выйти изъ повозки и дать дорогу нашимъ муламъ; такъ были мы стѣснены со всѣхъ сторонъ стекшимся народомъ, что чрезмѣрное расположеніе къ намъ чуть не сдѣлалось причиною обморока. Когда же идя по галлерей мы очутились недалеко отъ входа (въ церковь), то увидѣли огненный потокъ, текущій въ церковь; ибо хоръ дѣвственницъ, неся въ рукахъ восковыя свѣчи, правильными рядами подвигался ко входу церковному, со всѣхъ сторонъ освѣщенный огнями. Вошедши же въ церковь и раздѣлившись съ народомъ и радость и слезы (ибо невозможно было не испытать того и другаго, видя выраженіе тѣхъ же чувствъ), я вмѣстѣ и кончилъ молитвы и мучимый жаждою поспѣшилъ начертать твоей святости сіе письмо, чтобы послѣ письма заняться удовлетвореніемъ потребности своего тѣла.

VII. *)

У насъ есть законъ повелѣвающій: плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися (Рим. 12, 15); но изъ двухъ частей этого закона у насъ, обыкновенно, находятъ приложение въ жизни только одна; потому что радующихся очень мало, такъ что нелегко найти такихъ, которымъ мы могли бы сочувствовать въ ихъ счастіи; исполняющихъ же другую часть—великое множество. Это говорю я въ видѣ предисловія къ той несчастной трагедіи, которую какой-то злой демонъ разыгралъ среди тѣхъ, которые издавна извѣстны были своимъ благородствомъ. Юноша благороднаго происхожденія, по имени Синезій, не чуждый моему роду, въ цвѣтѣ лѣтъ, почти еще не начавшій жить, находится въ великой опасности, отъ которой избавить его можетъ одинъ только Богъ, а послѣ Бога ты, которому ввѣрена власть утверждать приговоръ о смерти и жизни. Несчастіе случилось невольно; да и кто добровольно желаетъ быть несчастнымъ? И теперь несчастіе вмѣняютъ ему въ преступленіе тѣ, кото-

*) Вероятно писано къ Кинегію,—префекту Преторіи (384 — 390 г.), какъ и послѣдующія 9 и 10.

рые затѣяли противъ него этотъ уголовный процессъ. Но этихъ я собственными своими письмами попытаюсь убѣдить оставить гнѣвъ; тебя же прошу, чтобы твое благорасположеніе было неразлучно съ справедливостью въ отношеніи къ намъ, дабы надъ бѣдствіемъ юноши одержало верхъ твое челоуѣколюбіе, изобреѣсти всѣ средства, чтобы юноша избавился отъ опасности, побѣдивши при твоёмъ содѣйствіи злаго демона, возставшаго противъ него. Вкратцѣ я сказалъ все, чего желаю; разсуждать же въ подробности о томъ, какъ бы лучше привести къ концу это дѣло, не стану: ибо не мнѣ говорить объ этомъ, и не тебѣ—выслушивать наставленія.

VIII.

Чѣмъ въ особенности возбуждаетъ удивленіе мудрецовъ царь македонскій (ибо удивляются не столько его побѣдамъ въ Мидіи и его подвигамъ въ Индіи и по берегамъ океана, сколько его изреченію, что въ друзьяхъ заключается его сокровище), тѣмъ и я самъ осмѣливаюсь превозноситься; что касается до этого дивнаго изреченія его, то и мнѣ прилично сказать тѣ же слова. Потому что я богатъ друзьями, и можетъ быть этимъ стяжаніемъ превосхожу даже того, кто хвалился

этимъ. Былъ ли у него такой другъ, какъ у меня ты, который стремится превзойти самаго себя во всякомъ родѣ добродѣтелей? Никто конечно не можетъ эти мои слова заподозрить въ лесть, если обратитъ вниманіе на мои лѣта, и на твою жизнь: ибо лесть уже не пристала съдвинѣ и старость неспособна къ льстивымъ рѣчамъ; похвала же тебѣ, хотя бы то было въ пору лести, не можетъ быть заподозрѣна въ ласкательствѣ, когда жизнь лучше всякихъ словъ говорить о твоихъ достоинствахъ. А такъ какъ богатымъ свойственно умѣнье пользоваться тѣми благами, которыя они имѣютъ; самое же лучшее употребленіе богатства состоитъ въ предложеніи друзьямъ тѣхъ благъ, которыми владѣешь; другъ же болѣе всѣхъ близкій мнѣ по благородству во всѣхъ отношеніяхъ,—возлюбленнѣйшій сынъ Александръ: то позволь мнѣ показать ему мое сокровище, и не только показать, но и дать ему возможность изобильно насытиться имъ, когда ты окажешь ему свое содѣйствіе въ томъ, ради чего онъ идетъ къ тебѣ, нуждаясь въ твоёмъ покровительствѣ. Но онъ расскажетъ все самъ; ибо такъ будетъ гораздо приличнѣе, чѣмъ мнѣ писать въ этомъ письмѣ обо всемъ подробно.

IX. *)

Говорятъ, что актеры въ театрахъ производятъ такія чудныя вещи: взявши рассказъ изъ исторіи, или какое-нибудь изъ древнихъ повѣствованій содержаніемъ своей удивительной игры, они самымъ дѣйствиємъ рассказываютъ зрителямъ исторію и представляютъ такимъ образомъ въ лицахъ историческія событія. Надѣвая костюмы и маски и при помощи занавѣсовъ представляя нѣкоторое подобіе города близь оркестра, и приспособляя открытое мѣсто сцены для живаго подражанія дѣйствию, возбуждаютъ удивленіе въ зрителяхъ; сами они подражаютъ историческимъ дѣяніямъ, а занавѣсы представляютъ какъ бы городъ. Но къ чему веду я объ этомъ рѣчь? Такъ какъ намъ необходимо не городъ показать приходящимъ какъ бы городомъ; то я прошу тебя сдѣлаться на время жителемъ нашего города, хотя бы только показаться имъ, (я же постараюсь, чтобы пустынное мѣсто показалось городомъ): потому что для тебя и путь невеликъ и удовольствіе, которое ты доставишь, весьма значительно. Ибо мы желаемъ показать себя са-

*) Въ спискѣ Медшейскомъ надписывается: „Стагирию.“

нихъ гостямъ въ возможномъ блескѣ, украшая себя, вмѣсто всякаго другаго украшенія, вашимъ блескомъ.

Х.

Какіе цвѣты, какіе голоса пѣвчихъ птицъ столько пріятны весною, ласкаютъ ли затихшее море столько легкіе и пріятные вѣтры, увеселяетъ ли столько земледѣльца поле, или обильное посѣвомъ, или волнующееся плодородными колосьями, сколько отрадна среди скорби, для жизни нашей духовная весна, возникающая отъ умиротворяющаго твоего свѣта, благодаря блеску твоихъ писемъ? Такимъ образомъ можетъ быть прилично будетъ намъ примѣнить къ настоящимъ благамъ пророческое слово: *по множеству болзней въ сердцѣ утѣшенія* Божія, благодаря добротѣ твоей, *возвеселиши душу* нашу (Ис. 93, 19); подобно лучамъ солнечнымъ согрѣвая нашу жизнь, замерзшую отъ холода. Ибо то и другое одинаково достигло высшей степени, говорю о тягости нашихъ скорбей и о сладости твоей доброты. И если только благою вѣстію о своемъ прибытіи ты столько обрадовалъ насъ, что во всемъ у насъ крайняя печаль смѣнилась свѣтлою радостію; то чего не сдѣлаешь одинъ видъ твой, когда прибу-

дешь къ намъ ты, мужъ достопочтенный и добрѣйшій. Какое утѣшеніе получить душа наша, внимая сладкому твоему голосу! Но да исполнится все это какъ можно скорѣе при помощи Божіей, подающей малодушнымъ успокоеніе и сокрушеннымъ отраду! А о насъ знай, что когда мы взглянемъ на себя, то сильно скорбимъ о настоящихъ обстоятельствахъ, да и враги наши не перестаютъ (преслѣдовать насъ); но когда обращаемся мыслями къ твоей досточтимости, то исповѣдуемъ, что велика милость все устрояющаго ко благу Владыки, потому что намъ позволено по сосѣдству насладиться твоимъ пріятнымъ и добрымъ расположеніемъ къ намъ и сколько угодно до избытка насытиться такою пищею, еслибы только возможно было когда-нибудь насытиться ею!

XI. *)

„Добрые боги, какой вы мнѣ день даровали! О радость! Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой, другъ съ другомъ о храбрости спорять. **)

Пріискивая, какое бы сдѣлать приличное и прямо свойственное письму начало, я въ при-

*) Надписывается: „Евпатрію Схоластику,“ вѣроятно еще язычнику.

***) Одиссея. Пѣснь XXIV, ст. 510.

вычныхъ для меня чтеніяхъ, говорю о (Священномъ) Писаніи, не могъ найти ничего такого, чѣмъ бы воспользоваться; не потому, чтобы не могъ тамъ найти ничего подходящаго, но потому, что считаю излишнимъ писать подобное незнающимъ (писаній). Ибо занятія внѣшними науками служатъ намъ доказательствомъ того, что ты не имѣешь ни малѣйшаго попеченія о наукахъ божественныхъ. Итакъ я не буду говорить съ тобой о нихъ, а начну рѣчь съ твоей ученостью о знакомомъ тебѣ. Учитель вашей науки изображаетъ, какъ нѣкто по обычаю старцевъ, радовался послѣ продолжительной своей скорби, видя предъ собою сына своего и вмѣстѣ внука отъ этого сына, который служить предметомъ радости. Состязаніе Одиссея съ Телемакомъ о первенствѣ въ храбрости, которое еще памятно Кефаллинамъ, очень пригодно для цѣли нашего слова. Потому что ты и твой достойный всякаго удивленія отецъ, раздѣливши меня нынѣ между собою, какъ тѣ Лаерта, стараетесь превзойти всѣхъ благородныхъ мужей въ почтительности и благосклонности ко мнѣ, онъ оттуда, а ты изъ Каппадокіи, осылая меня письмами. Что же я, старецъ? Самымъ счастливымъ считаю тотъ день, въ который вижу такое соревнованіе сына съ от-

цемъ. Итакъ никогда не переставай оправдывать справедливыя желанія относительно тебя добраго и дивнаго отца и старайся превзойти отеческую славу прекрасными подвигами. Для васъ обоихъ я буду пріятнымъ судьей: тебѣ отдавая предпочтеніе предъ отцомъ, отцу же—предъ тобою. Мы же представимъ собою Итаку, страну грубую не столько вслѣдствіе каменистой почвы, сколько вслѣдствіе грубости нравовъ жителей; въ ней много жениховъ и истребителей достоянія женщины, за которую они сватаются, и тѣмъ самымъ оскорбляющихъ невѣсту, что грозятъ цѣломудрію бракомъ, поступая, какъ думаю, достойно какой-нибудь Меланѣ *) или другой подобной. А владѣющаго въ совершенствѣ лукомъ нѣтъ нигдѣ! Какъ я разговаривался по старческому обыкновенію о предметахъ, нисколько намъ неприличныхъ! Но да простится мнѣ это снисходительно ради моей старости! Ибо естественно, что у стариковъ, какъ зрѣніе слабѣетъ и всѣ члены отъ разслабленія старческаго опускаются, такъ и въ разговорѣ является болтливость. Ты же, какъ прилично юношѣ, встрѣтивъ насъ быстрыми и оживленными рѣчами, какъ бы помолодишь старость, прекраснымъ и при-

*) Служанка Пенелопы, угрожавшая Одиссею ударами, если онъ не удалится изъ дома.

личнымъ попеченіемъ о старости оказывая помощь преклонному возрасту.

ХІІ.

Обыкновенно прелесть весны наступаетъ не вдругъ, но предвѣстниками этого времени года бываютъ: лучи солнца нѣжно обогрѣвающіе затвердѣлую почву, цвѣты полуприкрытые землею и вѣтеръ обвѣвающій землю, чтобы глубоко проникла въ нее производительная и животворная сила воздуха. Можно видѣть и едва зазеленѣвшую траву и возвращеніе птицъ, которыхъ изгналъ зимній холодъ и многое другое, что можно назвать скорѣе признаками весны, чѣмъ самою весною. Но и это все пріятно, потому что служить предвѣстникомъ еще пріятнѣйшаго. Къ чему же я направляю свою рѣчь? Поелику предвѣстникъ того, что въ тебѣ драгоцѣнно, твоя благосклонность достигшая до насъ при помощи писемъ, хорошимъ началомъ возвѣщаетъ о томъ, чего мы можемъ ожидать отъ тебя; то и принимаемъ мы любовь, проявляющуюся въ этихъ письмахъ, какъ первый цвѣтокъ весны и умоляемъ тебя доставить намъ возможность скорѣе насладиться въ тебѣ полною весною. Ибо много, какъ хорошо ты знаешь, очень много потерпѣли мы огор-

ченій отъ жесткости и грубости нравовъ здѣшнихъ жителей. И какъ ледъ на кровляхъ домовъ мало по малу увеличивается отъ притекающей воды (заимствую сравненіе изъ того, что бываетъ у насъ), и вновь притекающая влага, если разольется по замерзшей поверхности, и сама застываетъ на льду и увеличиваетъ его массу; такъ нѣчто подобное усматривается въ нравахъ многихъ жителей сего мѣста, такъ что они постоянно придумываютъ и изобрѣтаютъ что-нибудь для огорченія, и къ совершенному прежде злу прилагаютъ другое, а къ этому еще иное, и опять новое, и такъ бываетъ непрерывно, и нѣтъ предѣла ненависти и приумноженію зла; такъ что намъ нужно много молиться, чтобы вскорѣ повѣяла благодать Духа, уничтожила горечь ненависти и сокрушила твердый ледъ ихъ злобы. Посему хотя весна пріятна и по самой природѣ своей, но она бываетъ еще вождельннѣе для тѣхъ, кои ожидаютъ тебя послѣ такой зимы. Итакъ да не замедлитъ явиться эта радость. Кромѣ того при приближеніи уже священнаго для насъ дня, благоприличнѣе было бы отечеству украситься своими, чѣмъ Понту — нашими. Итакъ приходи, возлюбленная глава, неся намъ обиліе благъ, — самого себя; ибо въ этомъ будетъ состоять полнота нашихъ благъ.

XIII. *)

Слышалъ я отъ нѣкотораго врача разсказъ объ одномъ странномъ дѣйствии природы. Вотъ его разсказъ: нѣкто, говоритъ, страдалъ какою-то изъ самыхъ трудно-излѣчимыхъ болѣзней и упрекалъ врачебное искусство въ томъ, что оно меньше можетъ сдѣлать, чѣмъ сколько обѣщаетъ; ибо все, что ни придумывали для излеченія его болѣзни, не имѣло успѣха. Потомъ когда онъ получилъ сверхъ чаянія какую-то пріятную вѣсть, то счастливыи случай замѣняетъ (врачебное) искусство и освобождаетъ этого человѣка отъ болѣзни, потому ли, что душа избыткомъ радости подѣйствовала вмѣстѣ съ тѣмъ и на состояніе тѣла, или почему-нибудь иному, — не могу сказать; ибо мнѣ некогда любомудрствовать о подобныхъ вещахъ, а разсказывавшій объ этомъ не указалъ причины такого явленія. Какъ мнѣ думается, я благовременно вспомнилъ теперь объ этомъ разсказѣ. Ибо чувствуя себя не такъ хорошо какъ бы хотѣлось (теперь нѣтъ нужды перечислять въ точности причины всѣхъ печалей, которыя по-

*) Надписывается „Ливанію,“ известному Софисту, какъ и послѣдующее.

стигли меня съ тѣхъ поръ, какъ былъ я у васъ и донынѣ), я неожиданно услышалъ отъ кого-то о твоёмъ, единственный наставникъ, письмѣ, и затѣмъ немедленно получивши его и пробѣжавши написанное, тотчасъ пришелъ въ такое состояніе духа, какъ будто получилъ похвалу отъ всего міра за какіе-нибудь прекрасные подвиги: такъ высоко я чту твой похвальный отзывъ, которымъ ты обрадовалъ насъ въ письмѣ. Послѣ того и состояніе тѣла моего тотчасъ измѣнилось къ лучшему,—и вотъ теперь я самъ передаю тебѣ такой же странный рассказъ, потому что тоже самое письмо я читалъ сначала больной; а потомъ совершенно здоровый. Но объ этомъ довольно. Поелику же причиной этой радости для меня былъ Книгій; то какъ великъ ты имѣя возможность въ избыткѣ твоего благодѣянія, дѣлать добро не только намъ, но и благодѣтелямъ нашимъ! Благодѣтель же этотъ нашъ, какъ я сказалъ, былъ поводомъ и причиною того, почему мы получили отъ тебя письмо и поэтому достоинъ благодѣяній. Если же желаешь узнать о нашихъ наставникахъ, отъ которыхъ, кажется, мы научились кое-чему, то найдешь, что это Павелъ и Іоаннъ и прочіе апостолы и прорѣки, если не покажется дерзостію съ нашей стороны, присвоить себѣ наставленіе отъ такихъ мужей. Если же ты говоришь о вашей мудро-

сти, то умбющіе судить говорятъ, что отъ тебя она истекаетъ, распространяясь затѣмъ на всѣхъ, которымъ не чуждо искусство краснорѣчія. Ибо я слышалъ, какъ при всѣхъ говорилъ это твой ученикъ, а мой отецъ и наставникъ дивный Василій. Знай же, что я не обильно пользовался наставленіями учителей, что немного жилъ въ сообществѣ своего брата и лишь настолько наставленъ былъ божественнымъ его языкомъ, насколько необходимо было, чтобы понимать невѣжество тѣхъ, кто не посвященъ въ тайны краснорѣчія; потомъ же и самъ я, когда находилъ свободное время, со всѣмъ усердіемъ занимаясь имъ, былъ страстнымъ почитателемъ красоты вашей рѣчи, и однакожь никогда не могъ достигнуть желаемого. Итакъ, съ одной стороны, какъ скоро я самъ сужу о себѣ, у насъ не было ни одного учителя (краснорѣчія); а съ другой стороны непозволительно было бы признать неправильнымъ твое мнѣніе о насъ. Въ такомъ случаѣ конечно справедливы и ваши слова, и мы не заслуживаемъ быть отверженными судьей, какъ ты. Позволь же имѣть смѣлость приписать тебѣ причину такихъ (успѣховъ). Ибо если Василій есть виновникъ нашего краснорѣчія, а онъ богатство своего слова получилъ отъ твоихъ сокровищъ; то и мы владѣемъ твоими богатствами, хотя и получили ихъ чрезъ другихъ. Не велико

это богатство; но, — немного воды въ амфорахъ, однакожь эта вода изъ Нила.

ХІV.

По нѣкоторому отечественному установленію Римляне обыкновенно совершаютъ праздникъ около той поры зимняго времени, когда солнце, поднимаясь въ верхнія пространства неба, начинаетъ увеличивать продолжительность дня. Священнымъ почиталось начало этого мѣсяца, и поэтому дню гадая о цѣломъ годѣ, тщательно замѣчаютъ разныя счастливыя обстоятельства, радости и полученія выгодъ. Что же я имѣю въ виду, такъ начиная свое письмо? То, что и я провелъ этотъ праздникъ, подобно тѣмъ, обрадованный полученіемъ золота; ибо въ этотъ день и въ моихъ рукахъ было золото, но не это обыкновенное золото, которое любятъ правители и которымъ дарятъ богатые, — тяжелое, постыдное и бездушное стяжаніе, — но то, которое для людей, имѣющихъ умъ, выше всякаго богатства, по истинѣ самый прекрасный подарокъ, по Пиндару; я говорю о твоёмъ письмѣ и великомъ богатствѣ, въ немъ заключающемся. Ибо случилось такъ, что я отправляясь въ этотъ день въ главный городъ Каппадокійцевъ, встрѣтился съ однимъ изъ

своихъ друзей, который и подалъ мнѣ этотъ подарокъ—письмо, какъ бы нѣкое свидѣтельство праздника. Я же, весьма обрадованный этимъ счастливымъ обстоятельствомъ, предложилъ это сокровище всѣмъ со мною бывшимъ, и всѣ пользовались имъ каждый вполнѣ, безъ всякаго соревновація, и я не потерпѣлъ отъ этого ущерба; ибо, переходя изъ рукъ въ руки, письмо стало собственнымъ богатствомъ каждаго, потому что одни при помощи постоянного чтенія удержали изреченія въ памяти, другія же внесли ихъ въ записныя книжки, и наконецъ оно опять было въ моихъ рукахъ, доставляя мнѣ больше удовольствія, чѣмъ золото глазамъ богачей. Поелику же и въ земледѣльцахъ (я беру сравненіе изъ круга хозяйственнаго) возбуждаетъ большую охоту къ перенесенію дальнѣйшихъ трудовъ похвала за прежніе; то и намъ позволъ отплатить тебѣ тѣмъ, что ты самъ далъ и поэтому написать къ тебѣ, чтобъ и тебя вызвать къ дальнѣйшей перепискѣ. Для общей пользы умоляю тебя не думать болѣе о томъ, чѣмъ ты угрожалъ намъ въ намекахъ подъ конецъ письма. Ибо говорю, что нельзя назвать хорошимъ того твоего рѣшенія, что ты осуждаешь краснорѣчіе и рѣшаешься на молчаніе во всю жизнь потому только, что нѣкоторые дурно дѣлаютъ, измѣняя греческому языку ради варварскаго и дѣ-

лаясь наемными воинами, славѣ краснорѣчія предпочитаютъ воинское жалованье. Ибо кто же будетъ говорить, если ты приведешь въ исполненіе свою жестокою угрозу краснорѣчію? Но умѣстно, можетъ быть, припомнить здѣсь нѣчто изъ нашего Писанія. Ибо законъ нашъ повелѣваетъ тѣмъ, которые имѣютъ возможность дѣлать добро, не взирая на расположеніе тѣхъ, кому оказывается благодареніе, не такъ, чтобы заботиться только о признательныхъ и отказывать въ благотвореніи неблагодарнымъ, но подражать Промыслителю вселенной, который допускаетъ къ участию въ благахъ творенія всѣхъ, какъ добрыхъ такъ и злыхъ (Матѣ. 5, 45). Имѣя въ виду это, дивный мужъ, оставайся навсегда въ жизни такимъ, какимъ былъ ты въ прошедшее время. Ибо не видящіе солнечнаго свѣта не могутъ помѣшать существованію солнца. И такъ невозможно допустить и того, чтобы блескъ твоего краснорѣчія помрачился отъ того, что есть люди съ помраченными чувствами души. Книгія же умоляю, какъ можно больше удаляться той общей болѣзни, которою нынѣ страдаютъ юноши, и добровольно заниматься наукою краснорѣчія. Если же онъ думаетъ объ этомъ иначе, то справедливо принудить его къ этому и невольно, потому что тѣ, которые прежде сего не занимались наукою краснорѣчія, подлинно яв-

ляются теперь жалкими существами и терпят великій позоръ.

ХV. *)

И во всѣхъ почти вещахъ, которыя дѣлаютъ счастливыми ихъ обладателей, мы Каппадокійцы нуждаемся, а въ особенности недостатокъ у насъ въ переписчикахъ. Это-то обстоятельство и было причиной продолжительнаго молчанія. Ибо много уже прошло времени съ тѣхъ поръ какъ я составилъ «обличеніе ереси», но у меня не было переписчика; такой недостатокъ въ писцахъ по справедливости наводитъ на насъ подозрѣніе въ лѣности или въ безсиліи что-нибудь написать. Но поелику теперь по милости Божіей нашелся писецъ и исправитель написаннаго, то я и посылаю вамъ это сочиненіе, не въ видѣ подарка, какъ говоритъ Исократъ; ибо я не думаю, чтобъ оно было такого рода, чтобы получившій могъ считать его за цѣнное приобрѣтеніе; но съ тою цѣлію, чтобы намъ можно было возбудить (васъ), цвѣтущихъ въ настоящее время силами юности, къ борьбѣ съ противниками, возбуждающими посредствомъ самой борьбы юношескую смѣ-

*) Написывается „Іоанну и Максиміану.“

лость. Быть можетъ въ этомъ сочиненіи и покажется вамъ что-нибудь стоящимъ вниманія, если вы разсмотрите нѣкоторыя его части, въ особенности тѣ, которыя предшествуютъ полемикѣ, насколько онѣ относятся къ тому же предмету; равнымъ образомъ и нѣкоторыя догматическія изслѣдованія не покажутся вамъ дурными. Но все, что ни найдете тамъ, прочтите именно какъ слѣдуетъ наставнику и исправителю.

ХVI.

Вотъ что обыкновенно дѣлаютъ игроки въ мячъ: расположившись трехъ-угольникомъ, они перебрасываютъ другъ другу мячъ, ловко на лету перенимая его одинъ отъ другаго; а того, кто находится въ срединѣ, вводятъ въ обманъ....; притворнымъ движеніемъ лица и какимъ-либо знакомъ руки тому, кто хочетъ поймать мячъ, показываютъ видъ, что хотятъ бросить его въ правую или лѣвую сторону, а на самомъ дѣлѣ отбрасываютъ мячъ въ сторону, противоположную той, куда онъ устремится за нимъ и хитростью уничтожаютъ его надежду. Точно также поступаютъ и нынѣ многіе изъ насъ; не заботясь о дѣлѣ, мы искусно ведемъ съ людьми игру въ мячъ, вмѣсто вѣрныхъ надеждъ, которыя

возбуждаемъ, коварствомъ своихъ дѣйствій обманывая души тѣхъ, которые надѣялись на насъ. Письма, исполненные миролюбія, выраженія доброжелательства, знаки дружбы, подарки, любезныя изъясненія въ письмахъ, — все это притворное метаніе мячика повидимому на правую сторону; но вмѣсто ожидаемаго отъ дружелюбія слѣдствія, — обвиненія, происки, клеветы, пересуды; порицанія, хитрое выманиваніе одностороннихъ рѣшеній. Блаженны вы въ своихъ надеждахъ, приобрѣтая чрезъ оныя дерзновеніе къ Богу! Но умоляемъ васъ обращать взоры не на то, что у насъ происходитъ, но на Владычнее ученіе въ Евангеліи; ибо какое утѣшеніе въ скорбяхъ и надежду, что дѣла получаютъ желаемый исходъ, можетъ подать другому тотъ, кто превосходитъ его несчастіями? Писаніе говоритъ: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. 12, 19.). Ты же, мужъ достопочтеннѣйшій, поступай достойно себя, уповай на Бога, и примѣръ нашихъ несчастій да не препятствуетъ тебѣ быть прекраснымъ и добрымъ; полезный же и праведный исходъ дѣлъ вручи Богу правосудному, и дѣйствуй такъ, какъ направить тебя божественная мудрость. И Іосифъ конечно не огорчался завистію братьевъ; посему злоба его единокровныхъ была для него путемъ къ царству.

XVII. *)

Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи (2 Кор. 1, 3), все премудро устрояющій на пользу, да управитъ васъ своею благодатію, да привлечетъ къ себѣ, творя въ васъ благоугодное себѣ, и да снидетъ на васъ благодать Господа нашего Иисуса Христа и общеніе Его Святаго Духа, для исцѣленія васъ отъ всякой скорби и огорченія, для преуспѣянія во всякомъ добрѣ, для умиротворенія церкви и назиданія душъ вашихъ, и въ похвалу славы имени Его. Мы же, въ оправданіе себя любовію вашею, говоримъ, что не были не радивыми въ исполненіи обязанностей (пастырскаго) надзора, ни въ предшествующее время, ни послѣ кончины блаженнаго Патрікія; но много было смуть среди церквей нашихъ, велика же дряхлость тѣла, увеличивающаяся, какъ и слѣдуетъ, вмѣстѣ съ подвигающимися впередъ годами, велико и небреженіе ваше къ намъ, потому что никогда не было ни одного возбуждающаго слова въ письмѣ и никакого отношенія къ нашей церкви, тогда какъ блаженный Евфрасій епископъ, любовію, какъ бы нѣкоторыми узами,

*) Написывается: „Пресвитерамъ Никомидійскимъ.“

связалъ, благодаря своей высокой святости, меня съ собою и вами. Но хотя бы прежде сего и не была исполнена обязанность любви ни нами чрезъ надзоръ, ни вашимъ благочестіемъ чрезъ возбужденіе насъ къ тому; но нынѣ мы, призывая на помощь нашему сильному желанію и вашу молитву къ Богу, молимъ Бога, чтобы намъ какъ можно скорѣе притти къ вамъ, вмѣстѣ получить утѣшеніе и постараться, при руководствѣ Божиемъ, найти средства и къ исправленію уже совершившихся несчастій и къ огражденію себя отъ нихъ на будущее время, такъ чтобы вы, раздѣляемые такимъ несогласіемъ, что одинъ стремится такъ, другой иначе отдѣлиться отъ церкви, уже не были предметомъ посмѣянія для діавола, желанія и дѣйствія котораго въ противоположность божественному изволенію состоятъ въ томъ, чтобы никто не спасся и не пришелъ къ познанію истины. Ибо вы, братіе, знаете, какъ мы скорбимъ, слыша отъ извѣщающихъ насъ о вашихъ дѣлахъ, что въ нихъ не произошло никакой перемѣны настоящаго положенія, но воля разъ уклонившихся (съ праваго пути) постоянно увлекается тѣмъ же самымъ стремленіемъ. Если вода въ каналѣ часто переливается чрезъ лежащую плотину и, разлившись по сторонамъ, утекаетъ отъ русла; то не заваливши мѣста, послужившаго причиной разлива, труд-

но бываетъ возвратить ее къ прежнему теченію, такъ какъ она промыла уже углубленіе въ почвѣ. Такъ и стремленіе отступниковъ, однажды изъ страсти къ спорамъ уклонившись отъ прямой и правой вѣры, идетъ глубже и глубже уже отъ привычки, и не легко возвращается къ прежней благодати. Посему ваши дѣла требуютъ мудраго и великаго приставника, умѣющаго хорошо ихъ упредить, такъ чтобы онъ въ силахъ былъ безпорядочное отклоненіе этого теченія опять привести къ прежнему благоустройству, дабы у васъ пажити благочестія снова приносили богатые плоды, при орошеніи притокомъ мира. Посему отъ всѣхъ васъ требуется много тщанія и усердія въ этомъ дѣлѣ, чтобы Святымъ Духомъ указанъ былъ такой предстоятель, который бы все вниманіе свое устремлялъ только на дѣло Божіе, не останавливая взоровъ своихъ ни на чемъ, о чемъ заботятся въ сей жизни.

Ибо для того, думаю, ветхій законъ устраняетъ Левита отъ наслѣдія поземельной собственности, чтобы онъ предметомъ стяжанія своего имѣлъ одного только Бога и это стяжаніе постоянно хранилъ въ себѣ, не имѣя пристрастія ни къ чему вещественному; если же нѣкоторые, и мы сами равнодушны къ сему; то никто, имѣя это въ виду, да не совершаетъ того, что не должно. Ибо то, что

у другихъ дѣлается, не законъ для простыхъ людей дѣлать недолжное; но вамъ надобно обратить вниманіе на собственные дѣла, чтобъ они устроились какъ можно лучше, чтобъ отдѣлившіеся опять вошли въ согласіе единого тѣла и чтобы возстановленъ былъ духовный миръ тѣми, которые благочестиво славятъ Бога. Для этого, думаю, при избраніи приличіе всего обращать вниманіе на добрыя качества, которыми долженъ отличаться назначаемый для предстоятельства; а происхожденіе, богатство и мірскую знаменитость апостольское слово не узаконило причислять къ достоинствамъ епископа. Хотя конечно мы не отвергаемъ всего этого, если оно само собою слѣдуетъ за высшими качествами, какъ тѣнь за тѣломъ; но тѣмъ не менѣе мы будемъ выше цѣнить нравственные достоинства, хотя бы они и не были соединены съ внѣшними преимуществами. Пророкъ Амосъ былъ пастырь козъ; Петръ—рыбарь; Андрей, братъ его, и возвышенный Іоаннъ занимались тѣмъ же промысломъ; Павелъ приготавливалъ палатки; Матѳей-сборщикъ податей; подобно имъ и всѣ прочіе апостолы не были ни консулами, ни военачальниками, ни префектами, ни знаменитыми риторомъ и философами; но бѣдными и простыми людьми, призванными къ апостольству отъ самыхъ скромныхъ занятій. И не смотря на все это *во всю землю изыде*

въщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ. (Ис. 18, 5.). Видите, говоритъ, званіе ваше, братіе, яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни: но буая міра избра Богъ. (1. Кор. 1, 26. 27.). Можетъ быть и теперь кто-нибудь, по наружности, предъ очами людей кажется буимъ, какъ ничтожный по бѣдности или какъ незнатный по тѣлесному происхожденію. Но кто знаетъ, не на него ли склоняется рогъ благодатнаго помазанія, хотя бы онъ былъ самымъ меньшимъ между высокими и знатными людьми? Что полезнѣе было въ началѣ для Рима, избрать ли для предстоянія кого-нибудь изъ благородныхъ и самыхъ знаменитыхъ сенаторовъ, или рыбака Петра, у котораго не было никакихъ мірскихъ средствъ для достиженія знаменитости? Былъ ли у него какой домъ, были ли у него слуги, земля, доходами своими доставляющая избытокъ во всемъ? Но будучи чужестранцемъ, не имѣющимъ крова и пищи, онъ былъ богаче всѣхъ обладающихъ, потому что неимѣніемъ ничего онъ стяжалъ себѣ всего Бога. Такъ и Месопотамляне, имѣя въ своихъ сатрапіяхъ знаменитыхъ богачей, Ому признали достойнѣе всѣхъ для предстоятельства между ними; Критяне-Тита, Іерусалимляне-Іакова, и мы Каппадокійцы-Сотника, исповѣдаващаго божество Господа при (крестныхъ) страданіяхъ, не смотря на то, что въ

то время было много людей знаменитыхъ своимъ происхожденіемъ и имѣвшихъ коней и занимавшихъ первыя мѣста въ совѣтѣ; и во всей церкви можно видѣть, что люди великіе предъ Богомъ были предпочитаемы пріобрѣтшимъ мірскую извѣстность.

Думаю, что и вамъ въ настоящее время слѣдуетъ обратить вниманіе на тоже самое, если вы желаете возстановить древнее достоинство вашей церкви. Ибо вы вполне знаете изъ исторіи своего города, что издревле, пока не разцвѣлъ сосѣдній съ вашимъ городъ, у васъ была столица и между городами не было выше вашего; и нынѣ, хотя и исчезла красота зданій, но по жителямъ, по множеству и знаменитости гражданъ, вашъ городъ не уступитъ блеску древняго. Посему прилично было бы, чтобы вашъ образъ мыслей не былъ ниже достоинства тѣхъ благъ, которыми вы обладаете, но чтобы заботливость о подлежащихъ вамъ дѣлахъ равнялась знаменитости вашего города, такъ чтобы вы могли между народомъ найти себѣ такого предстоятеля, который бы оказался достойнымъ васъ. Ибо постыдно, братіе, и вполне безразсудно, если (корабль) не имѣетъ кормчаго или кормчій не имѣетъ свѣдѣній въ искусствѣ управлять кораблемъ, а держащій кормило церкви не знаетъ, какъ души плывущихъ съ нимъ управить въ пристань Бо-

жію. Ибо сколько уже случилось гибельных кораблекрушеній въ церкви, отъ неопытности правителей! Кто исчислить происшедшія въ глазахъ нашихъ (несчастія), которыя не случились бы, еслибы предстоятели церкви имѣли сколько-нибудь правительственной опытности? И желѣзо, для приготовленія изъ него какихъ-нибудь вещей, мы ввѣряемъ опытнымъ въ кузнечномъ искусствѣ, а не тѣмъ, кто не знаетъ его; такъ и души надобно вручать тому, кто хорошо разумѣетъ, какъ умягчать ихъ огнемъ Святаго Духа,—тому, кто посредствомъ образованія разумныхъ органовъ, cadaго бы изъ васъ уготовалъ въ сосудъ избранный и благопотребный Богу. Такую осмотрительность повелѣваетъ соблюдать божественный Апостолъ, въ посланіи къ Тимоѳею поставляя для всѣхъ слушающихъ его закономъ, *что подобаетъ епископу быти непорочну* (1 Тим. 3, 2.). Не объ одномъ только Апостолъ заботится, чтобы предстоятель священства былъ именно таковъ. И что за особенная польза, если достоинство это будетъ заключаться въ одномъ человѣкѣ. Апостолъ зналъ, что подчиненные сообразуются съ жизнью своего начальника и достоинства предводителя усвоятся тѣми, которые находятся при немъ. Ибо каковъ учитель, таковъ бываетъ и ученикъ; потому что не можетъ быть, чтобъ обучающійся

кузнечному мастерству прибрѣлъ свѣдѣнія въ ткацкомъ искусствѣ; ученикъ ткача не можетъ быть риторомъ или землемѣромъ; но что ученикъ видитъ въ своемъ наставникѣ, то онъ усваиваетъ и себѣ. Посему и сказано (въ Писаніи): *совершенно всякъ ученикъ будетъ, яко же и учитель его* (Лук. 6, 40.).

Итакъ что же, братіе? Ужели возможно сдѣлаться смиренномудреннымъ, кроткимъ по нраву, и умѣреннымъ, свободнымъ отъ корыстолюбія, свѣдущимъ въ дѣлахъ божественныхъ, опытнымъ въ добродѣтельномъ и пристойномъ образѣ жизни тому, кто не видитъ этихъ качествъ въ учителѣ? Но я не знаю, какимъ образомъ обучившійся только мірскому, можетъ сдѣлаться духовнымъ? Ибо какъ могутъ быть непохожими на него тѣ, кои подражаютъ ему? Какая польза для жаждущихъ въ водоемѣ великолѣпной работы, когда въ немъ нѣтъ воды? Пусть колонны водопровода въ разнообразныхъ формахъ высятся къ небесамъ своими вершинами; что лучше избралъ бы на свою потребу жаждущій,—смотрѣть ли на камни, прекрасно сложенные, или найти самый потокъ, хотя бы онъ струился по деревянному жолобу, лишь бы давалъ чистую и годную для питья воду? Такъ, братіе, и тѣмъ, которые ищутъ благочестія, не слѣдуетъ обращать вниманія на внѣшность скиин; если кто имѣетъ много друзей, гордится длиннымъ

перечнемъ своихъ достоинствъ, хвалится тѣмъ, что получаетъ много ежегодныхъ доходовъ и обращая вниманіе на свое происхожденіе величается и всячески надмевается гордостію, то такого нужно обходить, какъ водоемъ, не имѣющій воды, если онъ не обнаруживаетъ въ жизни высшихъ достоинствъ; а напротивъ, пользуясь свѣточемъ Духа для испытанія, надобно искать, насколько возможно, *вертоградъ заключенъ и источникъ запечатлѣнъ* (Пѣсн. 4, 12), какъ говоритъ Писаніе, дабы чрезъ рукоположеніе отверзши роскошный садъ и открывши источникъ воды живой, сдѣлать его общимъ достояніемъ вселенской церкви. Да будетъ же такъ, и да даруетъ Господь какъ можно скорѣе среди васъ обрѣсти такового, который былъ бы сосудомъ избранія, столпомъ церкви. Мы же вѣримъ Господу, что это и будетъ, если только вы, при помощи благодати единомыслія, захотите согласно обратить вниманіе на то, что благо, предпочтши собственнымъ своимъ желаніямъ волю Господа нашего и то, что Ему пріятно, благоугодно и (въ очахъ Его) совершенно, дабы то, что совершается у васъ, было такого рода, чему бы и мы порадовались, чѣмъ бы и вы были вполне довольны и чѣмъ бы прославился Богъ всяческихъ, Которому подобаетъ слава во вѣки.

XVIII. *)

Какъ прекрасны отображенія прекрасныхъ вещей, когда онѣ сохраняютъ въ ясности черты первообразной красоты! Я видѣлъ самый ясный образъ твоей подлинно прекрасной души въ пріятныхъ твоихъ письмахъ, которыми ты уладилъ насъ, какъ говорить нѣгдѣ Евангеліе, *отъ избытка сердца твоего* (Матѣ. 12, 34). Въ нихъ, казалось мнѣ, я видѣлъ тебя самага и наслаждался твоимъ благорасположеніемъ, въ привѣтливости твоихъ писемъ; письма эти я часто беру въ руки и прочитывая, испытываю еще большее желаніе вновь наслаждаться ими и не чувствую пресыщенія. Здѣсь, какъ и при наслаженіи нѣкоторыми другими предметами прекрасными и драгоцѣнными по природѣ, удовольствіе не можетъ прекратиться (отъ пресыщенія). Ибо какъ постоянное созерцаніе солнца не притупляетъ стремленія видѣть оное, и постоянное наслаженіе здоровьемъ не подавляетъ желанія пользоваться имъ, такъ же точно и наслаженіе твоимъ благорасположеніемъ, которое мы многократно испытывали лично, а нынѣ узнали изъ твоего письма, мы убѣж-

*) Подписывается Отрепю Еп. Мелитинскому.

дены, не приведетъ къ пресыщенію. Но какъ страдаютъ тѣ, которые по какому-нибудь обстоятельству чувствуютъ неудовлетворенную жажду, такъ и мы, чѣмъ больше наслаждаемся твоимъ добрымъ расположеніемъ, тѣмъ большую испытываемъ жажду его. Если же ты не заподозришь въ такихъ словахъ какого-нибудь обмана и лживой лести (а ты конечно не заподозришь, оставаясь всегда такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ и особенно въ отношеніи къ намъ, — добрымъ и искреннымъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой), то вполнѣ повѣришь моимъ словамъ, что пріятность твоихъ писемъ, подѣйствовавъ на наши очи, подобно цѣлительному врачеству, прекратила потокъ слезъ; и мы ожидаемъ, что утвердивъ свою надежду на врачество твоими святыми молитвами, скоро и вполнѣ излечимся отъ таковой болѣзни нашей души. Впрочемъ, что касается до тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы нынѣ находимся, то нужно пощадить слухъ любящихъ насъ и покрыть истину молчаніемъ, дабы искренно возлюбившихъ насъ не сдѣлать невольными сообщниками нашихъ несчастій. Ибо какъ скоро подумаемъ, что мы, лишенные того, что всего дороже и ближе намъ, вращаемся среди брани и что тѣ, которыхъ мы вынуждены покинуть, суть дѣти наши, — дѣти, которыхъ мы удостоились родить Богу нашими духовными муками дѣто-

рожденія, которые связаны съ нами закономъ любви, вѣжная любовь которыхъ къ намъ, чрезъ злостраданія во время искушеній еще болѣе усилилась,—покинуть еще сверхъ того любезный намъ домъ, братьевъ, сродниковъ, товарищей, знакомыхъ, друзей, очагъ, трапезу, кладовую, постель, стулъ, платье, общество, слезы, что все такъ пріятно, а отъ привычки сдѣлалось еще болѣе любезнымъ, то думаю, что обо всемъ, какъ тебѣ извѣстномъ нѣтъ нужды писать; все же прочее, что мы имѣемъ вмѣсто онаго, чтобы намъ не говорить непріятнаго, ты представь самъ. Будучи уже при кончинѣ жизни, я опять начинаю жить и учиться; узнаю похвailable нынѣ непостоянство нравовъ, поздно знакомясь съ онымъ злонаправленнымъ коварствомъ, такъ что всегда краснѣю отъ стыда, будучи столь несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ. Противники же, опытные въ таковой мудрости, способны и сохранять то, чему они научились, и изобрѣтать то, чего еще не узнали; итакъ сражаются они издали, бросая стрѣлы, плотно сдвигаютъ свою фалангу для боеваго строя, напередъ обдумываютъ то, что имъ полезно, запасаются средствами, отовсюду окружаютъ себя союзниками. Сильное и неодолимое коварство съ могуществомъ сопутствуетъ имъ, предводительствуя ихъ ратію, какъ бы нѣкоторый ободесноручный борецъ, сражающій-

ся впереди своего войска обѣими руками, то собирая дань съ покоренныхъ, то ниспровергая встрѣчающихся случайно. Если же ты пожелаешь узнать нашу частную жизнь, то найдешь еще иное: удушливый домикъ, богатый холодомъ, мракомъ, тѣсною и всякими подобными прекрасными качествами; жизнь наблюдаемую всѣми; голосъ и взоръ, надѣваніе платья, движеніе рукъ, постановка ногъ, — за всѣмъ слѣдятъ съ крайнимъ любопытствомъ; и еслибы не сильная одышка не рѣдко проявляющаяся и еслибы вмѣстѣ съ одышкою не чередовался постоянный стонъ, и еслибы нашъ хитонъ не проскользалъ изъ-подъ-пояса, такъ что нѣтъ нужды и въ употребленіи пояса, и еслибы мантия не спадала съ лѣваго плеча нашего, еслибы не было всего этого, то возникъ бы предлогъ къ войнѣ противъ насъ и при этомъ возстали бы на брань съ нами другъ за другомъ и ближніе и дальніе народы. Но нельзя, чтобы дѣла шли постоянно или хорошо или худо; жизнь всякаго большею частию слагается изъ противоположностей. Если же, по милости Божіей, твое (расположеніе) постоянно пребудетъ съ нами, то мы перенесемъ все множество неприятностей, въ надеждѣ всегда пользоваться твоею благосклонностію. Итакъ никогда не переставай доставлять намъ удовольствіе тѣмъ, чѣмъ и насъ ты успокоишь и себѣ еще боль-

шую уготовишь награду, обѣщанную въ божественныхъ заповѣдяхъ.

ХІХ.

Письмо къ нѣкому Иоанну о различныхъ предметахъ, также объ образѣ и порядкѣ жизни сестры своей **Маврины**.

Знаю я, что нѣкоторые живописцы оказываютъ бесполезную любезность своимъ безобразнымъ друзьямъ желающимъ видѣть свое изображеніе начертаннымъ на картинѣ, дѣлая нѣчтопротивное тому, что тѣ желаютъ. Ибо тѣмъ самымъ, что въ своемъ подражаніи исправляютъ природу, при помощи яркихъ красокъ, скрывая на картинѣ непріятныя черты наружности, они измѣняютъ характеристическія особенности. Но для тѣхъ (съ коихъ пишутъ портреты) нѣтъ никакой пользы отъ того, что на картинѣ являются золотистые и густые, завивающіеся надъ челомъ и лоснящіеся волосы, краска на губахъ, румянецъ на щекахъ, округлость вѣкъ, блескъ въ глазахъ, брови лоснящіеся чернотою, лобъ сіяющій бровями, и все иное тому подобное, чѣмъ достигается красота изображенія; ибо если уже отъ природы не имѣетъ ничего подобнаго тотъ, кто предлагаетъ живописцу снять съ себя порт-

реть, то онъ не получить никакой пользы отъ такого человѣколюбія (живописца). Такимъ же образомъ, мнѣ кажется, что еслибы кто-нибудь по дружбѣ осыпалъ любимаго чрезмѣрными похвалами и на словахъ изображалъ его не такимъ, каковъ онъ есть, а такимъ, какимъ онъ долженъ быть, чтобы стать совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, тотъ хотя своимъ словомъ и начерталъ бы образъ правильной жизни, но самаго друга чрезмѣрными похвалами не столько бы почтилъ, сколько обличилъ въ томъ, что онъ въ жизни противорѣчитъ тому, что сказано о немъ, и оказывается на дѣлѣ инымъ, чѣмъ какъ думаютъ о немъ другіе. Къ чему же клонится моя рѣчь? Увидѣлъ я въ письмѣ твоей любви, изображеніе нѣкоторой статуи, отдѣланной съ величайшею тщательностію; имя этой статуи — я, ибо на меня указывало письмо. Но потомъ, разсмотрѣвъ свою жизнь со всею тщательностію, какъ въ зеркалѣ, я убѣдился, что слишкомъ далеко отстою отъ того изображенія, какое усвоено мнѣ въ ономъ письмѣ. Впрочемъ и въ этомъ я нашелъ доказательство твоей любви къ добродѣтели; ибо тѣмъ самымъ, что полюбилъ меня такимъ, какимъ представилъ меня (въ своемъ письмѣ) ты далъ самое ясное доказательство правоты своихъ нравственныхъ правилъ, такъ что не чувствуя любви ни къ чему, кромѣ добро-

дѣтели, ты, полагая, что въ нѣкоторой степени она свойственна и намъ, только поэтому имѣешь насъ въ числѣ самыхъ близкихъ своихъ друзей. Поэтому я подумалъ, что лучше имѣть познаніе о себѣ чрезъ самаго же себя, чѣмъ увлекаться отзывами другихъ, хотя бы сіи другіе были вѣрными свидѣтелями во всемъ прочемъ; ибо тоже самое говорить и слово притчи, которое думающимъ знать самихъ себя на основаніи того, что говорятъ о нихъ другіе, предписываетъ самимъ себя изслѣдовать (Пр. 13, 10.). Но объ этомъ довольно, чтобы не показалось, что я тѣмъ самымъ, что отвергаю твою похвалу, посмѣиваюсь надъ похвалами.

Приказывалъ ты намъ также потрудиться написать отвѣтъ на вопросы тобою предложенные съ тою цѣлію, чтобы этимъ трудомъ мы принесли нѣкоторую пользу обществу; но знай, что для этого у насъ столько же почти досуга, сколько и у того, о которомъ говоритъ одинъ изъ пророковъ, что попавшись ко льву и едва ускользнувши отъ его пасти и острыхъ когтей, лишь только казалось избѣжалъ его, неожиданно попалъ въ пасть медвѣдицы; потомъ избѣжавши съ великимъ трудомъ и этой опасности и прислонившись къ стѣнѣ подвергся коварному уязвленію отъ змѣи (Амос. 5, 4.). Также точно и преемство постигшихъ насъ одно за дру-

гимъ несчастій было таково, что чрезмѣрность вновь прибывающихъ бѣдъ, казалось, дѣлала ничтожными тѣ, кои уже исчезли. И если не будетъ невѣжливымъ печалить любящихъ насъ прискорбными разсказами, то я коротко изложу тебѣ эту недобрую исторію. Была у насъ сестра, наставница въ жизни, которая послѣ матери замѣняла намъ мать, — сестра имѣвшая такое дерзновеніе къ Богу, что была для насъ столпомъ *крѣпости* (Пс. 60, 8) и *оружіемъ благоволенія* (Пс. 3, 13), какъ говоритъ Писаніе, и *градомъ оражденія* (Пс. 30, 22) и всѣмъ, что ни именуется твердынею въ силу присущаго ей, по ея жизни, дерзновенія предъ Богомъ. Жила она на краю Понта, удалившись отъ сообщества людей. Около нея былъ многочисленный ликъ дѣвственницъ, родивъ которыхъ муками духовнаго дѣторожденія и руководя со всякою заботливостію къ совершенству, она въ челоувѣческомъ тѣлѣ подражала жизни ангеловъ. Для нея не было различія между днемъ и ночью; но и ночь, проводимая въ дѣлахъ свѣта, была полна дѣятельности, и день по безмятежной жизни представлялъ ночное спокойствіе. Во всякое время жилище ея было полно звуками, день и ночь будучи оглашаемо псалмопѣніями. Ты увидѣлъ бы нѣчто даже невѣроятное для глазъ, — плоть не ищущую свойственнаго себѣ; чрево такое, какимъ,

можно догадываться, оно будетъ при воскресеніи; источники слезъ, равняющіеся мѣрѣ питья; уста вполне усвоившія законъ; слухъ упражняющійся въ божественномъ; руки неустанно движущіяся къ совершенію заповѣдей. Но какъ ясно изобразить то, что превосходитъ всякое описаніе словами!

Итакъ послѣ того, какъ я перемѣстился отъ васъ къ Каппадокійцамъ, слухъ о ней тотчасъ встревожилъ насъ. Разстояніе было на десять дней пути; совершивъ весь путь съ возможною скоростію, я прибылъ въ Понтъ: и самъ увидѣлъ и меня увидѣли. Но какъ еслибы путешествующій въ полдень, безъ всякой защиты отъ солнца, прибѣжалъ къ какому-либо источнику, и прежде чѣмъ коснуться воды, прежде чѣмъ охладить языкъ, нашелъ бы, что вода превратилась въ пыль, потому что источникъ предъ нимъ изсохъ; такъ и я увидѣвши, послѣ десяти лѣтъ (разлуки) ту, которую страстно желалъ видѣть, которая замѣняла мнѣ мать, учителя и всякое благо, прежде чѣмъ удовлетворилось мое страстное желаніе, лишился ея, похоронивъ на третій день. Таково было прибытіе мое въ отечество послѣ возвращенія моего изъ Антиохіи. Потомъ прежде чѣмъ изгладилась слѣды такого несчастія, сосѣди моей церкви, Галаты, тайно занесли во многія мѣста моей церкви обычный имъ недугъ—ереси, дали мнѣ не мало трудовъ, такъ что едва только при по-

моши Божіей повсюду возмогъ я одолѣть этотъ недугъ. Послѣ того къ этому присоединилось иное. На границѣ Понта лежитъ городъ Ивора, издревле преданный намъ и здравой вѣрѣ. Такъ какъ епископствовавшій тамъ незадолго предъ тѣмъ отошелъ отъ сей жизни, то граждане всенародно обратились къ намъ съ просьбою — не выдать ихъ и не пренебречь ихъ города, терзаемаго руками враговъ. (При этомъ) слезы, припаданія, вопли, мольбы; — все это послужило для насъ началомъ настоящихъ золъ. Ибо когда мы были въ Понтѣ и какъ слѣдовало озаботились, при содѣйствіи Божіемъ, дѣлами ихъ церкви, немедленно на этомъ мѣстѣ встрѣчаетъ насъ подобнаго же рода посольство отъ народа Севастійскаго, желавшаго упредить нападеніе еретиковъ. Но то, что послѣдовало за симъ, достойно умолчанія и невыразимыхъ стенаній и непрестаннаго стыда и плача непрекращаемаго временемъ; такъ какъ всѣ другія несчастія люди легко переносятъ, привыкая къ нимъ, здѣшнія же напротивъ съ теченіемъ времени усиливаются съ приумноженіемъ еще большихъ огорченій. Я участвовалъ въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ другими созванными епископами, чтобы собрать голоса относительно рукоположенія, но жребій (избранія) палъ на меня самаго, и я несчастный, самъ того не вѣдая, былъ уловленъ собственными руками.

За симъ принужденія, слезы, припаданія, стражи, отрядъ воиновъ, и самъ назначенный надъ ними начальникъ ведетъ на насъ рать, приводитъ на насъ въ движеніе власть градоначальника, сосредоточивая противъ насъ всѣ средства для насилія надъ нами. Между тѣмъ судьба насъ натолкнула на дурное положеніе дѣлъ у Вавилонянъ; у нихъ съ давнихъ временъ существовало такое разногласіе изъ-за вѣры между людьми, что болѣзнь эта затвердѣла и сдѣлалась неизлечимою. Умомъ они тупоумны; по языку болѣе чѣмъ варвары; голосъ у нихъ грубый и звѣрскій; проводя жизнь подобно лукавымъ звѣрямъ, они до того изошрились въ изобрѣтеніи зла, что предъ ними ничто и Архимедъ и, даже болѣе, Сизифъ, Керкіонъ и Скиронъ и другіе подобные изъ упоминаемыхъ въ исторіи, такъ какъ ложь болѣе имъ близка, чѣмъ всякая истина; они до такой степени упорны въ своей лжи, въ какой не защищаютъ истины сильныя въ истинѣ. И даже, если кого-нибудь изъ нихъ изобличаютъ въ величайшихъ порокахъ, то это самое у многихъ служить поводомъ къ похваламъ; дерзость, надменность, безчувственность и сквернословіе у нихъ почитается искусствомъ обещанія и чѣмъ-то прекраснымъ.

Сообщаемъ тебѣ немногое изъ многого, избѣгая растянутости письма, чтобы не обвинялъ ты насъ въ лѣности, и не имѣя теперь

времени повѣствовать подробно. Но если у тебя подлинно есть желаніе, чтобы мы когда нибудь занялись этимъ дѣломъ, то даруй намъ, какъ самаго себя, такъ особенно время для свиданія, если только не услаждаютъ тебя удовольствія городскія болѣе, чѣмъ наша любовь. А еслибы тебя удержали тѣ же обстоятельства, что и у насъ (ибо я слышу, что и вся церковь въ томъ же положеніи), то окажешь намъ достаточную помощь въ брани и тѣмъ, если станешь молить Бога подать намъ нѣкоторое ослабленіе нашихъ золь, и при содѣйствіи Божіемъ, быть можетъ, мы улучимъ когда нибудь такой досугъ и не останемся бесполезны для общаго дѣла.

XX.

Къ Аделѣю схоластику.

Пишу тебѣ это письмо изъ священныхъ Ванотъ, если только я не обижу той мѣстности, называя ее по туземному. Говорю: не обижу той страны; потому что по названію въ ней ничего нѣтъ пріятнаго; и это Галатійское наименованіе не дастъ ни малѣйшаго понятія о столь великой красотѣ этой мѣстности; нужно видѣть ее, чтобы представить всю прелесть ея. Ибо я, издавшій уже мно-

гое и во многихъ мѣстахъ, со многимъ уже знакомый и по описаніямъ въ повѣствованіяхъ древнихъ, все, что я видѣлъ и слышалъ, считаю ничтожнымъ сравнительно съ красотами здѣшнихъ мѣстъ. Ничтоженъ оный Геликонъ; острова Блаженныхъ—басня; поле Сиціонійское —нѣчто незначительное; а рассказы о Пенеѣ суть нечто иное, какъ поэтическое пустословіе; о немъ рассказываютъ, что, разлившись изобильнымъ потокомъ по сторонамъ, онъ образовалъ многопрославленную долину Темпейскую въ Фессалии. Ибо что такое значить каждый изъ этихъ рассказовъ, сравнительно съ тою красотою, какую мы увидѣли на Ванотѣ у себя на родинѣ? Ибо если кто ищетъ естественной красоты мѣстности, тотъ здѣсь не будетъ имѣть нужды въ красотахъ искусства; если кто имѣетъ въ виду произведенія искусства, то ихъ здѣсь столько и они таковы, что въ состояніи бы восторжествовать и надъ менѣе счастливою природою. Но вотъ что даровала природа этой мѣстности, украшая землю безыскусственной прелестью. Внизу течетъ рѣка Галисъ, берегами своими украшающая мѣстность; она сверкаетъ подобно золотой лентѣ на ярко пурпуровой одеждѣ, катя красныя отъ ила воды. Вверху длиннымъ гребнемъ тянется гора тѣнистая густо-заросшая со всѣхъ сторонъ, покрытая дубами, болѣе достойная по-

хвалъ какого-либо Омира, чѣмъ та гора Ниритъ на островѣ Итакѣ, о которой этотъ поэтъ говоритъ, что она прекрасна и покрыта густымъ лѣсомъ. Лѣсъ, самую природою насаженный, спускаясь по наклонности горы, при подошвѣ ея соприкасается съ произведеніями земледѣлія. Ибо тутъ же виноградные сады, раскинувшіеся по сторонамъ, по отлогостямъ и углубленіямъ подошвы горы, покрываютъ подобно зеленой одеждѣ всю внизу находящуюся мѣстность. Красоту же мѣстности увеличиваетъ и время года, представляя прекрасное зрѣлище виноградныхъ гроздовъ. И это тѣмъ болѣе приводитъ въ удивленіе, что между тѣмъ какъ въ сосѣдней мѣстности плоды еще не дозрѣли, здѣсь можно съ удовольствіемъ ѣсть виноградъ и сколько угодно наслаждаться всѣми этими красотою. Потомъ издали, какъ бы пламя какое отъ великаго костра, засіяла предъ нами красота зданій. По лѣвую руку на нашемъ пути видѣнъ молитвенный домъ, построенный въ честь мучениковъ; правда постройка его еще не доведена до конца; онъ не имѣетъ еще крыши, но при всемъ томъ онъ блистателенъ. По прямому же пути идутъ красивыя зданія; каждое изъ нихъ представляетъ что-либо особенное, придуманное для удовольствія; выдающіяся башни, постройки для пиршествъ, широкіе и высокіе ряды деревьевъ, предъ

дверями увѣнчивающіе входъ. Потомъ около домовъ Феакійскіе сады; но нѣтъ, — красоты Ванотъ да не унизятся сравненіемъ ихъ съ этими садами. Гомеръ не знаетъ здѣшной яблони, «золотыми плодами обильной,» яркостію своихъ красокъ не уступающими краскамъ своего цвѣтка. Не видѣлъ онъ груши, которая бѣлѣе вновь отполированной слоновой кости. А кто опишетъ разновидность и разнообразіе персидской яблони и того, что произошло съ нею отъ смѣшенія и соединенія ея съ другими породами? Ибо что люди, въ вымыслахъ своихъ переступающіе за предѣлы естественнаго, повѣствуютъ о трагеллафахъ, ишпокентаврахъ и подобныхъ смѣшанныхъ изъ различныхъ животныхъ существахъ, тоже надобно сказать и объ этой яблонѣ: природа, вынужденная искусствомъ, произвела такое смѣшеніе, что и по имени и по вкусу она кажется то миндальнымъ деревомъ, то орѣшиною, то дорациною, И во всѣхъ этихъ садахъ сверхъ красоты являлось и обиліе каждаго рода деревъ, распорядокъ въ ихъ насажденіи и стройная живописность. Ибо по истинѣ это дивное зрѣлище больше произведеніе живописца, чѣмъ земледѣльца. До какой степени легко природа повиновалась желанію тѣхъ, которые давали такой распорядокъ (ея произведеніямъ), я не нахожу возможнымъ передать на словахъ. А дорожку подъ при-

вязанными къ деревьямъ виноградными лозами и пріятную тѣнь отъ гроздовъ и новый родъ стѣнъ по сторонамъ изъ кустовъ розъ и виноградныхъ вѣтвей переплетшихся между собою и вмѣсто стѣнъ преграждающихъ ходъ по сторонамъ, и на концѣ этой дорожки водоемъ и въ немъ выкармливаемыхъ рыбъ,—кто по достоинству можетъ описать все это. И среди всего этого, управляющіе домомъ твоего благородства, съ свободною пріветливостію и усердіемъ водили меня и показывали мнѣ, изъясняя порознь всѣ работы, произведенныя для тебя, какъ будто чрезъ насъ доставляя удовольствіе тебѣ самому. Здѣсь одинъ молодой человѣкъ, подобно чудодѣю какому, показалъ намъ зрѣлище, не совсѣмъ обыкновенное въ природѣ. Ибо спустившись на дно водоема по своему произволу вынималъ рыбъ, какихъ ему хотѣлось, и онѣ не пугались прикосновенія ловца, какъ бы ручные щенята, выкормленные рукою искусника и повинующіеся ему. Потомъ привели меня къ нѣкому дому, назначенному какъ бы для отдохновенія; ибо крыльцо заставляло насъ думать о домѣ; но переступивши порогъ, мы очутились не въ домѣ, но въ галлерей; галлерей же стояла на возвышеніи, весьма высоко поднимась надъ глубокимъ прудомъ; вода ударяла въ фундаментъ, поддерживавшій галлерей, которая служила какъ бы преддверіемъ вну-

тренней роскоши. Ибо по правую руку, галерея заканчивалась домомъ съ высокою кровлею, отовсюду освѣщаемымъ солнечными лучами, разувѣченнымъ различными живописными изображеніями, такъ что мы, будучи на этомъ мѣстѣ, почти позабыли то, что видѣли прежде. Домъ привлекалъ къ себѣ; галерея надъ прудомъ также представляла особенное зрѣлище. Ибо лучшіе породы рыбъ, какъ бы намѣренно играя съ нами стоящими на землѣ, выплывали изъ глубины на поверхность какъ бы какія птицы подпрыгивая и въ самый воздухъ; сдѣлавшись на половину видимыми и выставивъ голову на воздухъ, за тѣмъ опять скрывались въ глубинѣ. Другія же стаями и рядами слѣдуя другъ за другомъ, представляли (любопытное) зрѣлище для непривычныхъ къ тому. Въ иномъ мѣстѣ можно было видѣть цѣлую стаю рыбъ, на подобіе винограднаго грозда, густо столпившихся около куска хлѣба; одна изъ нихъ отгоняла прочь другую, одна набѣгала, другая уходила къ низу. Но и объ этомъ заставилъ насъ забыть принесенный намъ виноградъ на вѣткахъ и въ корзинкахъ, угощеніе разнообразными плодами, приготовленный завтракъ, различныя кушанья, лакомства, печенья, кубки гостепріимства и чаши. За тѣмъ, когда насытившись, я намѣревался отойти ко сну, то поставивъ около себя писца, какъ бы

какія грезы, набросалъ тебѣ это письмо. Но желалъ бы я не на бумагѣ и при помощи чернилъ, а собственнымъ моимъ голосомъ и языкомъ, подробно разсказать тебѣ самому и любящимъ тебя о всемъ, что видѣлъ у тебя прекраснаго.

XXI.

Епископу Авлавію.

Есть такого рода искусство ловить голубей. Когда занимающіеся подобною охотою поймаютъ одного голубя и сдѣлаютъ его ручнымъ и своимъ сотоварищемъ, то намазавши благовоннымъ масломъ его крылья пускаютъ летать въ одной стаѣ съ другими голубями. Голубь благоуханіемъ масла приманиваетъ эту свободную стаю къ тому, кто его пустилъ. Потому что за тѣми голубями, которые издаютъ благовоніе, летятъ и прочіе и поселяются съ ними. Къ чему же я веду такое предисловіе? Къ тому, что я послалъ къ твоей святости сына Василія, ... намазавши крылья его души божественнымъ муромъ, съ тою цѣлю, чтобы и ты возлетѣлъ съ нимъ на высоту, и занялъ то гнѣздо, которое устроилъ вышеупомянутый. Еслибы это исполнилось, и я при своей жизни уви-

дѣлъ бы, что твое благородство избрало болѣе высокую жизнь, то я вполне воздалъ бы достодолжное отъ себя благодареніе Богу!

XXII.

Епископамъ.

Въ теченіе трехъ только дней пророкъ былъ во чревѣ кита; однакоже Іона возскорбѣлъ духомъ. Я же, находясь столько времени среди нераскаянныхъ Ниневитянъ, содержимый во внутренностяхъ сего звѣря, еще и доселѣ не могу быть изрыгнутъ изъ этой широко зіяющей пасти. Итакъ помолитесь Господу, чтобы свершилась его милость, дабы вышло повелѣніе, которое освободило бы меня отъ этихъ узъ и я достигъ бы своего крова и успокоился бы подъ нимъ.

XXIII.

Избавляю тебя отъ многихъ словъ, потому что щажу твое утомленіе. Помни о своихъ (обязанностяхъ) и все будешь имѣть въ блистательномъ положеніи. Потребна скорая благодать. Этимъ кончаю наше увѣщаніе.

XXIV.

Еретику Иракліону.

Слово здоровой вѣры для тѣхъ, которые благомысленно принимаютъ богодухновенные глаголы, имѣеть силу въ простотѣ, и для подтвержденія истины не требуетъ никакой словесной мудрости, такъ какъ оно само по себѣ удобопонятно и ясно по первому преданію, которое мы приняли отъ слова Господа, предавшаго таинство спасенія въ банѣ пакибытія. *Шедше убо, говорить Онъ, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вашихъ* (Мѳ. 28, 19. 20.). Раздѣляя христіанскую жизнь на двѣ части,— на нравственную и на точное соблюденіе догматовъ, спасительное ученіе Онъ утвердилъ установленіемъ крещенія, а къ усовершенствованію жизни указалъ путь въ исполненіи Его заповѣдей. Но та часть, которая относится до заповѣдей, такъ какъ съ этой стороны менѣе можетъ произойти вреда для души, оставлена діаволомъ неприкосновенною. Вся же забота противника устремлена болѣе на главную и важнѣйшую часть,—чтобы такъ совратить души многихъ, чтобы не

было никакой для нихъ пользы, еслибы даже они и достигли нѣкотораго совершенства чрезъ соблюденіе заповѣдей, такъ какъ для тѣхъ, которые вовлечены въ заблужденіе относительно догматовъ, не остается уже этой великой и первой надежды (спасенія). Посему мы, заботящимся о своемъ спасеніи, совѣтуемъ, чтобъ они не отступали отъ простоты первыхъ реченій вѣры, но принимая въ душѣ Отца и Сына и Духа Святаго не думали бы, что это есть одна многоименная ипостась. Ибо не возможно, чтобы Отецъ назывался Отцомъ самого себя; не истинно было бы для Отца названіе Сына, происшедшаго отъ Него. Равнымъ образомъ не возможно думать, что и Духъ есть одно и то же, что и другія упомянутыя лица, такъ что названіе: Духъ, будто наводитъ слышащаго оное на понятіе объ Отцѣ или Сынѣ. Но въ каждомъ изъ именъ собственно и отдѣльно подразумѣвается означаемая названіями ипостась. Услышавъ объ Отцѣ,—мы подразумѣваемъ причину всего; узнавъ о Сынѣ,—познаемъ силу возсіявшую изъ первой причины для устроенія вселенной; узнавши о Духѣ,—уразумѣваемъ совершительную силу того, что приведено въ бытіе твореніемъ отъ Отца чрезъ Сына. Итакъ ипостаси, сообразно сказанному, несліянно отдѣлены одна отъ другой, — разумью ипостаси Отца и Сына и

Святаго Духа, а существо ихъ, каково оно ни есть (ибо оно не вырази́мо словомъ и не постижимо мыслию), не раздѣляется въ какую-либо инаковость природы. Посему-то непостижимость, недомыслимость, необъемлемость мыслию равно приличествуетъ каждому изъ лицъ почитаемыхъ въ Троицѣ. Слѣдовательно тотъ, у кого спросятъ, что по сущности есть Отецъ, разсудительно и истинно скажетъ, что этотъ вопросъ выше познанія. Точно также и касательно Единороднаго Сына согласится, что никакимъ словомъ не возможно объять Его сущность, ибо сказано: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. 53, 8.). Подобнымъ образомъ и относительно Духа Святаго, слово Господне показываетъ такую же невозможность постиженія, говоря: *гласъ Его слышаша, но не вси откуда приходитъ и камо идетъ*. (Іаон. 3, 8.). Итакъ, поелику мы не признаемъ никакого различія въ непостижимости трехъ лицъ (потому что одно лицо не есть болѣе непостижимо, а другое менѣе, но одно и то же понятіе непостижимости въ Троицѣ), то, руководимые самою непостижимостію и неуразумѣваемою, говоримъ, что не находимъ никакого различія сущности въ Святой Троицѣ, кромѣ порядка лицъ и исповѣданія ипостасей. Порядокъ лицъ, по которому вѣра начинаясь въ Отцѣ, чрезъ посредство Сына оканчивается въ Духѣ Святомъ, намъ

преданъ въ Евангеліи. А различіе лицъ, открывающееся въ самомъ порядкѣ отдѣльности ихъ въ преданномъ ученіи, не внушаетъ никакой мысли о слятіи ихъ для тѣхъ, которые могутъ слѣдить за значеніемъ словъ, такъ какъ названіе Отца показываетъ особенность понятія (объ Отцѣ), и названіе Сына и Святаго Духа также особое понятіе, такъ что (лица), обозначаемыя именами, никакимъ образомъ не сливаются одно съ другимъ.

Итакъ мы крещаемся, какъ приняли, въ Отца и Сына и Духа Святаго. А вѣруемъ какъ крещаемся; ибо вѣрѣ надлежитъ быть согласною съ исповѣданіемъ. Славимъ же, какъ вѣруемъ; ибо славословію не свойственно противорѣчить вѣрѣ. Итакъ, поелику вѣра есть въ Отца и Сына и Духа Святаго, а вѣра, славословіе и крещеніе слѣдуютъ другъ за другомъ, то и славословіе Отца и Сына и Святаго Духа не различается. Самое же славословіе, которое мы возсылаемъ, по своей природѣ есть не что иное, какъ исповѣданіе благъ, присущихъ величію божескаго естества. Ибо мы, не по нашему произволу приписываемъ честь естеству недосточтиму, но исповѣдуя въ немъ то, что ему принадлежитъ, тѣмъ вполне воздаемъ честь. А поелику каждому изъ лицъ, исповѣдуемыхъ нами во Святой Троицѣ принадлежитъ нетлѣніе, вѣчность, безсмертіе, благодать, могущество,

святость, мудрость, — все что только въ состояніи мы помыслить величественнаго и высокаго; то исповѣдуя словомъ эти присущія Имъ совершенства, мы тѣмъ самымъ воздаемъ должное прославленіе. Если же все, что свойственно Отцу, имѣеть Сынъ и всѣ совершенства Сына усматриваются въ Духъ, то мы не находимъ во Святой Троицѣ никакого различія относительно высоты чести между Ея лицами. Но и не по тѣлесному какому-либо сравненію одно выше, а другое ниже; потому что невидимое и не имѣющее очертанія не объемлется мѣрою. Также и по отношенію къ всемогуществу и благовости, не находится сравнительнаго различія во Святой Троицѣ, чтобы можно было сказать, будто въ нихъ есть разность большаго или меньшаго. Ибо кто скажетъ, что одно могущественнѣе другаго, тотъ молча признаетъ, что уменьшаемое въ силѣ слабѣе болѣе сильнаго. А это крайняя степень нечестія, — представлять въ умѣ какой-нибудь признакъ слабости или безсилія, въ маломъ ли то или большемъ, относительно Единороднаго Бога и Духа Божія. Ибо слово истины предаетъ, что и Сынъ и Духъ совершенны въ могуществовѣ, благовости, нетлѣнни и во всемъ, что только ни мыслится высокимъ. Итакъ, если совершенство всякаго блага благочестиво исповѣдуется въ каждомъ изъ почитаемыхъ во

Святой Троицѣ лицъ, то не свойственно природѣ называть одно и то же и совершеннымъ и опять сравнительно не совершеннымъ. Ибо допускать меньшее по величію силы и благодости есть нечто иное какъ усиливаться утверждать, что есть не совершенное. Посему, если совершенъ Сынъ, совершенъ и Духъ. Ибо разумъ не признаетъ (степеней) совершенства въ томъ, кто всесовершенъ, не почитаетъ его ни менѣе совершеннымъ, ни болѣе совершеннымъ. И изъ дѣйствій (лицъ Святой Троицы) мы узнаемъ нераздѣльность ихъ славы. *Живитъ* Отецъ, какъ говоритъ Евангеліе (Іоан. 5, 21), животворитъ и Сынъ, животворитъ и Духъ, по свидѣтельству Господа, сказавшаго, *что Духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63.). Итакъ надлежитъ представлять силу, начинающуюся отъ Отца, проходящую (*προϊοδου*) чрезъ Сына и совершающуюся въ Духъ; ибо мы научены, что все произошло отъ Бога и все чрезъ Единороднаго и Имъ стоитъ (Колосс. 1, 16. 17) и что чрезъ все проникаетъ сила Отца, дѣйствующая *вся во всѣхъ*, какъ хочетъ, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 12, 6.).

XXV.

Амфилохію.

Я уже увѣренъ, что по благодати Божіей исполнится мое намѣреніе относительно храма въ честь мучениковъ. О еслибы ты захотѣлъ, — предпріятіе совершится силою Бога, который можетъ, когда речеть, привести слово въ дѣло. Поелику, какъ говоритъ Апостоль, *начный дѣло благо и совершитъ* его. (Филип. 1, 6.), согласиись и ты, въ этомъ дѣлѣ быть подражателемъ великаго Павла и привести въ исполненіе наши надежды, выславъ къ намъ столько мастеровъ, чтобы достаточно ихъ было для этого дѣла. А чтобы твоему совершенству, для соображенія было извѣстно, въ какихъ размѣрахъ задумано все это зданіе, я попытаюсь письменнымъ словомъ объяснить тебѣ всю постройку. Видъ этого храма представляетъ крестъ, составленный, какъ обыкновенно, изъ четырехъ со всѣхъ сторонъ зданій. Смыкаясь между собою, эти зданія посредствомъ связей держатъ другъ друга, какъ видимъ вездѣ при крестообразной формѣ построекъ. Въ этомъ крестѣ вставленъ кругъ, раздѣленный восемью углами. Эту осьмиугольную фигуру я называю кру-

гомъ по ея округлому очертанію, такъ что каждыя двѣ стороны этого осьмиугольника, противулежащія другъ другу, посредствомъ сводовъ соединяють этотъ кругъ съ прилежащими съ четырехъ сторонъ зданіями. Другія же четыре стороны осьмиугольника, которые лежатъ между четырехъугольными зданіями, не будутъ простираяться непрерывно до зданій, но каждую изъ этихъ сторонъ будетъ облегать полукругъ, заканчивающійся вверху сводомъ, въ видѣ раковины. Такимъ образомъ составитя всего восемь сводовъ, посредствомъ которыхъ и четвероугольники, противолежащіе другъ другу и самыя полукружія соединятся между собою посрединѣ. Въ срединѣ же, между угловыми столбами будетъ поставлено равное имъ число колоннъ для украшенія и прочности. Они также будутъ поддерживать своды надъ ними, устроенныя также какъ и внутренніе. Вверху надъ этими восемью сводами, соотвѣтственно лежащимъ надъ ними окнамъ, будетъ возвышаться на четыре локтя осьмиугольная надстройка. Верхъ надъ нею долженъ быть конусообразный, въ видѣ крыши суживающейся начиная съ основанія и заканчивающейся остроконечіемъ. Внизу, размѣръ каждаго изъ четырехъугольныхъ отдѣленій въ ширину будетъ восемь локтей, въ длину — въ полтора раза больше, въ высоту — сколько потребуетъ

соразмѣрность съ шириною. Ту же мѣру будутъ имѣть и полукружія. Подобнымъ же образомъ въ восемь локтей опредѣляется и промежутокъ между столбами. Сколько покажетъ очертаніе циркуля, установленнаго на серединѣ одной изъ сторонъ, какъ бы въ центрѣ, и проходящаго до ея края, столько же будетъ въ широту. А высоту укажетъ таже соразмѣрность съ широтою. Толщина же стѣны по всему протяженію зданія будетъ три фута, измѣряя разстояніе извнутри. Это я со тщаніемъ написалъ твоей благости съ тою цѣлю, чтобы и по толщинѣ стѣнъ и по промежуточнымъ разстояніямъ ты съ точностію опредѣлилъ, какая будетъ общая мѣра числа локтей. Поэтому, если пожелаешь, при благомъ руководствѣ благодати Божіей, въ этомъ дѣлѣ тебѣ будетъ легко понять все, и будетъ возможно чрезъ точное вычисленіе узнать общую денежную стоимость всѣхъ матеріаловъ, такъ чтобы ни больше, ни меньше, чѣмъ сколько потребно, ты прислалъ намъ мастеровъ. Въ этомъ случаѣ я бы желалъ убѣдить тебя особенно озаботиться о томъ, чтобы изъ нихъ были такіе, которые знали бы устройство фундамента на сводахъ. Ибо мнѣ извѣстно, что выстроенное такъ зданіе прочнѣе, чѣмъ то, которое утверждается на столбахъ. Недостатокъ же лѣса наводитъ насъ на такую мысль: покрыть

все зданіе черепицею, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ нѣтъ матеріала годнаго для кровель. Да повѣритъ не лживая душа твоя, что тридцать здѣшнихъ мастеровъ соглашались построить квадратное зданіе по златницѣ на день, съ придачею разумѣется къ златницѣ и условленной ниши. У насъ же нѣтъ другаго каменнаго матеріала, кромѣ кирпича изъ обожженной глины; только это вещество и будетъ употреблено на постройку, и еще случайно попадающіеся камни, такъ что нѣтъ никакой нужды тратить время на обработку лицевой стороны камней для приличнаго соединенія ихъ другъ съ другомъ.

Относительно опытности въ искусствѣ и умѣренности цѣнъ я узналъ, что здѣшніе лучше тѣхъ, которые приходили сюда торговаться по случаю нашего дѣла. А трудъ камнетесовъ нуженъ не только для осьми колоннъ, которыя надлежитъ украсить и привести въ лучшій видъ, но требуется такой же трудъ и для основаній колоннъ, имѣющихъ видъ жертвенника, и для капителей, которыя должно обдѣлать въ коринтскомъ стилѣ. Входъ будетъ изъ мраморныхъ камней, обдѣланныхъ съ приличными украшеніями. Надъ входами помѣщаются ниши съ какими-нибудь отчетливо по выступу карниза выполненными рисунками, какъ это обыкновенно бываетъ. Для всего этого матеріалъ очевидно будетъ нами

приготовлень, но форму этому матеріалу дать искусство. Къ тому же во внѣшней галлерей (перистилѣ) будетъ не менѣе сорока колоннъ; и эти вообще подлежатъ обработкѣ камнетесовъ. Итакъ если моя рѣчь точно объяснила это дѣло, то да будетъ возможно твоему благочестію, по усмотрѣніи въ чемъ состоитъ это дѣло, успокоить насъ во всемъ относительно мастеровъ. Если же мастеръ вознамѣрился договариваться съ нами, то пусть опредѣлитъ, если возможно, ясно мѣру дневной работы, дабы онъ, если проведетъ время безъ дѣла, послѣ сего не въ состояніи будучи доказать производствомъ работы, что онъ именно во столько дней совершилъ работу, не сталъ требовать платы за дни, въ которые не было работы. Я знаю, что многіе сочтутъ насъ какими-нибудь мелочными людьми за то, что мы съ такою точностію опредѣляемъ условія. Но убѣдись согласиться со мною. Потому что этотъ мамонъ, много и часто слышавшій о себѣ худыхъ отъ насъ отзывовъ, наконецъ переселился отъ насъ очень далеко, возненавидѣвши, думаю, постоянныя надъ собою насмѣшки. И какую-то непроходимую пропасть, то-есть бѣдностью, отгородилъ себя отъ насъ, такъ что ни онъ къ намъ, ни мы къ нему не можемъ переходить. Потому-то для меня очень важна уступчивость въ цѣнѣ мастеровъ, чтобъ она могла

дать намъ возможность выполнить предположенное намѣреніе безъ всякаго пренятствія со стороны бѣдности — этого похвальнаго и достожелаемаго зла. Однако къ этимъ рѣчамъ примѣшивается небольшая часть шутки. Ты же, *о человѣче Божій* (1 Тим. 6, 11), такъ условившись съ людьми, какъ возможно и законно, объяви смѣло всѣмъ имъ отъ насъ благорасположеніе и выдачу условленной платы. Мы отдадимъ все безъ остатка, когда Богъ по молитвамъ твоимъ отверзетъ и намъ руку благословенія.

О П Е Ч А Т К И.

ПАПЕЧАТАНО:		ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:	
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
4 —	4 снизу	по	по
6 —	18 свер.	надъ ними	надъ нимъ
8 —	4 —	Царств.	4 Царств.
18 —	7 —	<i>отъ дутъ</i>	<i>отъ душъ</i>
19 —	8 —	<i>возжажда</i>	<i>возжада</i>
29 —	15 —	<i>оинецъ</i>	<i>инецъ</i>
60 —	11 —	бросится	броситься
64 —	3 —	<i>въ животь семъ</i>	<i>въ животь семъ точію</i>
68 —	6 —	вличіе	величіе
79 —	4 снизу	производитъ	производитъ
102 —	5 сверх.	<i>по дни</i>	<i>во дни</i>

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ТВОРЕНИЯХЪ ГРІГОРІЯ НИССКАГО:

НАПЕЧАТАНО:

ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
399	сверх. 19	жизнь Іерем. (20, 14)	жизнь (Іерем. 20, 14).
472	снизу 7	тебя	тебѣ
516	— 17	посмѣиваюсь	посмѣваюсь

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

806	сверх. 17	Προνι.	Πονι.
814	— 16	Если два было пѣвца, по четыре псалма, если три, то каждый пѣлъ по шести псалмовъ.	если два было пѣвца, то каждый пѣлъ по шести псал- мовъ, если три, то по че- тыре псалма.
832	снизу 4	Есер. Grdc.	Gloss. Graecit.
888	снизу 7	туга	туча.

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ТВОРЕНИЯХЪ ГРИГОРИЯ НИССКАГО:

Напечатано:		Должно читать:
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	
141	сверху 11 ,	,—
150	снизу 2 демоны	демоны
156	сверху 8 отсюду	отвсюду
163	— 2 Моисево	Моисеево.
165	— 4 Иордана	Иордана
167	— 6 просили чтобъ	просили, чтобъ
—	— 7 убѣдился что	убѣдился, что
—	— 16 любомудрствуя,	любомудрствуя
171	снизу 6 такъ и сей	такъ и сей.
182	— 15 тираннами,	тираннами
189	— 13 молитвою,	молитвою

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

303	снизу 1 оныхъ	онѣхъ
312	— 10 какъ сынъ	онъ какъ сынъ
318	— 8 язычество	язычество,
320	сверху 4 Иусуса	Иисуса
329	— 8 330	339
—	— 21 судопроизводства	судоустройства
335	— 22 <i>прѣрѣки</i>	<i>прѣрѣки</i>
344	— 14 Повесть	Павель
345	снизу 1 законы	законы
346	сверху 1—2 епископа	епископа
—	— 20 апископа	епископа
348	— 20 низверженіи	изверженіи
357	— 2 сыводу,	выводу
360	снизу 4 анаѳемствуемъ	анаѳематствуемъ
—	На 24-мъ и 25-мъ листахъ счетъ	страницъ невѣренъ
362	сверху 5 какошь	канонъ

ВЪ ЖУРНАЛАХЪ СОВѢТА М. Д. А.

74	снизу 13 возможнымъ	возможнымъ
78	сверху 5 свѣдѣія	свѣдѣнія
79	— 19 со	до
80	снизу 4 дѣятельность	дѣятельность,—
93	сверху 13 званіе	званіи
94	— 10 требованіямъ удовлетворя-	удовлетворяющее требова-
	ющее	ніямъ
95	— 12 Правленіе	Правленія
99	— 6 Практическое Отдѣленіе	Практическаго Отдѣленія
103	снизу 9 духовой	духовной

СОДЕРЖАНІЕ

ОСЬМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Слово на день свѣтовъ, въ который крестился нашъ Господь.....	1
Слово на св. Пасху, и о трднневномъ срокъ воскресенія Христова.	26
Слово на св. Пасху о воскресеніи; сказано въ великій день воскресный.....	56
Слово на Святую и спасительную Пасху.....	88
Слово на день, называемый по мѣстному обычаю у Каппадокійцевъ: <i>Ἐπισκοπή</i> то-есть на праздникъ вознесенія Господа нашего Іисуса Христа.....	92
Слово о Святомъ Духѣ.....	98
Похвальное слово Святому Первомученику Стефану.....	105
Слово о жизни Святаго Григорія Чудотворца.....	127
Похвальное слово великомученику Теодору (Тирону).....	199
I. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	214
II. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	223
III. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ, произнесенное во храмъ ихъ.....	240
Похвальное слово преподобному отцу нашему Ефрему....	259

Слово въ день памяти Василя Великаго, роднаго брата..	296
О жизни преподобной Макрины, сестры Василя Великаго (къ Олимпію монаху).....	328
Надгробное слово Мелетію Великому, Епископу Антиохій- скому.....	376
Надгробное слово Пульхеріи.....	391
Надгробное слово императрицѣ Плакилль.....	407
Каноническое посланіе къ святому Литоію, епископу Меле- тинскому.....	425
Письма.....	444
